

Д. В. КУЗНЕЦОВ

«ОСТАВШИЕСЯ»

**СОПРОТИВЛЕНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ЯПОНИИ
ПОСЛЕ КАПИТУЛЯЦИИ,
1945-1974 ГГ.**

Д. В. КУЗНЕЦОВ

«ОСТАВШИЕСЯ»

**СОПРОТИВЛЕНИЕ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ЯПОНИИ
ПОСЛЕ КАПИТУЛЯЦИИ,
1945-1974 ГГ.**

**БЛАГОВЕЩЕНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО БГПУ
2022**

Кузнецов, Д. В.

«Оставшиеся». Сопротивление военнослужащих Императорской армии Японии после капитуляции, 1945-1974 гг. [Электронный ресурс] / Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2022. – 288 с.

В книге предпринята попытка составить общее представление о таком уникальном явлении, которое имеет отношение к истории Второй мировой войны 1939-1945 гг. и ее последствиям, как сопротивление военнослужащих Императорской армии Японии (Хироо Онода и др.) после капитуляции Японской империи 2 сентября 1945 г.

Настоящее издание предназначено для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, специалистов, в первую очередь, историков, для всех, интересующихся историей Второй мировой войны 1939-1945 гг. и ее последствий.

*Издание представлено
в электронном формате*

© Д.В.Кузнецов, 2022

© Издательство БГПУ, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

---

2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту линкора ВМС США «Миссури» был подписан Акт о капитуляции Японии – юридический документ, ознаменовавший завершение Второй мировой войны 1939-1945 гг.¹.

К этому моменту военные действия в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которые велись с участием Императорской армии Японии в различных частях этого региона Земного шара, фактически завершились.

Накануне этого исторического события состоялось обращение императора Хирохито к подданным Японской империи, переданное 15 августа 1945 г. в 12:00 по токийскому времени в эфире национального радио (NHK), в котором император заявил о том, что Япония принимает условия Потсдамской декларации 1945 г.², что означало капитуляцию Японии во Второй мировой войне³.

В своем обращении император Хирохито фактически положил конец состоянию войны – как объявленной, так и необъявленной, - в которой принимала участие Японская империя в течение последних 14 лет, начиная с 1931 г., с момента агрессии в отношении Северо-Восточного Китая (Маньчжурии). Для большинства японцев, не говоря уже о тех, кто пострадал от их рук во время войны, это стало настоящим облегчением.

Начавшаяся после этого в массовом порядке и на всех фронтах Тихоокеанского театра военных действий сдача в плен военнослужащих Императорской армии Японии продолжалась в течение нескольких недель⁴.

***

Между тем, в отдельных местах Азиатско-Тихоокеанского региона были зафиксированы случаи отказа в сдаче в плен со стороны военнослужащих

Императорской армии Японии, которые продолжили вооруженное сопротивление.

Уникальными стали случаи, когда сопротивление японских военнослужащих после капитуляции Японской империи, исходившее со стороны небольших, отдельных групп солдат и офицеров, отдельных военнослужащих Императорской армии Японии и Императорского флота Японии, называемых по-английски Holdout или Straggler («Занрю», букв. «оставшиеся [там]»), с яп. – «残留», «оставаться [за]»), продолжалось в течение довольно длительного периода времени, до 1974 г. Японский термин для их обозначения – zan-ryū Nippon heī (яп. 残留日本兵, букв. «японские солдаты, оставленные позади»).

«Оставшиеся» в течение долгих недель, месяцев, лет, продолжали вооружённую борьбу с силами союзных держав, как правило – с частями ВС США, Великобритании, а в дальнейшем – с местными военными и полицейскими частями.

Эти, ушедшие в глубокие джунгли Филиппин, Индонезии, Индокитая и островов Тихого океана, вооружённые группы и одиночки руководствовались различными побудительными мотивами для продолжения «своей войны», несмотря на то, что война, которую вела Японская империя, уже закончилась.

Одни из них были воспитаны в фанатичной преданности долгу, Родине и Императору. Для них окончание войны – в случае поражения Японии – могло означать только доблестную смерть в бою с врагом.

Другие не признавали легитимность подписанного 2 сентября 1945 г. Акта о капитуляции Японии.

Третьи же продолжали воевать, вообще не зная о самом факте капитуляции Японской империи, поскольку были изолированы от Токио, вследствие чего достоверная информация о том, что в реальности происходит, до них не доходила.

Были и такие, кто боялся сдаваться в плен, будучи убежденными, что в этом случае их ждет расстрел.

Наконец, некоторые признали сам факт капитуляции Японии и окончания Второй мировой войны, но желали продолжить вооружённую борьбу по идеологическим причинам. В результате, многие из них участвовали в гражданской войне в Китае, войне в Корее, а также в местных движениях за независимость, таких как Первая Индокитайская война и Война за

независимость в Индонезии. Этих японских военнослужащих можно назвать «оставшимися» с определенными оговорками.

Примечательно, что некоторые из этих военнослужащих Императорской армии Японии продолжали оказывать вооруженное по своему характеру сопротивление на протяжении нескольких десятилетий после окончания Второй мировой войны 1939-1945 гг.

Наряду с этим, вплоть до наших дней становятся известны случаи обнаружения в странах Юго-Восточной Азии отдельных бывших солдат и офицеров Императорской армии Японии, избежавших плена потому, что в 1945 г. ушли в джунгли, однако впоследствии, узнав о капитуляции своей страны, прекративших сопротивление и натурализовавшихся в странах своего пребывания.

***

В целом, японские официальные лица подсчитали, что, после Второй мировой войны 1939-1945 гг., возможно, сотни солдат и офицеров Императорской армии Японии могли скрываться в джунглях Юго-Восточной Азии, либо из-за незнания того, что война закончилась, либо из-за верности военному кодексу, который учил их, что смерть предпочтительнее капитуляции.

Наиболее известные к настоящему времени случаи сопротивления после капитуляции Японской империи связаны с именами следующих военнослужащих Императорской армии Японии:

до 1945-1949 гг.: капитан Сакаэ Оба (Марианские острова), майор Сэй Игава (Индокитай), лейтенант Хидэо Хориути (Индонезия), младший лейтенант Эй Ямагути (острова Палау);

до 1950-1959 гг.: рядовой 1-го класса Юити Акацу (Филиппины), майор Кикуо Танимото (Индокитай), майор Такуо Исии (Индокитай), капрал Сёити Симада (Филиппины), матрос Нобору Киносита (Филиппины);

до 1960-1969 гг.: рядовой 1-го класса Бундзо Минагава (Гуам), капрал Масаси Ито (Гуам);

до 1970-1979 гг.: капрал Сёити Ёкои (Гуам), рядовой 1-го класса Кинсити Кодзука (Филиппины), младший лейтенант Хироо Онода (Филиппины), рядовой 1-го класса Тэруо Накамура (Индонезия).

***

Настоящее издание имеет своей целью составить общее представление о таком уникальном явлении, которое имеет отношение к истории Второй мировой войны 1939-1945 гг. и ее последствиям, как сопротивление военнослужащих Императорской армии Японии (Хироо Онода и др.) после капитуляции Японской империи 2 сентября 1945 г.

В отличие от зарубежной, в отечественной историографии⁵ эта тема практически не изучена, что вынуждает обратиться к ее рассмотрению на более подробной основе.

***

Настоящее издание предназначено для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, специалистов, в первую очередь, историков, для всех, интересующихся историей Второй мировой войны 1939-1945 гг. и ее последствий.

---

1 . Акт о капитуляции Японии (Токийская бухта, 2 сентября 1945 г.):

«Мы, действуя по приказу и от имени Императора, Японского Правительства и Японского императорского генерального штаба, настоящим принимаем условия Декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме Главами Правительств Соединённых Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединились и СССР, каковые четыре державы будут впоследствии именоваться Союзными державами.

Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции Союзным державам Японского императорского генерального штаба, всех японских вооружённых сил и всех вооружённых сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся.

Настоящим мы приказываем всем японским войскам, где бы они ни находились, и японскому народу немедленно прекратить военные действия, сохранять и не допускать повреждения всех судов, самолётов и военного и гражданского имущества, а также выполнять все требования, которые могут быть предъявлены Верховным командующим Союзных держав или органами Японского Правительства по его указаниям.

Настоящим мы приказываем Японскому императорскому генеральному штабу немедленно издать приказы командующим всех японских войск и войск, находящихся под японским контролем, где бы они ни находились, безоговорочно капитулировать лично, а также обеспечить безоговорочную капитуляцию всех войск, находящихся под их командованием.

Все гражданские, военные и морские официальные лица должны повиноваться и выполнять все указания, приказы и директивы, которые Верховный командующий Союзных держав сочтёт необходимыми для осуществления данной капитуляции и которые будут изданы им самим или же по его уполномочию; мы предписываем всем этим официальным лицам оставаться на своих постах и по-прежнему выполнять свои небоевые обязанности, за исключением тех случаев, когда они будут освобождены от них особым указом, изданным Верховным командующим Союзных держав или по его уполномочию.

Настоящим мы даём обязательство, что Японское Правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которых в целях осуществления этой Декларации потребует Верховный командующий Союзных держав или любой другой назначенный Союзными державами представитель.

Настоящим мы предписываем Японскому императорскому Правительству и Японскому императорскому генеральному штабу немедленно освободить всех союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц, находящихся сейчас под контролем японцев, и обеспечить их защиту, содержание и уход за ними, а также немедленную доставку их в указанные места.

Власть императора и Японского Правительства управлять государством будет подчинена верховному командующему Союзных держав, который будет предпринимать такие шаги, какие он сочтёт необходимым для осуществления этих условий капитуляции.

Подписано в Токийской Бухте, Япония, в 09.04 утра 2-го сентября 1945 года».

Лица, подписавшие Акт о капитуляции Японии:

По приказу и от имени Императора Японии и Японского Правительства – Сигэмицу Мамору;

По приказу и от имени Императора Японии и Японского Правительства – Умедзу Ёсидзиро;
Верховный Командующий Союзных Держав – Дуглас Макартур;
Представитель СССР – Кузьма Деревянко;
Представитель США – Честер Нимиц;
Представитель Великобритании – Брюс Фрейзер;
Представитель Китая – Сюй Юнчан;
Представитель Франции – Жак Леклерк де Отклок;
Представитель Нидерланды – К.Е. Хельфрейх;
Представитель Канады – Мур Косгроув;
Представитель Австралии – Ч.А. Блейми;
Представитель Новой Зеландии – Леонард М. Исситт.

2. Потсдамская декларация – опубликованная 26 июля 1945 г. в рамках Потсдамской конференции совместная декларация от имени правительств трёх держав: США, Великобритании и Китайской республики. Потсдамская декларация требовала капитуляции Японии во Второй мировой войне безоговорочно на условиях, предложенных союзными державами, и безоговорочной капитуляции Императорской армии Японии. В случае отказа союзники угрожали Японии «быстрым и полным уничтожением».

28 июля 1945 г. правительство Японии отклонило требования Потсдамской декларации.

6 августа 1945 г. США подвергли атомной бомбардировке японский город Хиросима.

Вечером 8 августа 1945 г. согласно предварительной секретной договорённости к Потсдамской декларации присоединился СССР, после чего СССР объявил Японии войну. Военные действия начались 9 августа 1945 г.

9 августа 1945 г. США подвергли атомной бомбардировке японский город Нагасаки.

9 августа 1945 г. японское правительство, в результате атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки и объявления войны со стороны СССР, решило принять условия Потсдамской декларации. В тот же день при дворе императора Хирохито было открыто заседание Высшего совета по управлению войной. На нём премьер-министр Японии Кантаро Судзуки, а также представители военно-политических кругов Японии Мицумаса Ёнай и Сигэнори Того посоветовали императору Хирохито принять условия Потсдамской декларации и объявить о безоговорочной капитуляции.

После закрытия сессии, проводившейся в бомбоубежище, премьер-министр Японии Кантаро Судзуки снова собрал Высший совет по управлению войной, в этот раз в форме императорского собрания, на котором присутствовал император Хирохито. Оно состоялось в полночь 10 августа 1945 г., в подземном бомбоубежище. Император Хирохито согласился с выдвинутой позицией относительно капитуляции Японии, в результате чего были приняты условия Потсдамской декларации.

14 августа 1945 г. Имперский генеральный штаб, по приказу императора Хирохито и во исполнение сдачи императором всех японских вооружённых сил верховному главнокомандующему союзных держав, выпустил общий военный и военно-морской приказ, который повелевал всем своим командующим в Японии и за ее пределами дать приказ находящимся под их командованием японским вооружённым силам и контролируемым японцами войскам прекратить военные действия немедленно, сложить свое оружие, остаться на своих настоящих позициях и безоговорочно капитулировать перед командующими, действующими от имени Соединённых Штатов, Китайской Республики, Соединённого Королевства и Британской Империи и Союза Советских Социалистических Республик. Япония приняла условия Потсдамской декларации с единственной оговоркой о неприкосновенности императора Хирохито.

2 сентября 1945 г. был подписан Акт о капитуляции Японии.

3. Это был первый случай, когда император Японии обращался напрямую к народу, а подданные Японской империи впервые услышали его голос.

Текст речи императора Хирохито о принятии условий капитуляции Японии:

«Нашим добрым и верным подданным.

После тщательного размышления об основных тенденциях в мире и при текущих условиях, которые сложились в нашей империи сегодня, мы приняли решение, что повлиять на существующую ситуацию могут только чрезвычайные меры.

Мы приказали нашему правительству сообщить правительствам Соединённых Штатов, Великобритании, Китая и Советского Союза о том, что наша империя принимает условия их совместной декларации. Борьба за общее процветание и счастье всех наций, а также за безопасность и благосостояние наших подданных – это важная обязанность, завещанная нам нашими императорскими предками, которую мы принимаем близко к сердцу.

Действительно, мы объявили войну Америке и Британии, искренне желая обеспечить самосохранение Японии и стабильность в Восточной Азии, и мы не помышляли о том, чтобы нарушить суверенитет других наций или о территориальной экспансии. Но война длится более четырёх лет. Несмотря на наши усилия — доблестные действия наших армии и флота, трудолюбие и усердие наших государственных служащих и на совместные усилия нашего стомиллионного населения, - ситуация в войне сложилась не в пользу Японии, тем

временем как основные события в мире целиком сложились против её интересов. Более того, противник применил новую бомбу невиданной разрушительной силы, которая погубила множество ни в чём не повинных людей. Если мы будем вести войну и дальше, это будет означать не только ужасную гибель и уничтожение японского народа, но также приведет к гибели всей человеческой цивилизации.

Сегодня перед нами стоит вопрос: как нам спасти миллионы наших подданных и не унижить себя перед священными духами наших императорских предков? Вот причина, почему мы приказали принять условия совместной декларации победителей. Мы не можем не высказать чувство глубочайшей признательности нашим союзникам в Восточной Азии, которые объединили свои усилия с империей за освобождение Восточной Азии. Мысли о тех офицерах и солдатах, всех тех, кто пал на полях сражений, тех, кто погиб на своем посту, или тех, кто встретил смерть иначе, обо всех их убитых горем семьях ранят наше сердце днем и ночью.

Состояние раненых и пострадавших от войны и всех тех, кто потерял свои дома и средства к существованию, является объектом нашей большой обеспокоенности. Жизнь нашего государства будет полна тягот и лишений. Мы четко осознаем сокровенные чувства всех вас, наши подданные. Однако в сложившихся условиях нам выпала судьба пройти по тернистому пути к достижению всеобщего мира для всех грядущих поколений, стерпя нестерпимое и вынеся невыносимое.

Имея возможность сохранить и поддерживать Кокутай, мы всегда с вами, наши добрые и верные подданные, мы всегда полагаемся на вашу искренность и честность. Более всего мы опасаемся любых всплесков эмоций, которые могут привести к ненужным осложнениям, боимся братских обид и ссор, приводящих к беспорядкам и могущих ввести вас в заблуждение, заставив потерять веру в мировой порядок.

Пусть весь наш народ, как одна семья, от поколения к поколению, твердо придерживается традиций нерушимости их божественной страны и будет стойко выносить то тяжелое бремя ответственности, которое легло на плечи страны, которой предстоит проделать большой путь.

Объедините всю вашу силу для созидания, для лучшего будущего. Идите строго по пути справедливости, благородства духа и работайте с той мыслью, что вы можете вознести вечную славу империи и при этом идти в ногу с мировым прогрессом.

Император Хирохито

Токио, 14 августа, 1945 года (20 год Сёва)».

Примечательно, что в тот же день, в Японии была предпринята попытка военного переворота. В Японии эти события получили название «Инцидент в императорском дворце».

Попытка военного переворота в Японии была предпринята в ночь с 14 на 15 августа 1945 г., перед объявлением о капитуляции Японии. Переворот был организован офицерами Министерства Сухопутных войск, а также служащими Императорской гвардии, с тем, чтобы воспрепятствовать капитуляции Японии.

Офицеры, пытаясь заблокировать решение о капитуляции Японии, совершили убийство командира 1-й гвардейской дивизии генерал-лейтенанта Такэси Мори и предприняли попытку сфальсифицировать указ с целью захвата Императорского дворца в Токио. Также они попытались поместить императора под домашний арест, используя для этого 2-ю гвардейскую бригаду.

Однако, организаторам не удалось убедить Восточную армию Японии и высшее командование Императорской армии Японии начать действовать. Не сумев уговорить оставшиеся армейские силы отстранить от власти императорскую семью, они совершили самоубийство. В результате подготовка к капитуляции Японии продолжилась по намеченному плану.

4. Сдача в плен военнослужащих Императорской армии Японии осуществлялась в соответствии с Приказом Генерального штаба Императорской армии Японии о безоговорочной капитуляции:

«Общий военный и военно-морской приказ № 1 от 14.08.1945 г.:

1. Имперский генеральный штаб, по приказу императора и во исполнение сдачи императором всех японских вооруженных сил верховному главнокомандующему союзных держав, настоящим повелевает всем своим командующим в Японии и за её пределами дать приказ находящимся под их командованием японским вооруженным силам и контролируемым японцами войскам прекратить военные действия немедленно, сложить свое оружие, остаться на своих настоящих позициях и безоговорочно капитулировать перед командующими, действующими от имени Соединенных Штатов, Китайской Республики, Соединенного Королевства и Британской Империи и Союза Советских Социалистических Республик, как указано ниже, или как может быть дополнительно приказано верховным главнокомандующим союзных держав.

а) Старшие японские командиры и все наземные, морские, воздушные и вспомогательные силы внутри Китая (Исключая Маньчжурью), Формозы, и Французского Индокитая – севернее 16° северной широты – должны сдать Генералиссимусу Чан Кайши.

б) Старшие японские командиры и все наземные, морские, воздушные и вспомогательные силы внутри Маньчжурии, Кореи севернее 38°50' северной широты, Карафутто и на Курильских островах должны сдать Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке.

с) Старшие японские командиры и все наземные, морские, воздушные и вспомогательные силы на Андаманских и Никобарских островах, в Бирме, Сиаме, Французском Индокитае южнее 16° северной широты, - в Малайе, на Суматре, Яве, Малых Зондских (включая Бали, Бомбок и Тимор), Боеро, Серам, Амбон, Кай,

Ароз, Танимбар и на островах в море Арафура, на острове Целебес, Галмахера и в Голландской Новой Гвинее должны сдаться союзному главнокомандующему района Юго-Восточной Азии».

Между тем, несмотря на Приказ Генерального штаба Императорской армии Японии, капитуляция отдельных частей Императорской армии Японии проходила постепенно.

15 августа 1945 г. капитулировала Экспедиционная армия в Китае – крупнейшая континентальная группировка Императорской армии Японии общей численностью 1,2 миллиона солдат и офицеров.

16 августа 1945 г. капитулировала Квантунская армия численностью 700 тысяч солдат и офицеров.

28 августа 1945 г. капитулировало Первое и Второе командование вооружённых сил центральной Японии численностью 4 миллиона солдат и офицеров. При этом, после капитуляции структуры командования продолжали действовать вплоть до 1 ноября 1945 г., поддерживая порядок до прибытия оккупационных сил и осуществляя демобилизацию и роспуск Императорской армии Японии.

12 сентября 1945 г. капитулировала Южная группа армий численностью 680 тысяч солдат и офицеров. Другие части армии сдавались постепенно, по мере прибытия войск союзников вплоть до 30 ноября 1945 г., когда в Сайгоне Луису Маунтбеттену сдался командующий Южной группы армий маршал Тэраути Хисаити.

Соответственно, репатриация бывших военнослужащих Императорской армии Японии растянулась минимум на 3 года, а в отдельных случаях (СССР) – на гораздо больший по времени срок.

5. Подчеркнем, что за рубежом в разное время были опубликованы научные работы, в т.ч. монографии, статьи, в которых представлена тема сопротивления военнослужащих Императорской армии Японии после капитуляции Японской империи. В данном случае, значительный интерес представляют книги, опубликованные различными авторами на английском и французском языках.

См., напр., Cendron B., Chenu G. *Onoda: 30 ans seul en guerre*. Paris: Arthaud, 1974; Cendron B., Chenu G. *Onoda – Seul en guerre dans la jungle 1944-1974*. Paris: Arthaud, 2020.

См. также: Jones D. *Oba, The Last Samurai: Saipan 1944-1945*. Novato: Presidio Press, 1986.

См. также: 28 Years in the Guam Jungle: Sergeant Yokoi Home from World War II. Tokyo: Japan Publications, 1972; Shoichi, Yokoi. *The Last Japanese Soldier: Corporal Yokoi's 28 Incredible Years in the Guam Jungle*. London: Tom Stacey Limited, 1972; Hatashin, Omi. *Private Yokoi's War and Life on Guam, 1944–1972: The Story of the Japanese Imperial Army's Longest WWII Survivor in the Field and Later Life*. Osaka: Osaka Jogakuin University, 2009.

Имеются также исследования, авторами которых являются отдельные японские ученые, книги которых изданы на японском языке.

К примеру, это книга Эйити Хаяси «Оставшиеся японские солдаты: 10 000 выживших после войны в Азии» (2012 г.), в которой автор на основе исторических материалов представляет общую картину применительно к японским военнослужащим, которые после капитуляции Японии в 1945 г. остались в различных частях Азии, а также выявляет причины, по которым они остались, различные аспекты их жизни в местах пребывания, факторы их расселения в различных частях Азии.

Кроме того, это книги, посвященные личности отдельных военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся, к примеру, Хироо Оноды: Макото Цуда «Герой иллюзий: три месяца с младшим лейтенантом Онода» (1977 г.), Той Тогацу «Бесконечная битва Хироо Оноды» (2005 г.) и др.

ХИРОО ОНОДА

Наибольшую известность из «оставшихся», т.е. военнослужащих Императорской армии Японии, которые продолжили вооруженное сопротивление после капитуляции Японской империи, получил *Хироо Онода* (яп. 小野田 寛郎 / Онода Хироо, 19 марта 1922, Камэкава – 16 января 2014, Токио) – младший лейтенант войсковой разведки Императорской армии Японии, который был обнаружен на *Филиппинах* только в 1974 г.

Филиппины оказались вовлечены в события на Тихоокеанском театре военных действий уже 7 декабря 1941 г., когда были осуществлены внезапные удары японской авиации по американским военным объектам в Пёрл Харборе и на Филиппинах.

Императорская армия Японии осуществила Филиппинскую операцию (8 декабря 1941 г. – 6 мая 1942 г.). После вывода из строя в результате воздушных ударов почти всей американской авиации в декабре 1941 г. японские войска высадилась на острове Лусон и 2 января 1942 г. заняла Манилу. 6 мая 1942 г. блокированные на полуострове Батаан и в крепости Коррехидор американо-филиппинские войска капитулировали.

В японской оккупации на Филиппинах стало расти движение за национальное освобождение и создаваться партизанские отряды. Главными организаторами освободительного движения на Филиппинах были националисты и коммунисты, основавшие в феврале 1942 г. Национальный антияпонский единый фронт, который выступал за «полную независимость» Филиппин – от Японии и от США. В 1942 г. различные партизанские отряды и группы объединились в Национальную антияпонскую армию (Хукбалахав).

В 1943 г. произошёл перелом в ходе войны на Тихом океане. США и Великобритания ликвидировали последствия поражений 1941-1942 гг., изменили соотношение сил в свою пользу и захватили стратегическую инициативу.

15 сентября 1943 г. японское правительство и верховное командование установили «сферу, которую следует удерживать во что бы то ни стало», - от Курильских островов на севере до Бирмы на западе и Новой Гвинеи на юге. По существу, эта сфера включала в себя все основные территории, захваченные Японией в 1941-1942 гг. Было также решено, что «империя до последней возможности будет избегать войны с Советским Союзом».

Чтобы удержать захваченные территории, Япония прибегла к политическим маневрам, в т.ч. и на Филиппинах. 14 октября 1943 г. группа связанных с Японией политических деятелей Филиппин обнародовала декларацию о независимости Филиппинских островов, сформировала правительство и заключила союз с Японией.

В целом стратегическая обстановка к концу 1944 г. резко изменилась в пользу союзников. Войска Императорской армии Японии были блокированы на островах в центральной и юго-западной частях Тихого океана. Важнейшие морские коммуникации Японии оказались под контролем союзных вооружённых сил.

17 октября 1944 г. союзные войска начали Филиппинскую десантную операцию. После 3-дневной авиационной и артиллерийской подготовки 20 октября 1944 г. началась высадка морского десанта на острове Лейте, который к 25 декабря 1944 г. был очищен от японских войск. Во время боев за Лейте 23-25 октября 1944 г. в районе Филиппин произошли морские сражения, в которых японский флот понёс тяжёлые потери, что обеспечило в дальнейшем американским войскам беспрепятственную высадку на др. островах Филиппинского архипелага. 9 января 1945 г. американские войска высадились на острове Лусон и после упорных боев 4 марта 1945 г. заняли Манилу. В марте – апреле 1945 г. были высажены десанты на островах Минданао, Панай, Негрос и др. К середине мая 1945 г. боевые действия на Филиппинах были фактически закончены, но их полное очищение от мелких японских отрядов продолжалось до 15 августа 1945 г.

В течение почти 30 лет (1944-1974 гг.) Хироо Онода вместе со своими товарищами, к которым относились рядовой 1-го класса *Юити Акацу (1922-?)*, капрал *Сёити Симада (1924-1954)*, рядовой 1-го класса *Кинсити Кодзука (1922-1972)*, продолжал «свою войну» в горах и джунглях острова Лубанг (Филиппинские острова), отказываясь верить, что Вторая мировая война закончилась.

Лубанг – остров в Южно-Китайском море, в настоящее время принадлежащий Филиппинам.

Остров Лубанг, входящий в состав Филиппинских островов, располагается в более чем 100 километрах юго-западнее столицы Филиппин, города Манила. Лубанг является островом вулканического происхождения, центральные районы острова густо покрыты лесами, поселения расположены вдоль побережья. Вместе с тремя находящимися поблизости островами – Амбил, Кабра и Голо, а также рядом мелких островков (Мандауи, Талинас и др.), отмелей, рифов и выступающих над морской поверхностью скал, он образует группу островов Лубанг. Сам остров Лубанг имеет холмистую и сильно пересечённую поверхность. Площадь – около 185 км². Длина – 30 километров. Ширина – 8,5 километра. Самый крупный город острова, также называющийся Лубанг, находится на северо-западе. Наивысшая точка острова – гора Маунт-Гоатинг (417 метров над уровнем моря).

Остров Лубанг был впервые заселён человеком порядка 30 000 лет назад. Его коренное население относится к народности висайя.

Хироо Онода не вел какого-либо журнала или дневника, но его память, как оказалось, феноменальна. В 1974 г., всего за три месяца с момента своего возвращения в Японию он надиктовал две тысячи страниц воспоминаний.

Первоначально, 9 мая 1974 г., 22-страничные эксклюзивные мемуары под названием «Сражайся, пока ты живой», включая фотографии Оноды, были опубликованы в специальном выпуске одного из периодических изданий Японии, и были распроданы в одно мгновение.

Вскоре статьи начали выходить серией в еженедельнике Shukan Gendai. Одновременно началась подготовка к изданию книги на японском и английском языках, а также началось налаживание связей с заинтересованными издателями за рубежом.

В результате, в сентябре 1974 г. Хироо Онода выпустил книгу «Не сдаваться. Моя тридцатилетняя война», в которой он честно рассказал о своей жизни и которая сразу же стала бестселлером.

Первоначально изданная на японском языке¹, уже в 1974-1975 гг. эта книга была переведена на английский, французский, немецкий, итальянский и испанский языки и, в дальнейшем, неоднократно переиздавалась².

Наряду с этим, опубликованы также книги, авторство которых принадлежит родственникам и близким Хироо Оноды (Танэдзиро Онода, «Оценка Лубанга: 30 лет поисков Хироо», 1974 г.; Бонджи Онода, «Воспоминания о Лубанге: 30 лет ожидания Хироо, 1974 г.; Мачико Онода, «Интересно, смогу ли я быть товарищем Хироо Оноды и Бразилии в течение 30 лет», 2002 г.).

Книга «История выживания Хироо Оноды: Рассказ о неукротимом духе, о котором японцы забыли после войны» (2017 г.) представляет собой сборник цитат, принадлежащих Хироо Оноде.

Наиболее важные и интересные отрывки из книги «Не сдаваться. Моя тридцатилетняя война» приводятся в настоящей главе.

***

Хироо Онода родился 19 марта 1922 г. в селе Камэкава (район Кайсо, префектура Вакаяма), в семье Танэдзиро Оноды и Тамаэ Оноды. Отец мальчика работал педагогом, журналистом и депутатом совета префектуры. Мать мальчика работала учительницей. Семья была многодетной. Хироо Онода был пятым из семи детей в семье и имел четырех братьев (Тоширо, Тадао, Йошио, Шигео) и две сестры (Чи, Кейко). Один ребенок в этой семье скончался в раннем детстве.

В юности Онода учился в средней школе города Кайнан, где особенно упорно изучал кэндо – современное японское боевое искусство фехтования на бамбуковых мечах.

«Когда я учился в Кайнанской средней школе, я был без ума от японского фехтования кендо. Хотя я и не показывал выдающихся результатов на моих занятиях, мне нравилось

ходить в школу, потому что, когда уроки заканчивались, я мог пойти в зал для занятий кендо и упражняться со своим бамбуковым мечем до изнеможения.

Моим фирменным приемом была атака корпуса в прыжке и атака корпуса сбоку.

Мой учитель, Эйсабуро Сасаки, был шестым в рейтинге мастеров кендо того времени, и он тщательно обучал меня этим двум приемам. Сасаки был невысоким человеком, но славился как лучший мастер кендо всей префектуры Вакаяма. У меня у самого тогда был рост всего сто шестьдесят пять сантиметров, самый маленький в классе, из чего очевидно следовало, что все, с кем я дрался, целили мне в маску. И в тот самый момент, когда противник, занеся меч над моей головой, начинал опускать его мне на лоб, я уворачивался и наносил колющий удар в грудь. Обучение меня этому приему стоило Сасаки многих синяков.

В классе был всего один мальчик, которого я не мог победить. Его звали Каору Кобаи. Позже он поступил в университет Васэда и теперь занимает седьмое место в рейтинге фехтовальщиков, но тогда он был таким же новичком, как и я. Невозможность победить его жгла меня. Всего раз, думал я, хотя бы раз победить его, прежде чем мы закончим школу.

Скоро мы оказались в пятом и последнем классе школы, и последняя серия тренировок кендо подходила к концу. Однажды я отозвал Кобаи в сторону и сказал "Слушай, я не могу окончить школу, не победив тебя хоть раз. Дай мне еще один шанс! Пожалуйста!".

Он согласился дать мне столько попыток, сколько я пожелаю, и мы снова надели наше защитное снаряжение. Когда мы встали друг напротив друга, остальные собрались вокруг, чтобы посмотреть на схватку. Я говорил себе снова и снова, что я не должен проиграть, просто не могу проиграть, и, когда он начал атаку моей головы, как я и полагал, я поднырнул вперед и вправо. Нагрудная пластина Кобаи звякнула, а острие моего меча подсказало мне, что я попал в цель.

Потом Кобаи небрежно сказал мне "Это был сильный выпад, Онода", и тут я, гордившийся только своей техникой, понял, что я даже не начал понимать дух кендо. Я покраснел до корней волос».

В апреле 1939 г., после окончания школы, в возрасте 17 лет Онода устроился на работу в частную торговую компанию Тадзима Йоко, которая специализировалась на лакированных изделиях, вследствие чего, был вынужден переехать в один из филиалов этой компании, который располагался в китайском городе Ханькоу (совр. Ухань), расположенном в Центральном Китае, где в тот момент находился его старший брат Тадао, старший лейтенант Императорской армии Китая. Самый старший из братьев Оноды – Тоширо, закончивший Первую Высшую школу и Токийский императорский университет, в котором получил диплом медика, был офицером медицинской службы в Императорской армии Японии и проходил военную службу в районе границы между Кореей и Маньчжоу-го. Находясь в Ханькоу, Онода овладел китайским и английским языками.

***

Спустя некоторое время, в мае 1942 г. Онода был призван на военную службу, вследствие чего уже в августе 1942 г. он вернулся на родину – в Японию.

В качестве рядового 2-го класса Онода был приписан в 64-й пехотный полк в Вакаяме (первоначально), в 218-й пехотный полк в Наньчане (в дальнейшем).

В 1943 г. Онода, будучи на военной службе, неоднократно получал повышение в воинском звании: в июле 1943 г. – до звания рядового 1-го класса, в сентябре 1943 г. – до звания рядового высшего класса, в ноябре 1943 г. – до звания капрала.

В течение января – августа 1944 г. Онода учился в Первом армейском училище в Куруме по подготовке командного состава Императорской армии Японии.

«"Дьявольский Куруме", как его называли студенты, был очень суровым тренировочным лагерем, а капитан Сидео Сигетоми старший офицер в моем классе был самым суровым офицером. Его девизом было "Лучше истекать потом на плацу, чем истекать кровью на поле боя", и он без устали тренировал пятьдесят своих солдат, готовя их к военным действиям в качестве камикадзе. Любимыми словами Сигетоми было "Ты тупой" и "Ты всё делаешь наоборот". Обычно эти фразы процеживались им перед тем, как отвесить хорошую пощечину провинившемуся.

От капитана Сигетоми я узнал, что такое настоящая военная подготовка, и что такое быть солдатом. Еще он научил меня внутренней дисциплине. Он говорил, что солдаты постоянно валяют дурака, а потом приносят извинения, но такое поведение недопустимо для офицера. В нашей школе быть застигнутым врасплох не одетым и неподготовленным считалось худшим позором. Ни одно дело, каким бы обыденным оно ни казалось, не должно было делаться неряшливо. Капитан Сигетоми сделал из меня офицера, и именно моя офицерская гордость поддерживала меня все тридцать лет на Лубанге».

В ходе обучения в Куруме Онода получил звание сержанта (в апреле 1944 г.) и звание старшего сержанта (в августе 1944 г.). Одновременно с этим, Онода получил назначение для продолжения обучения при Генеральном штабе Императорской армии Японии.

Несмотря на это, Онода решил продолжить карьеру боевого офицера и в августе 1944 г. поступил в Отделение Футамата армейского училища Накано, готовившего офицеров войсковой разведки.

«Тренировочный центр, в который я был направлен, официально назывался Отделением Футамата военной школы Накано, но на вывеске на воротах было сказано лишь "Армейский тренировочный батальон Накано". Лагерь представлял собой не более чем

небольшую группу ветхих армейских барачков, расположенных не более чем в миле от железнодорожной станции Футамата...

Моя группа стала первым курсом нашего отделения школы, и первого сентября состоялась церемония открытия. Наш командир подполковник Мамору Кумагава обратился к нашему курсу из 230 офицеров со следующей речью "Задача данного отделения школы – дать вам подготовку в области приемов ведения секретных операций. Поэтому настоящее название школы должно держаться в абсолютной тайне. Далее, вы сами должны отбросить всякие идеи о возможности получения воинских почестей"...

Определенно, она отличалась от офицерской школы. Военная субординация и форма соблюдались так же, но без чрезмерного акцентирования на уставе. Напротив, наши инструкторы вдалбливали нам, что в нашей новой роли в качестве курсантов-коммандос мы должны усвоить, что, до тех пор, пока мы сохраняем боевой дух и решимость служить своей стране, устав не имеет большого значения. В то же самое время они напоминали нам, что все хитроумные умения, которым нас обучают, например, прослушка телефонных линий, должны использоваться только против противника и никогда ради нашей личной выгоды. Они настоятельно призывали нас выражать мнение о качестве обучения и выражать недовольство, если нам хотелось.

У нас было четыре часа занятий с утра и четыре днем. Занятия длились по два часа каждое с пятнадцатиминутным перерывами. Когда наступало время перерыва, все высыпались из окон во двор чтобы покурить. Нас было 230 человек, набившихся как сардины в маленькой казарме, и пятнадцатиминутного перерыва не хватило бы, чтобы все вышли и вернулись обратно положенным образом, через дверь. Если бы кто-нибудь в офицерской школе посмел выйти через окно, наказаний было бы быстрым и суровым. В Футамате это было обыденностью.

Классная комната была ужасно тесной. Мы не только сидели буквально плечом к плечу, но и были сжаты как в тисках между передними и задними партами. Инструктор читал лекции с крохотной кафедры, время от времени протискиваясь в один из узких боковых проходов. Несмотря на стесненные обстоятельства, лекторы проявляли большой энтузиазм, даже рвение, донося до нас основы партизанских боевых действий.

В главной школе в Накано курс состоял поначалу из годовичного языкового курса и годовичного курса партизанской борьбы и идеологической подготовки. Когда военная ситуация усложнилась, языковую подготовку убрали совсем, а остальные курсы сократили до шести месяцев. Когда мы прибыли для обучения, шестимесячный курс был втиснут уже в три месяца. Темп занятий был труден и для преподавателей, и для курсантов.

Я начал понимать основные различия между открытым и тайным театром боевых действий. Наставления по ведению атаки в офицерской школе были уроками для открытых боевых действий, по сути своей достаточно простыми. Теперь же нас учили действиям в сложной обстановке, когда каждая имеющаяся частичка информации используется для того, чтобы сбить противника с толку. В целом, то, чему нас учили в Футамате, было полной противоположностью тому, чему нас учили до нее. Мы должны были усвоить совершенно новую концепцию войны.

А домашние работы были грандиозны! Почти каждую ночь мы должны были просить разрешения оставлять освещение после отбоя, а большая часть нас регулярно бодрствовала до полуночи. Даже так нам не хватало времени. В выходные мы рассаживались по окрестным гостиницам и делали свои задания. Я всегда оставался в одной из двух, Кадойя и Иватая, а недавно очень заинтересовался, узнав, что Кадойя работает по сей день. Должно быть, для хозяев гостиниц эти толпы молодых офицеров, навещающих их заведения каждое воскресенье, были ужасным беспокойством, особенно когда бывала нехватка продовольствия...

Наши тренировки в некотором смысле можно сравнить с тем, что обычно зовут "свободным обучением". Нам в значительной мере была предоставлена свобода действий.

Нас побуждали думать за себя, принимать решения в условиях, когда нет никаких правил. В этом состояло еще одно отличие нашего обучения от офицерской школы. Там нас учили не думать, а вести наших солдат в бой, с решимостью умереть, если понадобится. Единственной целью было атаковать врага и убить их столько, сколько можно, прежде чем убьют тебя.

Однако в Футамате мы узнали, что наша цель – остаться в живых и продолжать сражаться как партизаны как можно дольше, даже если такое поведение обычно считается позором. На вопрос, как нам остаться в живых – каждому из нас предоставлялось найти ответ самостоятельно.

Мне это понравилось. Такая подготовка и такой вид боевых действий мне особенно подходили.

В те времена, если солдат, попадавший в плен, попадал назад в Японию, его судили военным трибуналом и часто приговаривали к смерти. Даже если приговор не приводился в исполнение, окружающие подвергали его остракизму, что он, так или иначе, оказывался мертвым. Солдаты должны отдавать свою жизнь ради своего долга, а не пресмыкаться в лагере для военнопленных.

"Наставления для солдат" генерала Хидэки Тодзио явным образом указывали: "Тот, кто не хочет обесчестить себя, должен быть сильным. Он всегда должен помнить о долге перед своей семьей и своей общиной. Он должен ревностно стремиться, чтобы они верили в него. Умри, но не соверши унизительного преступления".

А в Футамате нас учили, что сдаться в плен – приемлемо. Нам говорили, что, сдавшись в плен, мы можем сообщить противнику ложную информацию. Действительно, бывают моменты, когда нам бывает нужно преднамеренно дать захватить себя. Такая ситуация может возникнуть, например, тогда, когда нужно во что бы то ни стало напрямую связаться с кем-то, кто уже взят в плен. Вкратце, урок состоял в том, что цель оправдывает средства.

Нам объяснили, что в определенных обстоятельствах нас не будут винить в таких действиях. Напротив, нас наградят за надлежащее несение службы. Но только посвященные будут знать, что мы – "бойцы невидимого фронта", поэтому нам нужно как можно лучше научиться переносить насмешки и оскорбления непосвященных. Фактически никто не будет знать о нашей службе нашей стране, но это судьба всех, кто участвует в секретной работе. Это занятие – неблагодарное в обычном смысле слова.

Так к чему же должны стремиться те, кто участвует в такой работе? Военная школа в Накано отвечала на этот вопрос одной фразой "В секретной службе есть добродетельность".

И это правда, именно добродетельность особенно важна, когда человек должен обманывать не только своих врагов, но и друзей. С добродетельностью – я включаю в это слово честность, верность, преданность долгу и моральное чувство – можно выдержать любые трудности, и даже обратить сами трудности в победу. Этот урок наши инструкторы в Футамате не уставали вдалбливать в нас.

Один из них сказал нам: "Если вы искренни и чисты духом, люди ответят вам и будут сотрудничать с вами". Для меня это означало, что пока я останусь чистым внутри, всё, что мне придется предпринять, в конечном счете пойдет на пользу моему Отечеству и моим соотечественникам».

Завершить обучение Оноде так и не удалось из-за срочной отправки на фронт. Онода был приписан в штаб 14-й армии и в декабре 1944 г. отправлен на Филиппинские острова, в качестве командира спецотряда по проведению

диверсионных операций в тылу противника. Уже будучи на Филиппинах, Онода был повышен до звания младшего лейтенанта.

Находясь в Маниле, Онода получил указания со стороны своих непосредственных командиров – майора Такахаси и майора Танигути. Последний являлся командиром особой группы Генерального штаба 14-й армии.

«Майор Такахаси сказал: "Офицер Онода направляется на остров Лубанг, и возглавит партизанские действия гарнизона Лубанга".

Тогда я впервые слышал о Лубанге. Я не имел представления, где он находится и какого он размера.

Майор Такахаси написал приказ гарнизону Лубанга, заверил его печатью командира Восьмой дивизии, генерал-лейтенанта Йогогамы и сказал: "Я телеграфирую им приказы, но возьми это с собой на всякий случай".

В приказе говорилось: "Командиру гарнизона Лубанг развертывать другие дивизионы и подготовиться к партизанским действиям. Этот приказ не касается групп под руководством старших офицеров. Офицер Хироо Онода направлен для возглавления партизанских действий".

Когда я прочитал документ, майор Такахаси сказал: "Наша задача – помешать противнику атаковать Лусон. Ваша первая задача – уничтожить на Лубанге аэродром и пирс в гавани. Если противник высадится и попытается использовать аэродром, уничтожить самолеты и убить экипажи".

Майор Танигути добавил: "В партизанской миссии должно быть по крайней мере два командира, но у нас нет больше людей. Так что вам придется действовать самостоятельно. Это будет непросто, так что от вас ожидается всё возможное. Когда впервые делаешь что-либо самостоятельно, почти наверняка где-то ошибешься. Так что будь начеку"».

Последние указания перед отправкой на остров Лубанг Онода получил от еще одного высокопоставленного военнослужащего Императорской армии Японии – начальника штаба 14-й армии, генерал-лейтенанта Акира Муто.

«Генерал Муто... внимательно оглядев нас, сказал: "Я знал, что вы скоро приедете, но думал, что буду слишком занят, чтобы вас увидеть. Я рад, что мне удалось встретить вас. Сейчас война идет не очень удачно для нас. Важно, чтобы вы приложили все усилия, чтобы выполнить свои приказания. Ясно? Я не шушу".

Было странно выслушивать ободрение от такого известного генерала. Мы были польщены и впечатлены. Когда мы начали салютовать командиру дивизии, он остановил нас, подняв руку. "Обо мне не беспокойтесь. Вы уже отсалютовали Его превосходительству начальнику штаба".

Затем, глядя прямо на меня, он сказал "Вам категорически запрещается умирать от своей руки. Может понадобится три года, может понадобится пять лет, но, что бы ни случилось, мы за вами вернемся. До тех пор, пока у вас остается хоть один солдат, вы – его командир. Вам, может, придется питаться кокосами. Если так – питайтесь кокосами! Ни при каких обстоятельствах не отдавать свою жизнь по собственному желанию".

Командир, невысокий человек с приятным лицом, отдал мне этот приказ тихим голосом. Он говорил как отец, разговаривающий с сыном. Когда он закончил, я ответил как можно бодрее "Есть, сэр!".

Я снова вспомнил, чему меня учили в Футамате, и поклялся себе, что исполню данный мне приказ. Вот я, младший офицер, получаю приказ прямо от командующего дивизией! Такое не могло случаться часто, и я был вдвойне впечатлен легшей на меня ответственностью. Я сказал себе "Я справлюсь! Даже если у меня не будет кокосов, даже если мне придется есть траву, я справлюсь! Это мои приказы, и я их исполню!". Теперь это звучит странно, но тогда это было всерьез».

Уже перед самой отправкой на остров Лубанг Онода вновь встретился с своими непосредственными командирами – майором Такахаси и майором Танигути.

«Отсалютовав и получив приказы, я вернулся в офицерскую комнату. Когда я вошел, майор Такахаси засмеялся и сказал "Онода, ты удивишься, какое угощение припасено для тебя на Лубанге. Почему, потому что это подразделение – лучшее во всей японской армии!"

Майор Танигути, укоризненно глядя на него, сказал "Он шутит".

Тут командир дивизиона Яманучи неожиданно улыбнулся. "В любом случае, - он сказал, Лубанг очень хороший остров, таких, как он, немного. Там всегда много еды, Онода. По крайней мере, об этом не нужно беспокоиться".

Лицо майора Танигути посерьезнело и он продолжил: "Те из вас, что готовились к ведению секретных операций, должны были командовать иностранными войсками в тылу врага. Вы должны почитать это за честь, Онода, что вы возглавите солдат Его Величества".

"Да, сэр", - ответил я громко.

Он был прав. Нас действительно тренировали организовывать и возглавлять иностранных солдат в тылу противника. Быть поставленным во главе японских солдат было привилегией. Они, по крайней мере, понимали мой язык.

Майор Танигути показал мне две карты Лубанга и постарался произвести на меня впечатление стратегической важностью острова. "Неважно, насколько трудно будет вести партизанскую кампанию. - сказал он. – Ты должен хорошо подумать, прежде чем двигаться на другой остров"...

Тем вечером я разложил две карты на полу хижины, в которой я жил и стал изучать их при свете свечи. Остров Лубанг был очень маленьким. Достаточно ли он большой для партизанины?

Ну что же, достаточно, или недостаточно, у меня был приказ и было снаряжение, и не оставалось ничего, кроме как действовать с ними. Я закрыл глаза и снова услышал обещание командира дивизии: "Что бы ни случилось, мы вернемся за вами".

Я сказал себе громко: "Я буду драться, пока этот день не настанет"».

В результате, уже 31 декабря 1944 г. Онода прибыл на остров Лубанг, на котором ему предстояло выживать и бороться следующие 30 лет своей жизни.

По прибытии на остров Лубанг Онода предложил командованию располагавшегося здесь японского гарнизона начать подготовку к длительной обороне, а также помешать высадке частей вооруженных сил США на соседнем острове Лусон путем уничтожения находившихся на Лубанге аэродрома и

пристани. Однако, предложения Оноды не были услышаны, поскольку местное командование стремилось следовать тактике «быстрого и краткосрочного решающего сражения».

«Лубанг – длинный узкий остров, протяженностью примерно шесть миль с севера на юг, и восемнадцать миль с запада на восток. Когда я прибыл, расположенные здесь войска состояли из гарнизона Лубанг (один взвод 357-го отдельного полка) под командованием младшего лейтенанта Сигенори Хаякава, гарнизона аэродрома под командованием младшего лейтенанта Суехиро, радарное отделение под командованием младшего лейтенанта Татегами (он тоже был из числа выпускников Вакаямы); отделение воздушной разведки под началом младшего лейтенанта Танака и отряд моряков, но без единого морского офицера. Гарнизон Лубанга включал около пятидесяти человек, гарнизон аэродрома – двадцать четыре человека, подразделения на радаре и в разведке в сумме – около семидесяти, отряд моряков – семеро. Кроме того, была еще группа авиатехнического персонала из пятидесяти пять человек под командованием младшего лейтенанта Осаки, но они уже получили приказ покинуть остров, хотя и не успели этого сделать...»

Эти люди не хотели вести партизанские боевые действия. Они хотели выбраться с Лубанга...

Первого февраля противник начал высадку у Насугбу, на западе центральной части Лусона. Насугбу находился на побережье прямо напротив Лубанга, и я отреагировал на это событие, убедив гарнизонные войска перетащить продовольствие и боеприпасы дальше в горы.

Я прикинул, что эта операция займёт около недели. Оказалось, оценка была нереалистичной, поскольку лишь около половины из пятидесяти мужчин могли работать. Одни страдали от истощения, у других была лихорадка, и даже самые здоровые могли нести не более двадцати килограммов за один раз.

Дополнительно ухудшило ситуацию то, что у лейтенанта Хаякавы обострилась болезнь почек, и он должен был делать частые остановки, чтобы отдохнуть и выпить кокосового молока. Видя своего командира в такой форме, люди стали вести себя всё более агрессивно. Мне не казалось, что в них сохранялось сколько-нибудь воли к борьбе.

От других подразделений тоже не было пользы. Они начали ворчать, что в случае атаки противника, гарнизон должен быть в первых рядах обороны и защищать их любой ценой. Поскольку гарнизон собирается прятаться в горах, с тем же успехом они могут совершить самоубийство на месте.

Сколько я ни старался, я не мог убедить ни одного из них в необходимости вести партизанскую войну. Они всё больше говорили о самоубийстве и принесении своих жизней в жертву за Императора. В глубине души они молились и надеялись, что на Лубанг не нападут. Я был в этом уверен, но поделать ничего не мог. У меня было так мало реальной власти, что они меня даже не воспринимали серьёзно.

Меня прозвали «Нода Сою», по названию известной марки соевого соуса. «Нода» намекало на моё имя, а «сою» подразумевало «шои», в переводе – младший лейтенант. Всё это означало, что я не был главным блюдом – всего лишь частью приправы. Нет нужды уточнять, что это происходило потому, что я не мог отдавать им приказы так же, как командиры их подразделений.

Сколько раз я жалел, что я даже не старший лейтенант! Тогда, может быть, что-то можно было сделать. А так мне приходилось слушать, как эти люди болтают о смерти за правое дело, безмолвно слушать, зная, что мне это не позволено. Я не мог даже намекнуть кому-либо, что мне приказано не умирать. Всё это бесконечно подавляло меня...

Меня послали на остров, чтобы сражаться, и в итоге я обнаруживаю, что солдаты, которых я должен возглавить – это кучка ничтожеств, всегда готовых подтвердить свою

готовность умереть, а на самом деле озабоченных только своими сиюминутными желаниями. И, как будто бы этого было недостаточно, у меня не было полномочий отдавать им приказы. Я мог командовать ими лишь с разрешения их командира. Я мог бы справиться, если бы лейтенант Хаякава передал командование мне, но, несмотря на свою серьезную болезнь, он отказался сдать свои полномочия. Он хотел держать всё в своих руках.

Всё это вводило в ярость. Вот он я, бессильный, с разрозненной группой солдат, из которых никто не имел понятия о том, как вести партизанскую войну, в которую мы скоро окажемся втянуты».

Тем временем, 27-28 февраля 1945 г. на остров Лубанг были высажены американские войска. После высадки на Лубанге, в течение трех дней американцы разбили японцев, часть солдат и офицеров Императорской армии Японии совершили самоубийство.

Организованное сопротивление на острове Лубанг было прекращено по приказу некоего капитана Цукии, после чего каждая боевая единица в отдельности перешла к индивидуальным действиям.

Оставшиеся в живых, в числе которых был и Онода, некоторое время перемещались по острову, пытаясь скрыться от преследования, однако, вскоре, разбившись на несколько групп, ушли в горы. Учитывая, что самым старшим по званию в одной из этих групп оказался Онода, именно он и возглавил данный отряд. При этом, Онода не выполнил полученный им при отходе из Манилы приказ об уничтожении находившихся на острове Лубанг аэродрома и пристани.

Перемещаясь в течение марта – августа 1945 г. по Лубангу, группа Оноды выявляла места, в которых ранее были спрятаны оружие, боеприпасы, снаряжение и продовольствие. Тогда же Онода и его подчиненные обустроили базу в джунглях и приняли решение начать партизанскую войну в тылу врага.

Как известно, Филиппины вскоре обрели независимость, однако, соглашение, заключенное между Филиппинами и США позволило американским войскам остаться на Филиппинских островах. Онода, который интерпретировал это как «продолжение контроля вооруженных сил США над Филиппинами», а также считая, что филиппинское правительство являлось не самостоятельным в принятии своих решений, в течение последующего периода продолжал бросать вызов на Филиппинах, и американцам, и филиппинцам, которых он расценивал в качестве марионеток США.

***

Вскоре после 2 сентября 1945 г., в руки Оноды попали американские листовки, в которых сообщалось об окончании войны, а также содержался призыв о сдаче в плен.

В конце 1945 г. самолёты сбросили в джунглях приказ командира 14-й армии, генерала Томоюки Ямаситы, о сдаче оружия и капитуляции. Однако, Онода расценил эти документы, как вражескую пропаганду, и продолжил борьбу против США, ожидая возвращения острова Лубанг под японский контроль, поскольку слышал звуки выстрелов в горах.

«Примерно в середине октября я впервые увидел листовки с призывом сдаваться. Несколько японцев убили в горах корову и перетаскивали мясо в лагерь, когда наткнулись на пятерых или шестерых местных жителей. Один из жителей схватился за свой нож боло, но сдался, когда увидел, что у японцев есть оружие. Местные жители сбежали, оставив на земле листок бумаги. Отпечатанный на японском языке текст гласил: "Война закончилась 15 августа. Спускайтесь с гор!".

Ни я, ни остальные не поверили этому, потому что всего несколькими днями раньше группа японцев, отправившись подстрелить еще корову, наткнулась на вражеский патруль, который сразу же начал стрелять. Как такое могло произойти, если война закончилась?

После того, как мы разбились на ячейки, мы жили в лесу на склонах гор. Мы натянули небольшие палатки и постелили на землю доски для сна. Моя группа до последнего растягивала запас риса, время от времени дополняя рис бананами или мясом убитой коровы.

Группы поддерживали между собой связь и время от времени обменивались сообщениями, но я отказывался рассказать другим, где находится наша палатка. Мой приказ вести партизанскую борьбу исходил непосредственно от командира дивизии, и я не мог позволить беспокоить себя солдатам, которые не думали ни о чем, кроме еды. Насколько я мог я пытался изучить местность, чтобы оказаться полезным, когда японская армия начнет контратаку. Мне было необходимо остаться в живых, а жить с группой неорганизованных, безответственных солдат означало навлечь беду.

Я не сказал ни капралу Симате, ни рядовому первого класса Кодзуке о своей особой миссии. Я не знал ни того, можно ли на них положиться, ни того, можно ли на них рассчитывать.

С мая по август вражеские патрули прочесывали горы ежедневно, и мы часто слышали их выстрелы. С середины августа они перестали приходить. Тем не менее, мы продолжали слышать выстрелы, доносящиеся от подножия горы, и нам казалось, что противник контролирует подходы. Я решил, что противник пытается взять нас измором.

Мы увидели вторую листовку с призывом сдаваться в конце года. Боинг Б-17 пролетел над нашим укрытием и сбросил много больших, толстых листов бумаги. На лицевой стороне был приказ о капитуляции генерала Ямаситы из 14-й армии и приказ начальника штаба. На обороте была карта Лубанга, на которой кружочком было обозначено место, где сбрасывались листовки.

Мы собрались вместе и обсудили, можно ли считать подлинным приказ, отпечатанный на листовке. У меня были сомнения относительно предложения, в котором говорилось, что всем сдавшимся будет выдан "гигиенический сироп" и их будут "отгружать" в Японию.

Кто-то сказал: "Что это за гигиенический сироп? Никогда о таком не слышал".

Кто-то другой сказал: "Почему они собираются нас "отгружать"? Мы же не груз, не так ли?".

Что беспокоило меня больше всего, так это то, что приказ генерала Ямаситы отдан в соответствии с "Прямым Имперским Приказом". Я никогда не слышал ни о каких "прямых имперских приказах". Человек из отделения воздушной разведки, учившийся в юридической школе, сказал, что тоже не слышал о таком.

Были и другие подозрительные детали. Например, внимательно изучив документ, мы заметили, что среди офицеров, которым предназначался приказ генерала Ямаситы, был сам генерал Ямасита. Потом я узнал, что это была просто ошибка наборщика, но тогда единственный вывод, который я мог сделать, был тот, что листовка была просто "липой". Другие со мной согласились. У нас не оставалось сомнений, что это была просто уловка врага».

Примечательно, что до начала 1946 г., на острове Лубанг, наряду с группой Оноды, скрывались ещё несколько небольших групп военнослужащих Императорской армии Японии, которые были созданы после того, как гарнизон Лубанга был разбит. Часть из них погибла в перестрелках с противником. В апреле 1946 г. 41 солдат и 1 офицер Императорской армии Японии сдались на Лубанге филиппинцам. В результате, на Лубанге осталась и продолжила сопротивление только группа Оноды.

«Начался новый, 1946 год. Это значило, что мы пробыли на Лубанге полные двенадцать месяцев. Утром Нового года мы поклонились восходящему солнцу и поклялись стараться как можем в начинающемся году.

Мы редко слышали ружейную стрельбу, но каждый раз пугались пулемётных очередей, по-видимому, направленных в горы, где мы прятались. Я видел уходящий от берега авианосец, и истребители..., пронсящие над нами время от времени. Очевидно, война продолжалась...

С апреля листовок с призывами сдаваться становилось всё больше и больше, и иногда мы слышали голоса, кричащие что-то нам по-японски. Потом сдавшиеся японцы стали оставлять нам записки "Теперь никто вас не ищет, кроме японцев. Выходите!".

Но мы не могли поверить, что война на самом деле закончилась. Мы думали, что это просто враг заставляет пленных идти на такие уловки. Каждый раз, как мы слышали голоса ищущих нас, мы переходили на новое место.

Я постепенно привык к их призывам. "Лейтенант Онода, - кричали они. – Мы установили связь с поисковым отрядом. Пожалуйста, выходите. Мы сейчас в Поинт Икс, и прочёсываем весь регион. Пожалуйста, выходите к этому пункту".

Они разбрасывали листовки, написанные карандашом на хорошем японском, и это произвело сильное впечатление на рядового первого класса Акацу. Однажды вечером после ужина он сказал "Лейтенант, как вы думаете, может война действительно закончилась?".

Когда я ответил, что не думаю, Симада сказал: "А у меня тоже есть ощущение, что закончилась".

Кодзука промолчал. Посмотрев в их лица несколько секунд, я сказал "Хорошо, если вы трое так думаете, я должен пойти и убедиться. У вас троих винтовки тип 38. Если даже вы потеряете две из них, вы всё равно сможете использовать имеющиеся боеприпасы. Если я потеряю свою винтовку тип 99, патроны к ней пропадут. Так что я оставлю её здесь и возьму с собой только ручные гранаты. Я скоро вернусь. Если всё так, как говорит Акацу, я вернусь и найду вас. Но если я не вернусь, вы будете знать, что война продолжается. И можете сами решать, хотите вы драться до конца, или нет".

Моим истинным намерением было попытаться спасти захваченных в плен японских солдат. Многих из них наверняка обманом заставили сдаться с помощью других японцев, которых враг использовал в качестве пешек. Я думал, что если смогу пробраться в тюрьму, где их держат, я смогу устроить некую диверсию, и мы сможем все вместе сбежать.

Враг, вероятно, выведал у пленных, что я прибыл на Лубанг с целью вести партизанскую войну. Они только и ждут моей позорной сдачи и уж конечно тут же наденут на меня кандалы. Это означало, что мне придётся действовать быстро. Если я потерплю неудачу, меня убьют. Но если я справлюсь, мы вернем себе несколько бойцов. Снова я собирался пренебречь приказами командира дивизии и рисковать своей жизнью – совсем как когда я выбросил свой scabbard и предпринял самоубийственную атаку.

Тут заговорил Кодзука:

"Подождите минуту, лейтенант! Почему вы должны принимать на себя ответственность? Разве все не согласилось с вами насчёт того Прямого Имперского Приказа? Вы, похоже, считаете, что сдача других в плен из-за поддельной листовки пятнает вашу честь. А, по-моему, это не ваша вина. Я останусь с вами. Я буду драться до конца. Если эти два труса хотят сдаться, пусть сдаются».

Я поклонился Кодзуке и сказал "Ты уверен? Ты хочешь остаться? Если хочешь, мне нечего больше сказать. Я не желаю брать на себя ответственность за эту кучку, которые позволили схватить себя. Ты сам пока ничего не говорил, так что я не знал, собираешься ли ты тоже сдаться. Если ты собираешься продолжать бороться, я буду продолжать тоже".

В глубине души я вспоминал, как генерал Йокояма говорил мне, что даже если у меня останется один солдат, я должен возглавлять его, даже если придётся питаться кокосами.

"Лейтенант, - тихо сказал Симада. – Я пойду с тобой.

Мы трое посмотрели на Акацу, и он тихо сказал: "Я тоже с вами, если вы так решили".

Итак, мы четверо поклялись друг другу продолжать сражаться. Это было в начале апреля 1946 года, и к этому моменту мы четверо составляли всё вооружённое сопротивление на Лубанге».

Именно тогда ближайшими соратниками Оноды на долгие годы вперед стали следующие военнослужащие Императорской армии Японии: рядовой 1-го класса Юити Акацу, рядовой высшего класса Кинсити Кодзука и капрал Сёити Симада.

«Капрал Симада, единственный женатый из нас, по природе был самым бодрым. Ему всегда было о чем поговорить, и он всегда становился центром внимания в вечерних беседах. Высокий и упитанный, он был лучшим из нас стрелком. Он говорил, что выиграл стрелковые соревнования в своей роте, и я не видел причин в этом сомневаться. Его родным городом был Огава в префектуре Саитама, на северо-западе от Токио. Он происходил из крестьянской семьи, и, когда заканчивался сезон полевых работ, уходил в горы заготавливать древесный уголь. В районе, где он жил, молодых людей часто посылали в горы на месяц или около того на заготовки древесного угля. Живя в одиночестве в маленьких хижинах, они учились сами заботиться о себе. Симада научил меня плести соломенные сандалии, известные как "варадзи". Эти сандалии были идеальной обувью в наших обстоятельствах, поскольку нам постоянно приходилось ходить по пересеченной или заболоченной местности.

Кодзука был сложен немного худощавее, чем я, был очень замкнут. Лишь изредка он заговаривал первым. Когда он раскрывался, он с большим чувством говорил о своих доармейских временах, но даже тогда с трудом находил нужные слова. Он был сыном крестьянина из отдалённого пригорода Токио, и, как я понял, его семья была достаточно состоятельной. Он говорил, что у него была скаковая лошадь...

Акацу был среди нас самым слабым, и физически, и морально. Он рассказал, что он сын обувного мастера из бедной части Токио, и я полагаю, что несправедливо было сравнивать его с двумя здоровыми деревенскими парнями. Но вне всяких сомнений для нас он был обузой. Когда мы укрывались от противника, он всё время то отставал, то терялся. Я решил, что Кодзука был прав, что не хотел брать его к нам.

Живя в наших условиях, мы должны были подстраивать все наши действия с возможностями слабейшего. Распределяя работу, мы старались учесть силу, а также личные предпочтения каждого из нас. Симада делал большую часть тяжёлой физической работы, Акацу выполнял обязанности наподобие сбора дров или притаскивания воды из ближайшей лоцины, а Кодзука и я делали инструменты, стояли на страже и планировали передвижения. Когда кому-то нездоровилось, мы уменьшали его нагрузку. Мы осознавали, что нам не стоит растрачивать физическую силу зря.

Будучи старшим по званию, формальным начальником был я, однако я ни разу не пытался отдавать распоряжения единолично, это всегда были наши общие решения.

Я постоянно следил за физическим состоянием остальных. Важной задачей было поддержание баланса. Не стоило спрашивать слишком много с кого-то одного. Остальные тоже понимали это и помогали и подбадривали друг друга при необходимости.

Тогда каждый из нас имел по винтовке, у меня была винтовка тип 99, у остальных троих – тип 38. У каждого было по две ручные гранаты и по два пистолета. У нас было три сотни патронов к винтовке тип 99 и девять сотен к винтовке тип 38. Кроме того, у нас было шестьсот патронов к пулемёту Льюиса, которые мы позже переделали так, что их стало можно использовать к винтовке тип 99».

Из-за отсутствия связи с группой Оноды, в сентябре 1946 г. японские власти объявили её членов погибшими. Однако в сентябре 1949 г. один из членов группы Оноды – рядовой 1-го класса Юити Акацу, - покинул группу Оноды, спустя несколько месяцев, в марте 1950 г. сдался филиппинской полиции и вскоре вернулся на родину. В Японии он встретился с представителями семей Оноды, Симады и Кодзуки, благодаря чему стало известно, что Онода и двое его подчинённых всё ещё живы.

«Акацу окончательно дезертировал в сентябре 1949 года, после четырёх лет нашей жизни вчетвером. Я был уверен, что это рано или поздно случится. Кодзука тоже лишь пожал плечами и сказал "Такая жизнь с самого начала была не для него".

Акацу до этого пропадал уже три раза, и каждый раз Симада находил его и приводил назад.

Во второй раз это произошло в разгар дождливого сезона. Симада указал мне, где видел его в последний раз и в какую сторону он, по-видимому, ушёл. Симада взял с собой походную палатку, ушёл на поиски и через шесть дней вернулся вместе с Акацу.

Я мог угадать, куда он ушёл, поскольку знал, где именно на острове можно найти пропитание в любой заданный сезон. Симада нашёл Акацу почти точно там, где я предсказал.

Была причина, почему именно Симада уходил искать Акацу, когда тот убежал, а именно потому, что Акацу всегда терялся, когда он и Симада уходили куда-то вместе.

Мы разбились на пары, Кодзука со мной и Акацу с Симадой. Эти пары брались за работу по-очереди. Когда нужно было сделать нечто, для чего сил двоих не хватало, мы объединяли силы. На охоту, например, обычно уходило трое, в то время как четвёртый оставался сторожить лагерь. Большую часть времени, однако, мы передвигались парами. Когда мы были вчетвером, я мог внимательно следить за Акацу, так что у него не было возможности отстать. Симада, к сожалению, был не так внимателен.

Я чувствовал некоторую ответственность за уход Акацу. Наблюдая его повседневные действия и слушая его речи, я решил, что долго он не продержится. Когда я выработывал планы и стратегию наших будущих передвижений, я обсуждал их только с Симадой и Кодзукой, и держал их в секрете от Акацу. Я даже не рассказывал ему, где спрятаны боеприпасы. Я помню, как однажды шептал на ухо Кодзуке: "Я забираю Акацу с собой в дозор. Пока его нет, перенеси боеприпасы в другое место. Я сделал пометку на стволе пальмы примерно в тридцати метрах отсюда, так что ты увидишь, куда их положить".

Если бы Акацу дезертировал или сдался, он точно был бы вынужден и уговорен выдать врагу информацию об остальных. Эта возможность серьёзно портила мне настроение. В конце концов, мы боролись против сильного противника, и ничто не взбешивало меня так, как мысль о том, что один из нас может предать остальных. Подозревая порочность Акацу, я принял необходимые меры предосторожности, но это могло вызвать у него чувство отверженности.

Когда Акацу исчез в четвёртый раз, Симада собрался идти искать его, но на этот раз Кодзука и я высказались в том смысле, что это будет пустая трата усилий. Мы решили так, зная, что Акацу рано или поздно расскажет врагу всё о нашей группе. Вы ожидали, что противник начнёт атаку, основываясь на полученной от Акацу информации, но были уверены, что, подготовившись заранее, сможем избежать поимки.

Помимо того, была вероятность, что Акацу в одиночку не сможет выжить достаточно долго, чтобы быть захваченным врагом. Пока он был с нами, он ни разу не болел, в большой степени потому, что мы всегда заботились о его здоровье и оберегали его. В три его прошлые пропажи возвращался он в истощённом состоянии. Про себя я думал, что в сухой сезон у него мог быть шанс, но сейчас, в сезон дождей, я сомневался, что у него хватит выносливости выжить. Я предполагал, что он умрёт где-то в горах, промокший, дрожащий, истощённый.

Но и Акацу должен был иметь представление о том, что ему предстоит. Если всё так и обстояло, его уход означал, что он был по-настоящему сыт по горло. В отличие от меня, у него не было ни приказа, ни цели, и борьба за выживание в здешних горах должна была казаться ему абсолютно бессмысленной.

Симада всё равно ушёл в дождь искать его, и вернулся через неделю, один и полностью измотанный. Я ощущал нечто вроде облегчения. В первую очередь, я не видел пользы в попытках гнаться за дезертиром, а к этому времени я стал считать уход Акацу избавлением.

Симада взволнованно спросил "Как полагаешь, он приведёт врага к нам?".

"Вероятно", - ответил Кодзука таким тоном, как будто только этого и ждал. Я был уверен, что Кодзука тоже ожидал, что Акацу рано или поздно дезертирует.

Место, где исчез Акацу, находилось в западной части нашего круга, глубоко в лесу у отрога Змеиной горы. Впоследствии мы были поражены, узнав, что он сдался в Лооке, в восточной части острова, и лишь шесть месяцев спустя. Я чувствовал удивление и немного – досаду, что он продержался так долго».

Случай с Онодой и его группой не был единичным, в связи с чем, японское правительство в 1950 г. создало специальную комиссию по спасению японских солдат и офицеров, все еще остающихся за рубежом. Впрочем, она не могла немедленно приступить к работе из-за политической нестабильности на Филиппинах. Тем не менее, попытки заставить Оноду и членов его группы сдаться предпринимались. Такие попытки имели место, к примеру, в 1950, 1952 гг.

«Примерно через десять месяцев после ухода Акацу, и лишь несколько дней после окончания сезона дождей 1950 года, мы нашли записку, в которой говорилось: "Когда я сдался, филиппинские солдаты приветствовали меня как друга". Записка была написана рукой Акацу. Немногом после мы видели легкий самолёт, кружащий в небе над Виго. Решив, что это знак того, что враг собрался нас искать, мы перешли в другую часть острова.

На следующий день мы услышали звуки громкоговорителя где-то на север от мыса Вакаяма, и голос говорил: "Вчера мы сбросили листовки с самолёта. У вас есть три дня, то есть семьдесят два часа, чтобы сдаться. В случае если к этому моменту вы не сдадитесь, мы будем вынуждены выслать за вами специальный отряд".

Голос говорил по-японски, но без следов иностранного акцента, хотя набор слов звучал по-американски. Японцы не говорят о трёх днях как о "семидесяти двух часах", а всё объявление звучало так, как будто его перевели с какого-то иностранного языка. То, что они призывали нас сдаться на необычно звучащем японском, было для нас лишь доказательством того, что война не закончилась.

Я приехал на остров по прямому приказу от командира дивизии. Если война действительно закончилась, должен быть другой приказ от командира дивизии, снимающий с меня возложенные обязанности. Я не верил, что командир дивизии забудет приказы, которые отдал своим людям.

Допустим, он забыл. Приказы всё равно должны были сохраниться в архиве штаба дивизии. Определённо, кто-то должен

Спустя три дня, мы заметили тот самый специальный отряд с расстояния около 150 метров. Кодзука прошептал: "Этот идиот Акацу действительно притащил американцев! Давай-ка хорошенько за ними понаблюдаем!".

Вражеские солдаты были на проходящей через пальмовый лес дороге на восток от реки Агкаяян и вглубь острова от Брола. Это были не американские, а филиппинские солдаты, их было всего пятеро или шестеро и они несли с собой громкоговоритель. Впереди неуверенной походкой шёл человек в белой панаме.

"Это ведь Акацу, верно?", - прошептал Кодзука. Мы кивнули, хотя не видели его лица достаточно хорошо. Когда отряд прошёл мимо, мы убедили себя, что это действительно был Акацу, теперь работающий на врага.

После этой встречи Кодзука сказал: "Они бы не взяли нас в плен и с отрядом в пятьдесят или сто человек. Мы знаем этот остров лучше, чем кто либо на свете".

Больше всего нас беспокоила вероятность, что противник захочет использовать против нас газ. С этим мы ничего бы не сделали, поскольку противогазов у нас не было. Как экстренную меру мы носили полотенца, привязанные к фляге с водой, и в случае газовой атаки могли намочить полотенца водой и держать их у лица. Еще я предупредил всех следить за направлением ветра, поскольку ветром могло принести газ. Наши импровизированные газовые маски мы носили с собой полгода...

В феврале 1952 года легкий самолёт филиппинских ВВС кружил над островом. Мы слышали звук громкоговорителя, но из-за шума двигателя не могли разобрать слов. Кодзука, у которого были хорошие уши, сказал: "Они, похоже, называют наши имена". После того как он это сказал, мно тоже стало это слышаться. Самолет сбросил какие-то листовки и улетел.

Позже мы подобрали эти листовки, и среди них было письмо от моего старшего брата Тосио. Оно начиналось: "Я вручаю это письмо Подполковнику Джимбо, который отправляется на Филиппины по приглашению Мадам Роксас». Затем он писал, что война закончилась, оба моих родителя были живы и в порядке, и что все мои братья уволились из армии.

Еще там были письма от семей Кодзуки и Симады, с приложенными семейными фотографиями.

Тогда я решил, что янки на этот раз превзошли сами себя. Я удивлялся, откуда они раздобыли фотографии. То, что во всём была какая-то уловка, не было сомнения, но я не мог понять, как это удалось повернуть. На фотографии, которую получил Симада, были его жена и двое детей. Если бы фотографии были настоящими, вторым ребёнком должна была быть девочка, но у нас на этот счёт были сомнения.

"Это должна быть фотография моих ближайших родственников, - заметил Симада, но этот человек слева мне не близкий родственник. Я думаю, это ещё одна вражеская подделка"...

Примерно через месяц, мы снова услышали звуки громкоговорителя. Мужской голос говорил: "Я остановился в гостинице в Маниле, когда узнал, что вы всё ещё на острове. Я приехал поговорить с вами. Я Ютака Тсуджи из газеты Асахи". После мужчины повторял, что он японец, и пел что-то похожее на японскую боевую песню.

"Ну вот они начали снова", - заметил я.

Симада ответил: "Одно беспокойство. Давайте двигаться куда-нибудь".

Полагая, что человек с громкоговорителем мог оставить что-то после себя, мы поискали и нашли японскую газету – первую за семь лет.

В разделе последних новостей была заметка жирным шрифтом, озаглавленная «Подполковник Джимбо отправился на Филиппины, чтобы убедить филиппинское правительство отменить карательную операцию против японских солдат на Лубанге». Статья была обведена красным.

Мы прочитали остальную газету страница за страницей и пришли к выводу, что враг нашёл какой-то способ вставить эту статью в настоящую японскую газету. Упоминание "карательной операции" в конце концов подтверждало, что война продолжается.

Я сказал остальным, что эта газета – отравленная конфета, хорошо выглядит, но смертельно опасна.

Расписание радиопередач в газете немного озадачило меня. Мне показалось, что в нём было чересчур много развлекательных передач. Однако, я знал, что в Америке существовали коммерческие радиостанции, и я решил, что теперь, должно быть, в Японии тоже есть коммерческие станции. Когда я покидал Японию, у нас были только государственные радиостанции, но теперь, возможно, появились и частные. Если так и было, не возникало сомнений, что у них в программе должна быть солидная доля развлечений, чтобы привлечь рекламодателей.

Кодзука сказал: «Я не думаю, что этот репортёр по имени Ютака Тсуджи существует на самом деле. Я думаю, они просто хотят звучать убедительнее, и для этого используют имя газеты Асахи, и все эти вещи"».

Сдача Юити Акацу филиппинским властям, как это ни удивительно, привела к активизации партизанской борьбы со стороны группы Оноды. В

течение последующих лет группа Оноды неоднократно совершала диверсии на острове Лубанг, а также вступала в вооруженные столкновения с филиппинскими военными и полицейскими отрядами. При этом, и сам Онода и его подчиненные – Кинсити Кодзука и Сёити Симада, - дали друг другу клятву сражаться до самого конца.

«После сдачи Акацу мы смогли начать действовать более продуктивно. Мы ускорили наши путешествия по цепочке стоянок, которые стали считать патрулированием "оккупированной" нами территории. Когда мы замечали врага, мы открывали огонь без предупреждения. В конце концов, враг должен был узнать от Акацу где и когда можно нас ожидать. Мы считали любых людей, одетых как жители острова, солдатами противника или шпионами. Доказательством этого мы считали то, что каждый раз как мы обстреливали одного из них, вскоре прибывала поисковая группа. Количество вражеских войск увеличивалось с каждым разом, и казалось, что они хотят окружить и убить нас. Снова и снова я удивлялся, почему они не организуют поисковый рейд по всему острову. Чтобы обыскать все холмы и долины в центральной части острова за один раз, однако, понадобилось бы не меньше одного-двух батальонов, и было не похоже, что у врага найдётся столько людей просто чтобы найти трёх людей. Я предполагал, что противник никогда не пойдёт больше пятидесяти или ста человек. Мы были уверены, что сможем ускользнуть от отряда именно такой численности, не более. У нас было преимущество, что мы знали центральный Лубанг как свои пять пальцев. Фактически же самый большой искавший нас отряд насчитывал не более сотни человек, как правило же, было около пятидесяти.

Когда мы прятались в джунглях, большие деревья становились нашими защитниками. Иногда вражеские солдаты продолжали стрелять некоторое время по деревьям, за которыми мы прятались, но без всякого толка. По мере того, как их охватывала бессильная злоба, они целились всё менее внимательно, но продолжали расходовать боеприпасы. А нам только это и было нужно. Нас было всего трое, а мы оставляли в дураках отряд в 50 человек. Именно так нас учили вести боевые действия в Футамате.

Я рассказал Симаде и Кодзуке о моих приказах от командира дивизии. Кодзука немедленно сказал: "Лейтенант, я останусь с вами до конца, даже если это займёт десять лет". Симада высказался с ещё большим энтузиазмом: "Нас троих должно хватить, чтобы удерживать весь остров, пока на нём снова не высадутся наши войска". Они оба обычно называли меня "лейтенант" или "командир", но настоящей субординации между нами не было. Я был офицером, Симада – капралом, а Кодзука – рядовым первого класса, но мы общались как равные, и голос каждого имел равный вес в определении планов. Мы по очереди охотились и готовили. Я спрятал свой меч в дупле мертвого дерева недалеко от Кумано Пойнт. Так что я и вооружён был как остальные, - винтовкой и штыком. Мы были товарищами, борющимися за достижение одной цели. Никто из нас не пил, у всех были здоровые зубы, и вообще в целом мы были все здоровы. Хотя Симада был немного больше остальных двоих, все трое мы были достаточно маленькими, чтобы двигаться со скоростью, необходимой для партизанских действий».

При этом, нельзя сказать, что взаимоотношения между членами группы Оноды всегда являлись безупречными. Иногда, что вовсе не удивительно, учитывая условия, в которых существовали Онода и его подчиненные, возникали довольно сложные ситуации.

«Я не скажу, что у нас совсем не было ссор. Далеко не так! Были моменты, когда мы ругались до пены у рта и давали друг другу затрецины.

В голове мы носили "продовольственную карту" Лубанга. По погоде и своему опыту мы могли сказать, в какую часть острова можно было отправиться за спелыми бананами и сравнительно большим количеством коров. Часто случалось, однако, что когда мы приходили в назначенное место на продовольственной карте, там оказывалось не так много еды, как мы рассчитывали, и начинались споры:

"Давай пройдем ещё вглубь".

"Нет, давай отдохнем здесь один день".

"Ерунда! С чего вдруг ты этого захотел?".

"А чего бы и нет?".

"Ты уже довольно поперечил мне!".

"А кто ты такой, чтобы тут командовать?".

Когда это начиналось, мы продолжали, пока кто-нибудь не сдавался. Симада и Кодзука иногда доходили до драк, так что случились и ссадины, и разбитые губы. Когда они доходили до такого, я обычно медитировал, но иногда просто садился неподвижно и позволял им решить спор между собой. Когда такое происходило, им ничего не оставалось, кроме как драться с зубами и ногтями, пока один из них не сдавался. Это меня озарило догадкой, что поскольку это давало им возможность испытать свою физическую силу и выяснить, как далеко их тела зайдут за их убеждениями. А в долгосрочной перспективе, эти редкие драки лишь сближали нас.

Однажды до драки дошло у нас с Симадой. Мы говорили о бегстве Акацу, и Симада высказался о нем сочувственно, а я, со своей стороны, не видел никаких поводов к сочувствию солдату, который дезертировал прямо у меня на глазах. Вскоре спор перерос в потасовку, и мы покатались вниз по склону холма, пиная друг друга».

7 мая 1954 г. в горах острова Лубанг отряд филиппинской полиции столкнулся с группой Оноды. В ходе перестрелки был убит один из ее членов – капрал Сёити Симада. Из-за ранения в ногу, полученного за год до этого, в июне 1953 г., он не мог быстро передвигаться, остался прикрывать отход своих товарищей и, в результате, получил смертельное ранение.

«В июне 1953 года Симада был тяжело ранен в ногу. Это случилось на южном берегу между Гонтином и Бинакасом. Мы считали эту территорию своей. Поскольку островитяне редко заходили сюда, мы удивились, обнаружив группу из пятнадцати или шестнадцати рыбаков, устроивших там лагерь. Приближался сезон дождей, и мы не могли рисковать, имея рядом со своим убежищем посторонних. Я сказал: "Надо от них избавиться, немедленно. Чем раньше, тем лучше!".

Перед рассветом рыбаки развели костёр и собрались вокруг него греться. Из близкой рои Симада и Кодзука сделали по ним несколько выстрелов. Они разбежались, но один из них схватил ружьё и спрятался за валуном. Мы стали обходить его, чтобы зайти в тыл. Но мы не знали, что тем временем на пляж вернулся другой рыбак, вооружённый карабином. Наше внезапное появление всполошило его, и он сделал вслепую два выстрала по нам, прежде чем убежать.

Один из них вскользь задел безымянный палец на моей правой руке, а другой прошил правую ногу Симады. Он упал на колени и замер. Я быстро поднял его и понёс на спине обратно в лес, пока Кодзука прикрывал нам спину.

Пуля вошла с внутренней стороны голени и прошла насквозь. Я наложил жгут выше раны.

Пули карабина маленькие, и, по-видимому, эта не повредила кость. И в ране не было грязи, так что, на мой взгляд, не было и угрозы столбняка. Я замазал рану коровьим салом, и наложил шину от колена к лодыжке. Симада скрипел зубами от боли, на лбу у него выступил пот.

Затем я кипятил воду и промывал рану каждый день. Я высасывал рану до тех пор, пока не появлялась кровь, затем прикладывал свежий коровий жир. У нас не было совсем никаких лекарств. Повязки и коровий жир были единственными доступными медикаментами...

Примено через сорок дней, на ране образовался тонкий слой новой кожи. Хотя угрозы заражения больше не было, рана была серьёзной, и была существенная вероятность, что Симада станет инвалидом. Я сказал ему, чтобы он пробовал сгибать ногу в колене. Постепенно у него стало получаться, сгибая также лодыжку. Для меня и Кодзуки это стало огромным облегчением.

Но большой палец Симады всё ещё не гнулся, так что он не мог передвигаться очень быстро. Он казался подавленным...

Я опасался, что Симада мог получить какую-то побочную болезнь, но он крепчал с каждым днём. Его улыбка вернулась, и к концу октября он снова мог ходить с винтовкой на плече, хотя и хромал до сих пор. Он множество раз извинялся за доставленные им неприятности.

Я был очень рад его восстановлению, но к концу года он начал терять дух. Он выглядел хмурым значительную часть времени, и стал вспоминать своего отца и его. Его голос был тихим и каким-то печальным.

У Симады пропало свойственное ему жизнелюбие. Я вспомнил, что мне говорил один старый солдат давным-давно "Лёгкая рана делает тебя храбрее, но серьёзная рана уничтожает твой дух". Возможно, именно это случилось с Симадой...

Он теперь часто разговаривал сам с собой. Однажды, когда я спросил его, что он только что сказал, он просто покачал головой и ответил: "А, ничего".

Немногими днями позже, я обнаружил, что он сидел уставившись на фотографию. Думая приободрить его, я подошёл к нему сзади, но прежде чем я заговорил, я услышал, как он шепчет: "Десять лет. Целых десять лет"...

7 мая 1954 года, он был убит на месте, всего в полумиле от того места, где был ранен в ногу.

Когда его нога зажила достаточно, чтобы ходить, мы переместились поближе к Вакаяма Поинт, но попались на глаза поисковой группе, и стали спускаться к южному побережью. К сожалению, другая поисковая группа поджидала нас там. Их было около тридцати пяти, расположившихся на пляже как стая чаек, всего лишь в восьмиста метрах от нас. Я думал, что лучшим решением будет открыть по ним огонь. Сделав десяток выстрелов, мы смогли бы попасть в некоторых из них. Тогда мы смогли бы сбежать, прежде чем они оправятся от шока.

Но подумав минуту, я вспомнил, что нога Симады может оказаться недостаточно сильной для этого. Как и с Акацу, нам приходилось подстраивать скорость движения троицы под скорость самого слабого. Симада в тот момент и был самым слабым. Я всё ещё думал, что у нас могло получиться, но были ещё и тень сомнения, да к тому же я не хотел, чтобы мы расходовали больше боеприпасов, нежели это было абсолютно необходимо.

Кодзука приготовился стрелять, я тоже прицелился, но потом передумал.

"Не стреляй, - сказал я. - Мы всегда можем убить кого-то из них, когда захотим. Пусть поживут ещё".

Отменив атаку, мы пошли обратно в леса. В расщелине казалось достаточно спокойно, но нам нужно было быть осторожными. Поисковый отряд мог зайти вглубь острова от побережья...

Мы остались.

В этой части острова в достатке рос фрукт под названием "нанка", и на следующее утро Кодзука и я собрали их большую охапку. Мы решили нарезать их ломтиками и разложить для просушки. На полдороге на скалу из долины была впадина, верхний склон был не виден со дна долины.

Мы нашли упавшее дерево на солнечном месте на склоне, и разложили нарезанную ломтиками нанку по стволу. Тогда Кодзука и я вернулись через долину к нашему лагерю и прилегли отдохнуть, а Кодзука остался стоять на часах. Когда мы проснулись, мы обнаружили, что Симада переносит нанку вниз в долину, поскольку повисшее дерево теперь оказалось в тени. "Это не хорошо", - пробормотал Кодзука.

Если кто-нибудь увидит разложенный нанка, он догадается, что мы скрываемся неподалёку. Я тоже беспокоился об этом, но ещё больше я беспокоился о поисковом отряде на берегу. За день до этого, они двинулись в сторону Пойнт Два Дома. Теперь я боялся, что они могут вернуться. Я опасался, что они могут вернуться. Я решил, что нам следует поесть пока ещё светло, а потом, забрав еду с собой, двинуться назад к берегу, чтобы посмотреть, что там происходит. Я оставил нанку, где они были, и начал готовить. Сделав так, я стал причиной смерти Симады.

Пока я готовил, я поглядывал в долину и заметил какое-то лёгкое движение. Я схватил свою винтовку. Человек похожий на островитянина пробирался по долине, всего лишь в двадцати пяти метрах от нас. Он, очевидно, заметил нанку. Я сделал два быстрых выстрела.

Попали ли выстрелы в цель или нет, я не знаю. Человек вскрикнул и метнулся за камень. Я упал на землю, Кодзука спрятался за большим древесным стволом примерно в трёх метрах от меня и мы приготовились стрелять снова.

Но Симада продолжал стоять у дерева в нескольких метрах от нас. Он целился из винтовки, но он не сделал ни одного выстрела. Это было странно, потому что он был самым быстрым стрелком из нас всех. Он мог выстрелить пять раз, пока я успевал выстрелить лишь дважды. Но что беспокоило меня ещё больше, это то, что он всё ещё стоял.

В обычных обстоятельствах я бы закричал: "Ложись, дурак!". Но почему-то тогда я потерял голос. Я не знал, где были враги, но если человек, которого я видел, был их проводником, они должны были быть где-то неподалёку, а если они пришли с берега по долине, они могли оказаться в месте, откуда мы были у них как на ладони.

Выстрел прогремел из долины, и Симада повалился головой вперёд. Он не шевельнулся. Он был убит мгновенно. Враг был не в долине, как я думал, а на склоне на другом берегу реки. Это означало, что мы с Кодзукой видны им, так что мы вскарабкались на берег бывший у нас за спиной. Мы захватили винтовки, но бросили всё остальное – инструменты, боеприпасы, ножи боло, всё...

Примерно через десять дней после смерти Симады, над лесом несколько раз пролетел самолёт филиппинских ВВС. Он сбрасывал листовки, через громкоговоритель раздавалось: "Онода, Кодзука, война закончилась".

Это взбесило нас. Мы хотели кричать грязным американцам, чтобы они прекратили угрожать нам. Мы хотели сказать им, что если они не прекратят запугивать нас как трусливых кроликов, мы однажды доберёмся и до них, рано или поздно...

Примерно два месяца спустя, мы снова побывали в долине, где был убит Симада. У меня случались с Симадой и споры, и стычки, но он был преданным другом, с которым мы сражались бок о бок целых десять лет. Я простоял там некоторое время, с руками

сложенными в молитве. Вместе с Кодзукой мы поклялись, что отомстим за смерть Симады.

Начинало смеркаться, и Кодзука сказал: "Пойдёмте, лейтенант. Пора идти". Я вытер щёки тыльной стороной ладони. Впервые после приезда на Лубанг, я плакал».

После этого инцидента филиппинское правительство разрешило членам японской комиссии начать поиски военнослужащих Императорской армии Японии, скрывающихся на острове Лубанг. На основе показаний Юити Акацу, комиссия проводила поиск в течение мая 1954 г., всего 1958 г. и мая – декабря 1959 г., но найти Оноду и его единственного оставшегося на тот момент подчинённого – Кинсити Кодзуку, - не смогла.

Сообщения, которые были адресованы Оноде и Киинсити Кодзуке, были расценены им в качестве дезинформации. Более того, он даже не верили, что Вторая мировая война уже давно закончилась, считали, что военные действия с участием Императорской армии Японии ведутся по всей территории Юго-Восточной Азии, в т.ч. на Филиппинских островах и, ожидая высадки японских войск на острове Лубанг, продолжали сопротивление. «Мы оба считали, что должны стоять на постах пока не будет прочно установлена Восточно-азиатская сфера взаимного процветания... Никто из нас не сомневался ни минуты, что должны быть другие японские солдаты как мы на многих других филиппинских островах», - писал впоследствии в своих воспоминаниях Онода.

«В один из дней, в густом лесу недалеко от места, где был убит Симада, я обнаружил японский флаг, на котором были написаны имена моей семьи и нескольких моих родственников. Среди имён были "Ясу" и "Норико", предположительно означавшие жену моего старшего брата Ясуе и двоюродного брата по имени Нори. Но если подписи были настоящими, почему отсутствовала буква "е" в имени Ясуе, и добавлено "ко" к Нории? Я пришёл к выводу, что этот флаг, должно быть, подделка.

Мы ни секунды не верили в то, что война закончилась. Напротив, мы ждали, когда же японская армия пойдёт десант на Лубанг или, по крайней мере, пойдёт секретных агентов, чтобы установить с нами связь...

Пока я держал в руках флаг с неправильно написанными именами моего двоюродного брата и свояченицы, мне казалось, что он как будто хочет мне что-то сказать. Наконец, я решил, что это было какое-то сфабрикованное послание из японского генштаба.

Я рассуждал следующим образом. Положим для начала, что японская армия послала шпиона, чтобы установить со мной контакт, а американцы об этом узнали бы. Американцы определённо решили бы, что японские силы собираются восстановить контроль за аэродромом на Лубанге, поскольку этот аэродром – единственный на Филиппинах к западу от Манилы, и будет очевидной базой для атаки города с запада. Чтобы препятствовать такому ходу событий, американцы перебазируют морские и воздушные силы в Манилу, таким образом высвобождая японские силы на Новой Гвинее, Малайе и во Французском Индокитае. С японской точки зрения, имело бы смысл заставить американцев поверить, что на Лубанге находится японский шпион. Следовательно, флаг,

якобы предназначенный для меня, должен был попасть в руки врага. Теперь американцы пытаются использовать его, чтобы заманить нас к нашей базе в центре Лубанга. На такой случай, японский штаб решил принять меры предосторожности и написать имена моей сестры и свояченицы неправильно. Поскольку эту ошибку я никак не мог не заметить, она предостережет меня о том, что всё это подделка.

Сегодня эти рассуждения звучат нелепо, но в Футамата меня учили всё время начеку, выявлять поддельные знаки и сообщения, и собственное поведение не казалось мне чрезмерно подозрительным. И действительно, я бы посчитал невероятно легкомысленным не подвергнуть сомнению каждую букву на том флаге...

Когда я вспоминал данный инцидент, казалось ясным, что этот японский флажок был частью попытки оттянуть часть войск противника на Манилу, убедив его в том, что Лубанг будет оккупирован снова. Я предвкушал, что скоро начнётся японская контратака...

Снова и снова листовки, которые мы считали поддельными, сыпались на остров, и каждый раз, когда их сбрасывали, мы думали о том, что японская атака, должно быть, приближается. По всей видимости, японские войска в других районах продвинулись настолько, что начали беспокоить врага на Филиппинах.

Когда мы находили новые листовки, мы были счастливы. Мы считали эту "дезинформацию" частью работы, выполняемой чтобы подбодрить нас. В них содержалось много информации о том, что происходило в Японии, о том, как поживали наши семьи, а иногда даже семейные фотографии. В одной листовке, сброшенной в 1957 году, было фото, подписанное "Семья Оноды-сан". На фото были мои родители, моя старшая сестра Чи и её дети, моя младшая сестра Кеико и несколько других членов семьи. Всё выглядело вполне настоящим, за исключением того, что на фотографии сбоку стоял наш сосед, не имевший к моей семье отношения. Это было как в тот раз, когда человек, бывший лишь дальним родственником Симады, оказался на фотографии, подписанной как семейная фотография. Другая подозрительная деталь заключалась в том, что не было никаких причин, чтобы после моей фамилии стояло окончание "сан". "Семья Оноды" было бы правильно по правилам японского этикета...

Листовки были отпечатаны на скверной бумаге, по-видимому, для удешевления. Это должно было означать, решили мы, что листовки печатаются в больших количествах и разбрасываются не только на Лубанге, но и по всем Филиппинам. Это, в свою очередь, означало, что должны быть другие японские партизаны на других островах. Эти листовки, как мы полагали, должны были убедить их, что, если и дадут знать о своих именах и адресах их семей, они тоже смогут получать новости с родины, как Онода и Кодзука на Лубанге. Вне всяких сомнений, именно в этом состояла настоящая цель противника, и именно поэтому после наших имён было добавлено "сан". Говоря о наших семьях другим японцам, использовать "сан" было правильным.

В одном из наборов листовок были конверты с отпечатанным на них адресом японского посольства на Филиппинах. Бумага опять была дешёвая, так что мы решили, что такие же конверты сбрасывают японским войскам на других островах. Каждый конверт содержал карандаш и записку: "Напишите ваш домашний адрес и название вашего подразделения, и мы предоставим вам информацию, которая убедит вас. С получением данного сообщения, немедленно выходите с гор"...

Примерно в мае 1954 года голос из громкоговорителя объявил: "Я Кацуо Сато, бывший начальник штаба Морской авиации. Я хочу встретиться с вами в Лооке". Нам показалось нелепым, что встретиться с нами хочет морской офицер, в то время как оба мы состояли в армии.

Суммируя, разные листовки и "поддельные" сообщения, которые мы получали на Лубанге, совсем не убеждали нас, что война закончена, и, напротив, убеждали нас, что скоро на острове высадутся японские войска. Думая о том, что всякий передовой японский

агент обязательно высадится на южном побережье, мы старались "зачистить" эту зону. Мы считали, что если мы не передадим агенту, когда он прибудет, всей необходимой ему информации об острове, мы получим выговор, причём справедливо....

Вскоре после этого на остров прибыла из Японии поисковая партия 1959 года, чтобы искать нас. "Американцы, похоже, начинают еще одну фальшивую спасательную операцию", - сказал я. "Одно беспокойство, - проворчал Кодзука, - давай перейдем в какое-нибудь местечко потише".

Мы ушли к югу, где нам не было слышно громкоговорителей, из которых, как я узнал позже, поисковая партия повторяла снова и снова: "Лейтенант Онода! Рядовой первого класса Кодзука! Мы прибыли из Японии, чтобы найти вас. Война закончилась. Пожалуйста поговорите с нами и поедьте с нами в Японию".

Еще они проигрывали национальный японский гимн и множество японских народных песен и популярных месен. Поисковая партия обошла весь остров, вставая лагерем на ночь. Каждый раз, когда они приближались к нам, мы уходили глубже в джунгли.

Внутри себя мы были уверены, что эти люди были агентами противника, которых одурачили фальшивыми сообщениями нашей собственной армии и пытались помешать нам связаться с предполагаемыми японскими шпионами. Они могли призывать нас, сколько им было угодно, у нас не было и малейшего желания им отвечать.

Враг собирался, как мы полагали, удалить нас с острова. Если бы они смогли поймать нас обоих, передовые агенты Японии не смогли бы высадиться здесь, а японский ударный отряд не смог бы захватить аэродром. С нашей точки зрения, если бы мы поддались на эту обманку, вся наша прошлая работа пошла бы насмарку. Даже если бы они прочесывали остров частой расчёской, нам всё равно нужно было оставаться необнаруженными.

На случай, если бы действительно начались полномасштабные поиски, у нас был разработан план бегства с острова, но на тот случай, если бы нас нашли прежде, чем мы сумели бы этот план реализовать, мы собирались нанести как можно больший ущерб. Если нам было суждено умереть, нам было бы проще, зная, что перед этим мы уничтожили десять, или двадцать, или тридцать вражеских солдат.

Люди часто говорили, что если меня на самом деле зажмут в угол, мне нужно оставить последнюю пулю для себя самого. Но я собирался использовать каждый свой патрон против врага. С чего бы мне тратить попусту на себя самого, раз уж враг и так скоро обо мне позаботится? Я хранил и берёг эти патроны все эти годы. Я хотел, чтобы каждая из них нанесла максимальный ущерб. Если я смогу убить последней пулей ещё одного врага, тем лучше. Именно так, я думал, должен вести себя солдат, а не совершать самоубийство...».

В результате, в 1959 г. японское правительство официально объявило Оноду и Кинсити Кодзуку погибшими. В тот момент считалось, что они умерли от ран полученных пятью годами ранее в стычках с филиппинской полицией.

Тем временем, в отдаленной части острова Лубанг, в глубине джунглей, Онода и его подчиненный вырыли новое, хорошо замаскированное подземное убежище, где скрывались от поисковых партий. Раз в год, осенью они поджигали кучи соломы, оставленные крестьянами на сжатых рисовых полях, расположенных недалеко от порта Тилик на Лубанге, чтобы подать сигнал Императорской армии Японии, что их отряд всё ещё жив и продолжает сопротивление. Крестьян, не скрываясь, прогоняли выстрелами в воздух, в

надежде на то, что те сообщат властям о японских военнослужащих, и о них узнает командование Императорской армии Японии. Местных жителей они считали «пособниками» врагов Японии и, при удобном случае, угрожая оружием, «реквизировали» у них всё, что было нужно. В ответ островитяне называли их «горными бандитами» или «горными дьяволами», и, если замечали первыми, стреляли в них или вызывали полицию.

Нельзя сказать, что Онода и его товарищи находились в полной изоляции от окружающего мира и ничего не знали о происходящих в мире событиях.

В первую очередь, они имели доступ к японским газетам и журналам, которые оставляли в джунглях члены поисковых японских комиссий.

В конце 1965 г., в ходе одной из вылазок, они нашли в хижине местных жителей транзисторный радиоприёмник, батарейки «реквизировали» у крестьян и стали получать информацию о положении в окружающем мире, в т.ч. принимая японские передачи.

В целом, Онода был осведомлён о некоторых событиях в Японии: знал о женитьбе принца Акихито в 1959 г., о проведении Летних Олимпийских игр в Токио в 1964 г., о «японском экономическом чуде» и его проявлениях, в т.ч. научно-технического прогресса, но по-прежнему отказывался верить в поражение своей страны во Второй мировой войне, продолжая оказывать сопротивление филиппинской армии и полиции, а также совершая диверсии и периодически терроризируя местное население острова Лубанг.

Причина этого, очевидно, заключается в соответствующей подготовке Оноды, которую он прошел перед тем, как оказался на острове Лубанг. Ещё перед отправкой на фронт Оноду учили, что противник будет прибегать к массовой дезинформации о конце войны, поэтому он воспринимал все события политического характера под искажённым углом зрения. Так, Онода думал, что правительство, которое контролирует Японию после 1945 г., - это марионетка США, а настоящее Императорское правительство находится в изгнании на территории Маньчжурии, продолжая руководить сопротивлением со стороны Императорской армии Японии в различных частях Азиатско-Тихоокеанского региона. Начало Корейской войны 1950-1953 гг. казалось Оноде началом предпринятого из Маньчжурии контрнаступления Японии на США на юге Корейского полуострова, а война во Вьетнаме 1959-1975 гг. расценивалась им как успешная кампания Императорской армии Японии против США в

Индокитае, причем, американцы, в его представлении, в самое ближайшее время должны были капитулировать.

Соответственно, к информации, которую Онода получал из внешних источников, он относился критически. На веру принимались лишь отдельные факты, имеющие отношение к Японии, главным образом, не связанные с военно-политической ситуацией.

«Поисковая партия оставила газеты и журналы. Большинство из них были свежими... Газеты, покрывавшие период примерно в четыре последних месяца, составили стопку примерно в полметра высотой. Мы решили, что это были перепечатки настоящих японских газет, отредактированные американскими секретными службами таким образом, чтобы удалить всю информацию, о которой они не хотели нам давать знать. Это всё что мы могли придумать, раз уж мы считали, что Великая восточно-азиатская война всё ещё продолжается.

Определённым образом газеты и подтверждали, что война продолжается, а именно – тем, что в них много говорилось о жизни в Японии. А если бы Япония действительно проиграла войну, там не было бы ни единой живой души. Все должны были бы умереть...

Я искренне верил, что Япония не сдастся, пока останется хотя бы один живой японец. И наоборот, пока остались живые японцы, Япония не сдалась. В конце концов, именно в этом мы, японцы, клялись друг другу. Мы клялись, что будем сопротивляться американским дьяволам, пока все до одного не погибнем. Если понадобится, женщины и дети будут сражаться бамбуковыми палками, пытаясь убить как можно больше вражеских солдат, пока их самих не убьют. Газеты военного времени все повторяли эту мысль в самых суровых выражениях. "Сопротивляться до конца!", "Защищать империю любой ценой!", "Сто миллионов умрут за дело!". Я буквально вырос на таких разговорах.

Когда я стал солдатом, я принял цели моей страны. Я клялся, что сделаю всё, что в моих силах, чтобы достичь этих целей. Я действительно не вызывался добровольцем на военную службу, но будучи рождён мужчиной и японцем, считал своей священной обязанностью, будучи признанным годным по физическим данным, стать солдатом и воевать за Японию...

Мы снова и снова прочитывали газеты от корки до корки, вплоть до крохотных объявлений о вакансиях в три строчки длиной. По правде сказать, именно эти объявления читать было интереснее всего, потому что они показывали какую работу ищут люди, и каких людей ищут на работу. Но время для нас остановилось для нас в 1944 году, и, читая, мы обнаруживали много вещей, которые вообще не могли понять. Нас особенно озадачивали статьи на внешнеполитические и военные темы. Иногда мы перечитывали их по несколько раз, но они всё равно ничего не значили.

Например, было трудно понять, какие страны теперь на стороне Японии, а какие – нет. Собирая вместе то, что мы вычитывали из газет и частицы информации (или дезинформации), полученной из листовок и подобных источников, мы сложили общую картину Японии и ее военное положение на 1959 год.

Мы знали, что Великая Японская империя стала демократической Японией. Мы не знали когда и как, но было совершенно ясно, что там теперь было демократическое правительство и военная структура была реформирована. Также было похоже, что Япония теперь была вовлечена в культурные и экономические отношения с большим количеством стран. Японское правительство всё ещё работало над установлением Великой восточно-азиатской сферы взаимного процветания, а армия всё ещё была вовлечена в военный

конфликт с Америкой. Новая армия, похоже, была модернизированным вариантом старой армии, и мы полагали, что она теперь ответственна за оборону Юго-Восточной Азии в целом, включая Китай.

Китай теперь был коммунистической страной под руководством Мао Цзэдуна: не было сомнений, что Мао пришёл к власти с поддержкой Японии. Без сомнения, он теперь сотрудничал с Японией над установлением сферы взаимного процветания. Хотя в газетах об этом ничего не говорилось, единственным логичным выводом было то, что американские спецслужбы, готовя для газеты для нас, удалили все упоминания об этом.

Мы рассчитали, что для Японии могло быть выгодно установить Мао Цзэдуна лидером Нового Китая, потому что это сделает доступными для Японии деньги богатых китайских финансистов. Мы заключили, что чтобы обеспечить поддержку Японии, Мао согласился выгнать американцев и англичан из Китая и сотрудничать с новой японской армией.

В сущности, Япония и Китай работали на одну цель. Представлялось естественным, что они образуют союз. Мы стали называть его Восточно-азиатской Лигой взаимного процветания, и решили, что Маньчжоу-го также было его активным участником, участвуя в области производства вооружений...

Ещё мы выработали теорию об организации новых вооружённых сил Японии. Мы чувствовали, что в основе они не могли сильно отличаться от старых. Должно быть деление на армию, флот и авиацию, и уж конечно должны быть спецслужбы. Также мы полагали, что субординация должна быть такой же, как раньше, так что мы, следовательно, подчиняемся новой организации. Новая армия, также, должна была иметь некий источник тех поддельных сообщений, которые иногда приходили на Лубанг. Главное отличие, насколько мы могли представить, состояло в том, что вместо призыва была введена система добровольной записи...

Из-за этого я решил, что Япония перешла к новой системе, когда солдаты сражались на военном фронте, но гражданские – только на экономическом фронте. Военные расходы, разумеется, должны были бы покрываться налогами. Чем больше я раздумывал об этом, тем больше я убеждался, что это была наиболее реалистичная политика создания сферы взаимного процветания.

В войне между Америкой и Восточно-азиатской Лигой взаимного процветания, ведущейся по такой схеме, гражданские двух сторон соревновались друг с другом в экономической сфере. Сторона, одерживающая верх в экономической войне, очевидно, будет способна платить больше налогов своему правительству, что означало больше денег на военные расходы. Это правительство, следовательно, обретёт и военное превосходство. Короче, мне представлялось, что Восточно-азиатская Лига взаимного процветания, под предводительством Японии, должна быть вовлечена в экономический и военный конфликт против Америки, но в то же самое время экономические отношения, и военные отношения держались порознь. Когда Кодзука и я обсуждали этот вопрос вместе, мы всегда приходили к такому выводу, и он лишь укреплялся теми частицами информации, которые мы собирали на Лубанге в последующие годы. Таков был наш вывод, и со временем он стал нашей верой. "Если мы правы насчёт этого, - спрашивал Кодзука, - тогда за кого мы сражаемся?". "За Японию и японский народ, конечно. - ответил я без колебаний. – Новая армия должна признавать полномочия старой армии. Если мы сражаемся для новой армии, мы всё ещё сражаемся за свою страну"...

Если бы поисковые партии, бывавшие на Лубанге, оставили нам уменьшенные копии всех газет с 1944 по 1959 годы, и Кодзука и я, вероятно, поняли бы, что война закончилась, и мы зря тратим свои жизни. Но меня учили, что война может длиться сотни лет, и я получил свои приказы непосредственно от генерал-лейтенанта, который уверил меня, что рано или поздно японская армия вернётся за мной, неважно, сколько времени это

потребуется. Я не мог принять газеты 1959 года за чистую монету. Я был уверен с самого начала, что они были американской обманкой, и я был более чем уверен отвергнуть что угодно, что не укладывалось в мои построения...

Ожидаемо, что газеты 1959 года дали нам мало подсказок относительно того, как развиваются боевые действия. Мы могли лишь гадать, что противоборствующие стороны сражались на Тихом океане, и что в какой-то момент сторона с наибольшим количеством линкоров и самолётов – победит. Это позволило нам чувствовать, что чем дольше мы будем держаться на Лубанге, тем большее преимущество получит наша сторона. Мы делали, мы верили, что делаем вклад в установление Великой восточно-азиатской сферы взаимного процветания...

В конце 1965 года мы добыли транзисторный приемник.

Дело было на сельхозугодьях на берегу напротив острова Амбил, где несколько местных собрались в хижине на несколько дней для работ на полях. Среди них был человек в хорошей белой одежде, который постоянно входил и выходил из хижины. Мы наблюдали из-за деревьев, как он поработал с полчаса, потом пошел к горе прямо напротив нас. У него было ружье, и сам он был достаточно крупным.

"Кто это по-твоему?", - спросил Козука.

"Вероятно, кто-то, работающий на армию или полицию", - ответил я, и мы решили проследить за ним. Прежде, чем мы сдвинулись, показались еще трое и помешали нам последовать за мужчиной в белом. В ту же секунду, как они объединились, мы сделали несколько выстрелов, чтобы спугнуть их, заставив их дать стрелкача в джунгли, двое в одну сторону, двое – в другую. Еще два выстрела, и они скрылись, еще прибавив ходу. Остальные фермеры разбежались.

Мы вошли в брошенную хижину и нашли не только транзисторный приёмник, но еще хорошие носки, рубашки и штаны...

Мы реквизировали радио и другие вещи и вернулись в джунгли. Радио оказалось восьмитранзисторной Тошибой, и казалось очень хорошим. Батарейки в нём были новые, и у нас еще было четыре запасные. Когда мы тем вечером включили его, первое что мы услышали, был голос человека, говорившего по-японски: "Сегодня 27 декабря, и это последняя передача в этом году. Слушайте нас снова в следующем году. А тем временем, всех с Новым годом!"...

Радио впервые обеспечило нас информацией о внешнем мире, со времен газет и журналов, оставленных поисковой группой 1959 года, но мы ограничивали прослушивание, чтобы сберечь батареи. В первый год мы слушали только передачи новостей из Пекина. Раздобыв еще батареек, мы стали слушать еще японское коротковолновое радио, южно-американские передачи NHK (японская общественная телерадиокомпания), австралийские передачи на японском языке, и даже BBC из Лондона.

Свежие батарейки мы получали из фонариков, которыми пользовались островитяне. Фермеры иногда работали допоздна на полях у кромки леса, и если мы делали несколько выстрелов, чтобы их напугать, они обычно убегали, оставляя фонарик. Они, конечно, были слишком большими и не влезали в радио, но мы сделали пластиковый цилиндр, в который помещалось четыре батареек и присоединяли его приёмнику.

Когда у нас оказывались лишние батарейки, мы расплавляли в жестянке кусок парафина и обмакивали в него торцы батареек, чтобы запечатать контакты. Таким образом, их срок хранения увеличивался до трёх лет.

В сезон дождей мы делали антенну из натянутой между деревьями медной проволоки длиной около десяти метров, на высоте около пяти метров. Проволока была, разумеется, тоже украдена у островитян.

Как и с газетами и журналами, которые попадали нам в руки, мы не верили ничему, что слышали по радио касательно военной обстановки и международных отношений. Мы считали, что слушаем не настоящие прямые трансляции, а подделанные американцами записи, из которых они удаляли всё неприемлемое для себя. То, что изображало из себя передачу из Австралии или Японии было, с нашей точки зрения, записью, исправленной врагом и ретранслируемой с нужными изменениями. На Филиппинах было много людей, понимающих японский язык, и американцы, видимо, пытались сломить дух тех, кто сочувствовал Японии, транслируя поддельные передачи на японском, которые пытались казаться японскими, или из других стран, а на самом деле представляли американскую точку зрения...

По вопросам, не касающихся военной обстановки и международных отношений, мы считали передачи достаточно достоверными. Мы, например, признали достоверным сообщение об успешном прохождении Олимпийских игр в Токио, и о том, что в Японии появилась "поезда-пули", курсирующие между Токио и Осакой. В конце концов, люди часто говорят, что государственные границы не действуют в мире спорта, так что нам казалось вполне допустимым, что Олимпийские игры могут проводиться даже во время войны. Что же касается новой железнодорожной ветки, еще до войны я слышал о планах построить линию суперэкспресса между Токио и Симоносеки...

Еще мы слушали популярные музыкальные программы...

Одна из программ, которую я старался слушать всегда, была большое предновогоднее радиопредставление на волне NHK, в котором участвовали все лучшие исполнители. Передача шла на коротких волнах, но мы никогда не слушали её целиком, потому что она продолжалась три часа, а мы не хотели использовать батареи слишком много.

19 октября 1972 г. на острове Лубанг произошел инцидент, в ходе которого во время перестрелки, произошедшей после нападения на крестьян, филиппинские полицейские застрелили военнослужащего Императорской армии Японии. Им оказался рядовой высшего класса Кинсити Кодзука – последний из подчинённых Оноды. Вместе с Онодой они подожгли скирды соломы на сжатом рисовом поле, чтобы подать очередной сигнал Императорской армии Японии, но слишком задержались, собирая припасы разбежавшихся крестьян, и те успели вызвать полицейский патруль, оказавшийся неподалёку. Онода, отстреливаясь, пытался помочь своему раненому боевому товарищу уйти, но тот получил еще одно, смертельное ранение, и погиб на месте.

«Я никогда не забуду день 19 октября 1972 года..., потому что в тот день был застрелен Кодзука.

Примерно за десять дней до этого мы разобрали нашу хижину-бахай, в которой пережидали дождливый сезон, и двинулись из района Лоока через Брол в сторону хребта, частью которого являются горы-близнецы. Обычно мы проводили свои сигнальные рейды между 5-м и 2-м октября, но в этом году припозднились из-за поздно закончившегося дождливого сезона. На ходу мы обсуждали, как повлияет эта задержка на наши планы. Один день мы прятались в месте, откуда мы могли обозревать весь центральный хребет, и

вечером осторожно выдвинулись в горы. Возможно, кто-то из островитян заметил нас еще тогда, поскольку на следующий день полиция появилась гораздо быстрее обычного.

В этот день мы наблюдали из своего укрытия за крестьянами, собирающими рис с суходольных полей на склонах внизу. Мы собирались в первый день лишь прикинуть места, где на следующий день должны были делать наши сигнальные костры. Нам показалось, однако, что островитяне намеревались закончить работы в тот же день, а если бы им это удалось, к следующему вечеру риса на поле уже не будет. Для нас это означало еще один месяц ожидания, пока рис не уберут на проливных полях.

"Что будем делать? Сожжём еще поле?"

"Да. Мы шли издалека, так что вперед, за дело".

С возвышенности нам был виден Тилик и раскинувшееся вокруг море. Деревня была недалеко, так что нам нужно было разжечь сигнальные огни быстро. Но как бы быстро островитяне ни сообщили о нашем присутствии, полиции нужно будет добираться сюда, по меньшей мере, десять минут. Считая, что на поджог одного стога риса требовалось три минуты, за это время мы сможем поджечь три стога и еще останется время на отступление.

Подойдя поближе к полю, мы, отчасти чтобы проверить наши самые сомнительные патроны, сделали несколько выстрелов в воздух. Как и ожидалось, первые пять или шесть патронов дали осечки, но один наконец выстрелил. Услышав выстрел, двое работавших на поле местных бросились в противоположном от нас направлении, то же сделал третий, что был на ближайшем гребне справа от нас. Поле осталось без охраны, мы убедились, что напуганные фермеры не собирались возвращаться, и подожгли первый стог. Пока Кодзука поджигал еще одну небольшую кучу риса, я подбирал всё, что побросали крестьяне. Там нашлось два ножа боло, немного сигарет, немного спичек и даже немного кофе – вовсе не дурная добыча. Мы направились назад на другую сторону гребня, где нас не было видно из деревни. Чуть поднявшись, мы увидели большую скирду соломы, и Кодзука сказал: "Вон там еще куча риса под деревом".

Я посмотрел, и там действительно лежала куча мешков с рисом. Поблизости кто-то сложил три плоских камня в подобие очага, над которым на ветке дерева висел котелок. Вокруг никого не было видно. Кодзука пробормотал: "Как думаешь, скоро появится полиция?". Я ответил: "Да, похоже на то".

"Эти идиоты всё время путаются под ногами! Давай подкрадёмся и запалим еще один костёр?". "Хорошо, давай попробуем".

Мы отошли метров на пять от дерева, сложили наши рюкзаки, и наши винтовки на них. Так как рис был в мешках, нужно было подложить солому, или что-то вроде того, иначе огонь бы не занялся. Оглянувшись кругом, мы заметили как раз подходящий ворох соломы. Кодзука пошёл его подобрать, а я пошёл посмотреть, что в котелке. Как раз когда я снял котелок ветки, с разных сторон раздались ружейные выстрелы, и очень близкие. Мы слишком задержались!

Я нырнул головой вперед к нашим винтовкам, схватил свою, вскочил на одно колено и прицелился. Враги стреляли как сумасшедшие. По звуку я понял, что стреляли из карабинов и какого-то автоматического оружия. Кругом были холмы, поросшие плотным кустарником, и если мы будем двигаться быстро, всё будет в порядке.

Кодзука тоже плюхнулся в грязь, прыгнув за своим оружием. Он схватил свою винтовку, но тут же отдернул руку. Я подумал, что ружьё зацепилось мушкой за мешки, и когда Кодзука снова потянулся за ним, я перебросил винтовку в левую руку и подтолкнул ему его винтовку, чтобы ему было проще её достать. Но Кодзука снова отдернул руку, и его винтовка осталась у меня.

"Моё плечо!", - вскричал он. Я испуганно глядел на него, не меняя стойки. Из его плеча текла кровь.

"Если это только плечо, не бойся. Надо выбраться обратно в лощину".

Противники всё еще стреляли. Держа ружьё Кодзуки, я повернулся в направлении, откуда летели пули. Из тени кустов примерно в 120 метрах от нас внезапно с боевым кличем появились две фигуры. Я решил, что это должны были быть те островитяне, которые вызвали полицию. По звуку очередного выстрела я прикинул, что полиция должна быть немного левее и немного ближе островитян. Я сделал в этом направлении три или четыре выстрела, и противник отстал. Это дало мне шанс. Схватив два ружья, я развернулся, собираясь убежать. Кодзука всё ещё стоял на том же месте! Я думал, он должен был проделать десяток метров, пока я отстреливался, но он стоял, скрестив на груди руки, видимо, держась за сердце. Я закричал ему, чтобы он пригнулся, но прежде чем успел открыть рот, он простонал: "Моя грудь!".

Грудь? Они ранили его дважды?

Кодзука простонал: "Бесполезно!".

Я видел, как его глаза побелели. Через мгновение кровь и пена хлынули у него изо рта, и он упал лицом вниз.

Чтобы выиграть немного времени, я попытался выпустить пять пуль из моей винтовки, но четвёртая просто целкнула, и выстрела не было. Не раздумывая, я прекратил стрельбу.

Я позвал Кодзуку, без ответа. Он не шевельнулся. Я бросил свою винтовку и потряс его за лодыжку, безрезультатно. Это был конец? Он действительно мёртв? Я хотел окликнуть его еще раз, но не мог говорить.

В это было трудно поверить, раз глаза его закатились, а изо рта пошла кровь и пена, значит, он мёртв. Я больше ничего не мог сделать. Я схватил две винтовки и пробежал с полсотни метров к зарослям вниз по склону. Там я обернулся на Кодзуку, но он всё еще лежал там, неподвижно.

Я сдался и заспешил вниз в долину. За моей спиной продолжалась стрельба. Я бежал через лес, кричал "Я убью их за это! Убью их всех! Убью, убью, убью!".

Теперь со мной не было никого. Симада убит. Кодзука убит. Я следующий в очереди. Но я пообещал себе, что меня не убьют без боя...

Прячась среди деревьев, я оценивал своё положение.

Когда я сидел на одном месте, то, что я был один, без сомнения, становилось недостатком. С другой стороны, если я двигался, одиночество имело свои преимущества. Я был свободен идти, куда я хотел, и мог двигаться налегке. К тому же, на одного человека было легче найти пропитание, а опасность быть обнаруженным пропорционально уменьшалась. Иметь лишнюю винтовку тоже было неплохо, но я убедился, что вторая винтовка была больше обузой, чем подмогой, когда нужно было действовать быстро. В то же время, возросший запас боеприпасов сделал боевые действия проще в долгосрочной перспективе. Оставив чувства и эмоции, я решил, что с объективной точки зрения, недостатки вполне компенсировались преимуществами, и моё положение, по крайней мере, не ухудшилось. Два солдата или один солдат – в конце концов, невелика разница, если учесть вопросы материального обеспечения.

По крайней мере, именно так мне хотелось думать. Снова я решил, что если я встречу врага, буду стрелять на поражение. Если я буду так делать, островитяне будут бояться заходить на мою территорию. Это само по себе облегчит мне жизнь.

Мне не удалось реализовать этот план, мне помешала новая поисковая группа, прибывшая через три дня после гибели Кодзуки.

В связи с этим инцидентом, 22 октября 1972 г. Министерство здравоохранения и социального обеспечения Японии отправило на Филиппины очередную делегацию из членов разведывательной комиссии по спасению японских солдат, а также родственников погибшего Кинсити Кодзуки и Хироо Оноды. Но поиски последнего, которые продолжались в течение последующих нескольких месяцев, результатов не дали. Онода нашёл оставленные в его заброшенной хижине и адресованные ему письма комиссии, японские газеты, журналы и записки своих родных, слышал по громкоговорителю призывы своего брата и сестры сдать власть, но не поверил в сотрудничество японцев с филиппинцами, поскольку филиппинская полиция застрелила Кинсити Кодзуку на его глазах. В ответ, однако, Онода оставил записку со словами благодарности родным, сообщив, что всё ещё жив.

«Онода-сан, где бы вы ни были, выходите! Мы гарантируем вашу безопасность».

Такие призывы раздавались из громкоговорителей поисковой группы снова и снова. Они всё приближались, и я решил, что должен как-то избежать поисковиков...

Островитяне закончили уборку риса на суходольных полях и начали жатву на залитых водой чеках. Ползая по сухим участкам, отделяющим одну чеку от другой, стараясь брать в каждом месте понемногу, чтобы не быть обнаруженным, я собрал достаточно нелущёного риса на длительный срок. Потом двинулся на восток, собираясь проделать путь, пока это еще нетрудно, делая остановки на четыре-пять дней. Чем больше я обдумывал этот план, тем сильнее утверждался в мысли, что таким образом будет трудно избежать сетей поискового отряда. В конце концов, я решил действовать более агрессивно.

Вечером 19 ноября, спустя всего месяц после смерти Кодзуки, я вышел на открытое место на автомобильной дороге в Амбулоне, прямо под радарной базой.

Я встретил жителя, идущего домой с работы. Я издал угрожающий звук и направил на него винтовку. Поражённый как громом, мужчина убежал, но постоянно оглядываясь и маша мне руками, как будто прося о пощаде. Это само по себе было необычно, потому что обычно, когда островитяне видели меня, они всегда убегали не оглядываясь. Я решил, что тому человеку было приказано убедиться, что он видел именно меня.

Это вполне устраивало меня. Я побежал вслед, держа его на мушке. Он снова обернулся, лишь чтобы увидеть, что я настигаю его и всё ещё готов стрелять. Он побежал из всех сил, и затем заскочил в одну из построек, примыкающих к радарной базе.

Я прикинул, что когда человек сообщит поисковому отряду, что видел меня, они появятся в большом количестве на дороге, а я скроюсь в горах в направлении Лоока.

Как я и планировал, примерно через двадцать минут появился поисковый отряд. Через громкоговорители они говорили: "Нам сообщили, что вас видели поблизости, и мы думаем, вы где-то рядом и слышите нас... Онода-сан, если вы не верите, что мы японцы, зарядите свою винтовку прежде чем выйти".

Я рассмеялся. Зарядить винтовку! Зарядить винтовку, которая была заряжена почти тридцать лет. Я здесь, хорошо, и я слышу их громкоговоритель. Но я не собирался клонуть на что-то подобное...

У меня было много еды, и не было поводов особенно торопиться... Я мог и остаться где был и понаблюдать за поисковой группой чуть дольше.

Во время поисковых работ 1959 года я думал, что кто-то имитирует голос моего брата Тошио, но на этот раз оба голоса, и Чи, и Тадао, определённо принадлежали им самим. По-видимому, это означало, что эта группа действительно прибыла из Японии, а не из американской разведки. Я хотел в этом убедиться.

Одним вечером примерно две недели спустя, на сорок пятый день после смерти Кодзуки, я пошёл к месту, где он был убит, собираясь прочитать молитву для успокоения его души. Поисковая группа уже должна была прекратить поиски в этом районе. Их деятельность в районе почти прекратилась, я больше не слышал призывов из громкоговорителей.

Выходя из зарослей, я приблизился к маленькому холму, где обнаружил книгу с восходящим солнцем на обложке. На чистом листе в начале книги было несколько строк, написанных рукой брата: "Вероятно, тебе есть что сказать мне, прежде чем мы поговорим лично. Вырви этот лист и напиши мне записку. Если оставишь её здесь, она попадёт ко мне".

Написано было, без сомнений, рукой Тадао, а я теперь окончательно уверился, что он был на Лубанге...

На следующий день около полудня я достиг равнины и увидел японский флаг, развевающийся посреди неё. По-видимому, это была теперешний лагерь поисковой группы.

Я решил, что на следующее утро покину своё укрытие до завтрака и пойду в лощину за пресной водой, а заодно и осмотрюсь как обычно. Прodelывая эту операцию, я обнаружил большое количество выброшенных сухих батареек, а также книг, газет, журналов и листовок. Я подобрал их и понёс назад в своё укрытие...

Газеты уделяли много внимания смерти Кодзуки, и я очень внимательно прочёл все статьи. В них помимо прочего говорилось, что я, по-видимому, получил в схватке ранение ноги. Это было не так, и кроме этого в статьях было ещё несколько неувязок.

Что меня удивило больше всего, так это то, что ни одна газета даже не упомянула "повязку из тысячи стежков", которую Кодзука носил каждый день все годы на Лубанге. "Повязка тысячи стежков" – это кусок хлопковой материи, на котором каждый из членов семьи и друзей уходящего солдата делали по стежку, часто привязывая монетку или краткое посвящение. Многие японские солдаты носили повязки на запястьях на удачу, и Кодзука со своей никогда не расставался. Газеты не только забыли упомянуть повязку, но и ошибочно сообщили, что у Кодзуки в карманах были монетки в пять и десять сен, хотя на самом деле они были прикреплены к повязке. Я решил, что ошибка допущена с какой-то целью. Как и в других случаях, я решил, что эти газеты подделаны, как и прочие.

Повязка Кодзуки представляла собой кусок розовой ткани с изображением тигра. Монетки, которые его семья дала ему как талисманы, были пришиты красными нитками. Кодзука однажды сказал мне: "Я должен был срочно уезжать, так что пришлось использовать эту дешёвую, купленную в лавке ткань. Не было времени сделать "повязку тысячи стежков" как полагается. Это ужасный материал. Я удивлён, как он ещё не распался. Должен быть закон, запрещающий торговцам продавать такой хлипкий розовый искусственный шёлк солдатам, уходящим на фронт".

Каждый год в конце сезона дождей мы занимались ремонтом одежды, и я помню, как в тот год Кодзука сделал прочную чёрную запястную повязку, а в неё завернул розовую.

Почему газеты скрыли информацию о повязке, было для меня загадкой. Обдумав это какое-то время, я пришёл к временному решению.

В отличие от поисковой группы 1959 года, новая экспедиция действительно отправлена японским правительством. Поиски, однако, были всего лишь предлогом для отправки группы японских разведывательных экспертов для проведения детального осмотра Лубанга. Судя по новостям на радио, Япония стала могущественной экономической державой, и, возможно, целью поисковой группы было распространить на острове японскую валюту, и переманить островитян на японскую сторону. Обращенные ко

мне призывы выходить на самом деле предназначались для того, чтобы сбить со следа американскую разведку. Под видом показных поисков меня, японские агенты сфотографировали каждый стратегический участок острова и подготовили детальные отчеты о характере местности и настроениях среди местного населения.

Рассуждая с этой позиции, обращенные ко мне призывы выходить, означали, что на самом деле мне не нужно выходить, потому что если я выйду, игре придёт конец. По радио я узнал, что американцы потерпели тяжёлое поражение во Вьетнаме, и мне представлялось, что Япония могла бы рассматривать этот разгром как возможность перетянуть Филиппины на свою сторону. В свою очередь, филиппинское правительство тоже может быть в настроении перейти от поддержки Америки к поддержке Японии. Это давало повод считать, что японское стратегическое командование могло выбрать Лубанг, всё ещё удерживаемый мною, как исходную точку влияния на Филиппинах. Отсюда – фальшивая поисковая группа.

Если я приму поиски за чистую монету и сдамся, "поисковой группе" придётся вернуться в Японию, не выполнив своей истинной задачи. Я чувствовал искушение податься призывам брата, но это не заставило меня загубить более важный план намеренной сдачи. Я написал несколько ободряющих слов "поисковой партии" – "Я буду прятаться там, где вы меня не найдёте, так что исследуйте остров так пристально, как только сможете. Работая большой командой, вы сможете выяснить гораздо больше о горах, населённых пунктах и аэродроме, чем я когда-нибудь разведал бы в одиночку. Если вы сможете добиться поддержки населения и мирно захватить остров, моя задача будет выполнена быстрее".

Меня беспокоило одно – по-видимому, членов поисковой группы сопровождали вооружённые филиппинские солдаты. С чего вдруг присланные из Японии агенты разведки захотят иметь охрану из филиппинцев? Не значило ли это, что они на самом деле были врагами?

На девяносто девять процентов я был уверен, что "поисковая группа" отправлена из Японии...

Вертолёт бесшумно летал над островом и сбрасывал в джунгли бесчисленные листовки. Люди из поисковой группы установили палатки в разных местах и переговаривались между собой по телефону. Переходя из укрытия в укрытие я удивлялся, почему они не оставили для меня бинокль и телефон. Если бы у меня был телефон, я мог бы тайно переговариваться с агентами разведки и передавать им всю собранную мной за эти годы информацию. Единственное приходившее мне на ум объяснение заключалось в том, что они не хотели, чтобы я выходил из джунглей.

Посмотрев на ситуацию под другим углом, если бы они на самом деле хотели, чтобы вышел, они бы оставили мне не только телефон, но еще и пулемёт и боеприпасы. Если бы они так сделали, я бы взял заряженный пулемёт и вышел бы прямо к ним. Если бы они были на самом деле японскими агентами, работающим на достижение той же цели, что и я, у них бы не было повода бояться, что я начну стрелять. Я был убеждён, что война продолжается, и если поисковики хотели продемонстрировать свои дружеские намерения, не было бы лучшего доказательства, чем снабдить меня оружием и боеприпасами.

Я держался настолько далеко от поисковиков, насколько мог...

Три месяца прошло со смерти Кодзуки. Исследование острова, по-видимому, было близко к завершению, поскольку теперь я лишь изредка встречал признаки "поисковой группы". Я всё еще ожидал, что появится секретный агент и установит контакт со мной. Возможно, нападение на Филиппины уже началось. Так или иначе, в ближайшем будущем должны были произойти какие-то существенные перемены.

Но ничего не случилось. По этому поводу я размышлял так – это случилось, возможно, потому, что Лубанг самостоятельно объявил о своей независимости и обратился за

защитой к Восточно-азиатской Лиге взаимного процветания. В конце концов, даже маленький остров Науру стал независимым. Если на Америку больше нельзя было рассчитывать, казалось разумным, что Лубанг стал независимым и подпал под защиту Лиги. Но если всё обстоит именно так, нет причин, почему не построить здесь японскую базу.

В конце концов, я решил, что лучше всего продолжить скрываться и подождать еще немного.

Во второй половине февраля снова послышались громкоговорители. Это была третья поисковая группа, и из листовок я узнал, что она включала учеников из начальной и средней школы, а также солдат, который учился со мной в Футамате...

...Я увидел на берегу жёлтую палатку с развевающимся японским флагом, и флагом Красного Креста чуть меньшего размера. Какие-то люди на местном судне кричали в громкоговорители, что они из начальной школы Кайнан.

Я стал размышлять, знают ли мои братья и эти друзья, что их использует японское стратегическое командование. Если они сознательно разыгрывали этот спектакль, то, должно быть, чувствовали себя не очень удобно. С другой стороны, если они обращали ко мне искренний призыв, не зная его истинного значения, мне было их очень жаль.

Двумя месяцами позже на острове снова стало тихо. Шесть месяцев прошло со смерти Кодзуки, и я думал, что разведка острова наверняка должна быть окончена. В конце апреля, проверяя, действительно ли поисковая группа покинула остров, я зашёл в свою хижину в горах. Там я нашёл семнадцатистиховое стихотворение, написанное моим отцом, оставленное в хижине специально для меня. В нём говорилось:

"Даже и от эха
Нет ответа на мой зов
В летних горах".

Я испытал странное чувство от того, что мой состарившийся отец был здесь, на Лубанге.

В хижине лежало множество газет и журналов, а еще – новая униформа поискового отряда в мешке, а еще – старая форма с вышитым на ней именем Итиро Годзэн. Итиро Годзэн учился вместе со мной в Средней школе Кайнан. Я осмотрел старую униформу и обнаружил, что она порвана в нескольких местах, а штанины подвёрнуты, чтобы укоротить брюки. Плечи были особенно изношены, и я сразу вспомнил, что Итиро Годзэн, занимавшийся дзюдо, имел плечи шире, чем у любого другого ученика нашей школы, так что я решил, что эту униформу действительно носил именно он.

Пользуясь шариковой ручкой, которую я реквизировал у островитянина, я написал следующее сообщение на обратной стороне листовки Красного Креста: "Спасибо вам за две униформы и шляпу, которые вы оставили для меня. В случае, если вы не уверены, позвольте сообщить, что я нахожусь в добром здравии. Хиро Онода, младший лейтенант Императорской армии Японии".

Естественно, я не поставил под запиской дату, но чтобы быть уверенным, что её не унесёт ветром прежде, чем её кто-нибудь найдёт, я прижал её небольшим камнем.

Я отошёл на некоторое расстояние от хижины, чтобы прочитать найденные газеты. Я узнал, что в Маниле для Кодзуки были организованы большие похороны. Этому событию было уделено достаточно места, как демонстрация японо-филиппинской дружбы. Я не смог сразу решить, было ли это лишь словами.

Я рассудил, что эти газеты, в отличие от тех, что были в 1959 году, на самом деле были произведены в Японии. Но меня озадачило то, что в них не было ни слова о войне между Восточно-азиатской Лигой взаимного процветания и США. Сопоставив это упущение с ошибкой в газете, забывшей упомянуть Кодзукин "браслет из тысячи стежков", я решил, что газеты были специально отпечатаны японским стратегическим командованием с целью распространения на Лубанге. По крайней мере, отправка большой

поисковой группы для исследования Лубанга означала для меня, что где-то идёт большое сражение, и американцы проигрывают. Иначе, я не мог понять, как стратегическое командование могло позволить уделять такое внимание этому маленькому острову. Если всё обстояло именно так, как я думал, стратегическое командование не хотело бы слать мне газеты, рассказывающие об этом, боясь, что я могу после прочтения хороших новостей выйти из джунглей. Таким образом, появление новостей из сфабрикованных газет было знаком мне продолжать прятаться. Конечно, американцам было известно о деятельности японцев на Лубанге, и было бы естественным держать резерв сил для сражения на Филиппинах, когда придут японцы.

В итоге, моё пребывание на Лубанге позволило японским стратегам предпринять ряд шагов, которые иначе были бы невозможны. Если бы в итоге моего нахождения здесь американцам пришлось бы держать некоторое количество самолётов в готовности против возможной атаки Японии на Филиппины, затея стоила бы отпечатывания нескольких фальшивых газет, чтобы не позволить мне проявиться. Чем дольше я буду оставаться на месте, чем больше будет "поисковая" операция – тем дороже это будет обходиться американцам в долгосрочной перспективе.

Я не был уверен на сто процентов в своей правоте. Тем не менее, всё это казалось мне достаточно разумным. Было вполне вероятно, что филиппинцы стали более прояпонскими, чем я думал, возможно даже, что Лубанг отделился от Филиппин и призвал Лигу на помощь. В газетах писали о больших похоронах Кодзуки, состоявшихся в Маниле, так что отношения между Филиппинами и Японией, возможно, действительно были лучше, чем я думал...

Я поклялся отомстить за смерть Кодзуки, но прибытие поисковых групп помешало мне предпринять что-либо. Теперь обе группы, наконец, отбыли. Но мысль о том, что Япония и Филиппины стали дружественными странами, беспокоила меня. В своём сердце я обращался к Кодзуке – "Я помню о тебе. Дай мне еще немного времени".

В результате, даже после того, как Онода остался один, он принял для себя решение продолжать скрываться на острове Лубанг и, по возможности, также, как и ранее, вести партизанскую войну.

***

В течение 30 лет пребывания на острове Лубанг, Онода и его товарищи в целом адаптировались к местным природным условиям, постоянно меняли место своей дислокации, собирали сведения о противнике и событиях в мире, а также осуществили многочисленные нападения на филиппинских военнослужащих и полицейских, стреляя в каждого, кто их обнаруживал в горах и джунглях, что случалось, как правило, несколько раз в год.

Соблюдая осторожность, каждые пять дней (разве, что за исключением сезона дождей, когда в течение долгих недель можно было оставаться на одном месте, не опасаясь, что кто-то из чужаков может выйти на место стоянки) Онода и его товарищи переходили на новую стоянку, за 4 месяца обходя весь гористый центр и юг острова размером 30 x 8 км, меняя маршрут, чтобы

запутать преследователей и не оставлять много следов. Для маскировки использовали листья и ветки, вставленные в пришитые к одежде кармашки.

«Вчетвером мы постоянно перемещались по острову. Враг мог атаковать в любой момент. Оставаться на одном месте было опасно.

В первый год мы спали вместе в нашей маленькой палатке, даже в дождливый сезон. Сезон дождей на Лубанге продолжался с июля до середины октября. Часто, когда дождь лил как из ведра целыми ночами, от сидения в палатке не было никакого проку. Мы всё равно промокали до костей. Кожа становилась белой и мы дрожали от холода, несмотря на то, что было лето, и порой мне хотелось кричать от досады.

Но как чудесно становилось, когда дождь прекращался! Мы, спотыкаясь друг о друга, вылезали из палатки и стояли, разминая каждый затёкший палец. Я помню, как мы радовались, видя звёзды сквозь тучи...

Как только американцы высадились на острове, островитяне перешли на их сторону. Они часто служили им проводниками, и нам приходилось прикладывать большие усилия, чтобы их избегать. Когда нас стало четверо, они решили что теперь можно приходить в горы за древесиной. С собой они носили ножи боло, а один из группы всегда имел ружьё.

Как только мы замечали местных, мы прятались. Если они замечали нас, мы стреляли, чтобы отпугнуть их, а затем как можно скорее переносили наш лагерь в новое место, поскольку знали, что они донесут о нас.

Как только мы чувствовали, что кто-то может быть поблизости, мы прятались в зарослях, но какими бы мы ни были осторожными, иногда они нас замечали. Когда такое случалось, нам не оставалось ничего иного как стрелять без колебаний и убежать. Такие встречи случались три или четыре раза за первый год...

Северная оконечность Лубанга была гладкой равниной, но на юге, за исключением трёх или четырёх песчаных пляжей были только крутые, размытые морем скалы.

Население острова составляло около двенадцати тысяч человек, большей частью – крестьяне, живущие в северной части. На юге жило всего несколько рыбаков. Из-за слабости Акацу мы сосредоточили свои передвижения в малонаселённых и потому безопасных горах на юге. У нас было несколько более-менее постоянных стоянок, которым мы дали имена вроде «две горы» и «пункт двух домов», но мы опасались останавливаться на какой-то из них слишком долго.

Постепенно мы наработали цепь стоянок, по которым двигались от пункта к пункту, нигде не оставаясь надолго. Цепь представляла собой грубый эллипс, проходящий по горам в центральной части острова...

Обычно мы оставались на одном месте от трёх до пяти дней. Идя быстро, мы совершали полный круг всего за месяц, хотя обычно это занимало около двух месяцев, так что за восемь месяцев сухого сезона мы делали около четырёх кругов.

Проводимое на одном месте время в значительной степени зависело от доступности пищи. Когда поблизости обнаруживалось больше еды, чем мы ожидали, и опасность обнаружения была невелика, мы продлевали стоянку.

Всё своё имущество мы носили с собой, поделив поровну. Передвигаясь, мы старались всегда иметь с собой еду на завтра, но иногда приходилось убежать и рассчитывать на то, что удастся найти на следующей стоянке. Средний груз, приходящийся на одного человека, составлял около двадцати килограммов...

В дождливый сезон ни поисковые отряды, ни островитяне не заходили в горы. Мы могли расслабиться и задерживаться на одном месте. Мы построили небольшой навес с крышей из пальмовых листьев. Иногда мы просиживали в нём целые дни. Если долго сидишь на одном месте, начинаешь узнавать звуки вокруг. Когда мы шли, малейший шум заставлял нас насторожиться, но сидя на одном месте долгое время, мы начинали распознавать тот

звук как треск сучьев на ветру, а этот как звук поднимающейся воды в долине под нами, и так далее. Мы научились опознавать птиц, которые жили только в определённых местах.

Когда мы так сидели, обычное напряжение отпускало нас, и мы беседовали о старых временах в Японии...».

Природно-климатические условия, существовавшие на острове Лубанг и, особенно, сезон дождей, случавшийся каждый год и продолжавшийся в течение нескольких месяцев, безусловно, оказывали основополагающее воздействие на жизнь Оноды и его товарищей. В сезон дождей, длившийся 2-3 месяца в году, крестьяне и др. обычно не заходили в горы и джунгли, тогда Онода с товарищами строили временную хижину в горном лесу, где могли относительно спокойно переждать этот сезон.

«Май – самый жаркий месяц на Лубанге. Днём термометр поднимался до 38 градусов, так что, даже находясь в тени, мы истекали потом. А если нужно было пройти полсотни шагов за дровами для костра, казалось, что находишься в парной.

В июне начинались ураганы, налетая внезапно почти каждый день. Потом в июле начинался настоящий сезон дождей. Иногда по два часа к ряду ливень бывал таким, что видеть можно было не дальше десяти метров. Такое продолжалось около двадцати дней, и иногда дождь сопровождался ветром почти ураганной силы.

В августе становилось всё больше и больше ясных дней, но воздух оставался горячим, как в бане. В сентябре ветра становилось меньше, но дождь лил как в июне. Так продолжалось еще дней двадцать. Потом начинались перерывы с ясными днём-двумя, еще на две или три недели и, наконец, к середине октября сезон дождей заканчивался.

С того момента и до следующего апреля был сухой сезон. Поначалу небольшие дожди проходили раз или два в месяц, а потом дождя не бывало несколько месяцев. Самыми холодными месяцами были январь и февраль, но даже тогда температура днём поднималась до 30 градусов или около того. В самое комфортное время года температура была примерно как в жаркое лето в Токио...

В сухой сезон мы подыскивали на острове место, в котором можно будет провести следующий сезон дождей. Это место должно было удовлетворять нескольким условиям.

В первую очередь, разумеется, место должно было быть вблизи от источника пищи. Это могла быть плантация бананов, или кокосовая роща, и еще лагерь должен быть поблизости от мест, где паслись коровы. В то же время, он должен был находиться в таком месте, куда не заходили островитяне.

Также, это должно быть место, огонь и дым из которого не должен был быть видимым из соседних деревень, и небольшой шум не должен быть слышимым. По возможности, место должно продуваться ветром. Предпочтительным местом была прохладная восточная сторона горы.

Найти подходящее по всем параметрам место было нелегко, и, когда мы его нашли, некоторое время мы присматривались к нему, прежде чем решили построить хижину и поселиться. Причина состояла в том, что сезон дождей очень непостоянен. В некоторые годы дождь лил весь май, в другие – июнь уже был в разгаре, а ни одной капли дождя еще не было. Если бы мы основали наш лагерь задолго до того, как начнутся дожди, была опасность, что местные нас обнаружат. Нам приходилось ждать, пока мы не были уверены, что они не будут больше ходить в горы.

Когда мы решали, что дожди уже начинаются, мы шли в выбранное для будущего лагеря место и проверяли, всё ли в порядке. Неподдалёку мы делали лагерь и ждали, когда начнутся дожди, чтобы начать строить хижину как можно быстрее. Мы называли хижину бахаи, слово в тагалоге означавшее «дом».

Первым этапом в строительстве бахаи было выбрать большое дерево, к которому можно было прикрепить всю конструкцию. Выбрав дерево, мы срезали с него ветви, которые шли на каркас. Стропила крепились по кругу к стволу дерева и покрывались листьями кокосовой пальмы. Их мы связывали вдоль по двое и продевали между полосками расщеплённого бамбука или пальмовыми листьями. В конце всё связывали лианами.

Мы строили бахаи на площадке с небольшим уклоном. Верхняя её часть служила «спальней». В качестве кроватей мы использовали сначала три прямые ветви, потом покрывали их бамбуковыми циновками, а на циновки стелили перину из утиного пуха, которые мы реквизировали у местных.

Нижняя часть бахаи служила кухней. Наша печь состояла из нескольких плоских камней, из которых был сложен очаг, и шесть над ним, на котором висел котелок. Рядом с очагом была защищенная зона, где мы могли хранить дрова и наши винтовки. Стены бахаи мы делали из пальмовых листьев таким же образом, как и крышу. Работая своими ножами боло, мы с Кодзукой могли построить хижину за семь-восемь часов.

Пока мы не начали строить в сезон дождей такие хижины, мы спали в палатках, но ветер часто задувал дождь внутрь, пока мы не оказывались промокшими насквозь и дрожащими от холода. Когда такое случалось, мы согревались, распевая армейские песни в полный голос. Это было безопасно, поскольку шум ветра и дождя заглушали любой производимый нами шум...

Бахаи было гораздо удобнее палатки, но к началу сухого сезона крыша сгнивала так сильно, что добрая часть дождя протекала внутрь.

В конце сезона дождей мы разбирали бахаи, и либо сжигали части, либо разбрасывали по лесу. Поскольку оставлять их лежать открыто было бы небезопасно, мы закрывали их землёй, ветками и упавшими деревьями. Сложенные кучей ветви обеспечивали достаточную маскировку, чтобы усыпить бдительность проходящих мимо местных жителей.

Пока был жив Симада, бывший сильным работником, мы строили хижину глубоко в джунглях. После его смерти мы обычно искали место ближе к опушке. Также мы упростили хижину, чтобы её можно было быстрее разобрать и спрятать. На самом деле, подходящих мест, удовлетворявших главному нашему условию – быть рядом с банановой плантацией, так что за тридцать лет на острове мы использовали эти несколько мест каждое по три-четыре раза.

В сухой сезон мы спали под навесом или на открытом месте. Когда мы спали под открытым небом, мы находили место с уклоном примерно в десять градусов, и спали с Кодзукой бок о бок. Чтобы не соскальзывать вниз по склону, мы подкладывали себе под ноги наши вещи или бревно. Наши винтовки всегда были рядом. Мы снимали обувь, но за все тридцать лет, я ни разу не снимал на ночь штаны. Я всегда держал на поясе маленький мешочек с пятью патронами.

В первое время, ночью мы укрывались тентом или одеждой. Потом стали использовать высушенные коровьи шкуры. Некоторое время у нас было нечто вроде лоскутного одеяла, сшитого из кусков резины, плававших в море у южного берега. Если ночью начинался дождь, мы просто мокли. Идти было некуда. Когда такое случалось, мы мёрзли...».

Находясь в сложных природно-климатических условиях, Онода и его товарищи были вынуждены приспособливаться, в т.ч. это касалось одежды,

которая, быстро изнашиваясь, приходила в негодность. Поэтому, приходилось почти постоянно ремонтировать различные предметы одежды, используя для этого имеющиеся под рукой материалы.

«Если бы армейскую форму делали из шёлка, жизнь казалась бы проще... А так, наша одежда постоянно прела. В сезон дождей на Лубанге ливни порой лили по несколько дней кряду. Наша форма, которую мы носили постоянно, портилась быстрее от прения, чем от износа или разрывов.

Штаны прели сначала на коленях и заду, потом – низ штанин и промежность, и так до конца, пока не оставалась только тыльная сторона штанин. Китель начинал гнить на локтях, затем на спине. Спереди ткань обычно сохранялась лучше, чем в остальных местах.

Чтобы латать дыры, нам нужно было сделать иглу. Я раздобыл где-то кусок проволочной сетки, и мы сумели распрямить кусок проволоки, заострить один конец и проделать ушко в другом. В качестве ниток мы использовали волокна похожего на коноплю растения, которое росло в диком виде в джунглях. Мы делали стежки вдоль, поперёк и наискосок дырок, иногда делая по два слоя, как стёганое одеяло.

Первые три или четыре года, когда нам были нужны заплатки, мы отрезали куски холста от краёв наших палаток, но это не могло продолжаться бесконечно. Потом мы стали "реквизировать" все, что нам было нужно у островитян при первой возможности.

Это не беспокоило нашу совесть. Для партизан нормально пытаться добыть оружие, боеприпасы, еду, одежду и другие припасы у противника. Поскольку островитяне пособничали вражеским оперативным группам искать нас, мы считали и их врагами.

В первые годы, одежда, которую носили жители, состояла из домотканого конопляного холста и хлопковых шорт до колен, и ни то, ни другое для нас не годилось. У местных была толстая кожа, и на открытой местности им не требовалось много одежды – в отличие от нас, которым приходилось всё время пробираться через чащу.

Особенно ценными "боевыми трофеями" для нас были вещи, которые, уходя, оставили американские солдаты. Островитяне тоже их оценили и держали в хижине и держали под охраной, но как-то нам удалось отогнать их ружейной стрельбой и удрать с добычей, в которой были флаги, палатки, ботинки, одеяла и т.п. Думаю, в 1951 или 1952 году мы впервые добыли заводскую хлопковую одежду.

Японские кепи с солнцезащитными наматыльниками сносились примерно за год. У меня было офицерское кепи из шерсти и шёлка, но даже оно износилось за три года. С тех пор я должен был сам делать себе головной убор...

Одежда, которая была на мне, когда вышел из джунглей, была в основном сшита после смерти Кодзуки. Передняя и задняя части моего кителя были сделаны из подкладки рабочей одежды местных жителей, а рукава – из моих штанов. Штаны в талии были маловаты для моих плеч, зато штанины были длиннее рук, так что лишнего материала хватило надставить плечи. Делая себе новые штаны, я всегда усиливал колени, используя остатки старых.

Нам часто приходилось переходить вброд ручьи, так что, чтобы не мочить каждый раз свою одежду, мы делали штанины лишь чуть ниже колен, вроде бриджей. Застёгивали штаны мы на молнии, которые попались нам среди других трофеев. Когда мы двигались, мы расстёгивали молнии для вентиляции, а застёгивали только на время сна.

Спали мы, разумеется, в одежде, так что если бы мы делали нагрудные карманы слишком высоко, они бы давили на грудь и мешали спать. Так что мы пришивали их ниже, чем они обычно пришиваются на рубашках. И на них тоже были молнии. Поскольку мы часто прятались под ветвями деревьев, которые тёрли нам плечи, мы также усиливали и плечи наших кителей.

Ботинки, бывшие на мне, когда я вышел к людям, были сделаны из ботиночной кожи от верха старых ботинок и резиновых подошв от кроссовок островитян. Я шил их толстой нейлоновой рыболовной леской. А поначалу я часто носил соломенные сандалии.

Около 1965 года синтетические ткани впервые появились на Лубанге и я с благодарностью "принял в дар" несколько предметов одежды из синтетики. Еще мы порадовались появлению виниловой плёнки, которой было удобно укрываться от дождя и оборачивать винтовки».

Еще более серьезная проблема, с которой постоянно сталкивались Онода и его товарищи – это питание. Первоначально, когда в наличии имелись запасы продовольствия, прежде всего, рис, эта проблема не являлась столь острой, какой она стала впоследствии.

«В начале у нас был трёхмесячный запас риса, который мы растягивали на как можно большее время. Порой мы ели так мало, что нам приходилось заставлять себя перемещаться с места на место. Когда кончился наш рис, мы пошли искать тот, что был спрятан для других возможно оставшихся на острове японских солдат. Вскоре и он закончился...

Когда островитяне ходили в горы работать, они приносили с собой сырой рис и готовили его по мере надобности, часто оставляя часть висеть в мешках на ветвях деревьев, чтобы использовать в следующий раз. Эти мешочки риса для нас были сущим подарком небес, но сопряжённым с некоторыми трудностями с их похищением. Нам нельзя было просто забрать найденный мешок, поскольку его исчезновение дало бы понять, что мы поблизости.

Как только мы находили такой рис, мы первым делом пытались выяснить, как долго он там находится. Поскольку островитяне готовили рис прямо на месте, поблизости всегда были следы костра. По пеплу можно было грубо оценить, как давно жгли костёр. Также мы исследовали щепки срубленных островитянами деревьев. Если лесорубы были здесь днём раньше, щепки были еще влажными, а вокруг обычно лежали зеленые листья. Если щепки были уже сухими, а листья пожухлыми, мы знали, что прошло больше времени.

Отпечатки ног были хорошими подсказками, часто мы могли замечать, например, что следы замыты прошедшим ночью дождём или ливнем, шедшим три дня назад, и были уверены, что лесорубы были здесь до этого. Раз они оставляли еду, значит, они собирались вернуться. Вопрос был в том, как скоро они вернутся. Каждый раз, забирая их рис нам нужно было перемещаться на новое место. Поскольку это требовало времени, даже если мы были полуголодными, нам приходилось решать, есть ли у нас достаточно времени, чтобы скрыться, прежде чем они вернутся...».

В дальнейшем, Онода и его товарищи питались преимущественно растительной пищей, собранной в джунглях и на крестьянских полях (бананы, кокосы). Кроме того, они ставили силки на крыс, кур, одичавших кошек. Основной же пищей были вареные бананы, которых в избытке было в джунглях острова Лубанг. В свою очередь, рис, соль, спички, консервы, одежду и другие припасы иногда воровали в домах местных крестьян и на стоянках лесорубов. Пищу готовили по ночам, чтобы дым от костра не заметили в деревне.

В сезон дождей Онода с товарищами ночью выходили к деревне и, во время сильного ливня, чтобы не было слышно выстрела, убивали пасущуюся корову местных жителей. Коровью тушу разделявали и на себе уносили в джунгли, мясо сушили на костре впрок, а жиром смазывали винтовки и патроны. В среднем они убивали 3 коровы в год на человека. После каждого нападения на крестьян или кражи их имущества, приходилось сразу же менять стоянку, т.к. полиция шла по их следам.

Патроны приходилось экономить, поэтому Онода и его товарищи практически не охотились и, если это случалось, то, только в том случае, когда они были уверены, что боеприпасы не будут потрачены впустую.

Единственное, с чем не было проблем у Оноды и его товарищей, - это питьевая вода, которой было в избытке на острове Лубанг.

«На Лубанге помимо коров, разводимых островитянами на мясо, жили дикие водяные буйволы, дикие свиньи, дикие куры и игуаны метровой длины. Добывая еду, мы в основном рассчитывали на коров местных жителей.

Наш запас патронов был ограничен, и мы должны были использовать его как можно эффективнее. Нашей целью было всегда убивать животное с одного выстрела. Две пули, истраченные на одну корову, означали, что в перспективе у нас будет на одну корову меньше.

Когда мы находили еду, мы сносили её в одно место для хранения, и я отмерял каждому его дневные порции...

Бананы составляли основу нашего рациона. Банановые плантации были там и тут по всему острову, но нам нужно было соблюдать осторожность и не рвать их слишком много. Планируя войну на истощение, я разработал долгосрочный план, рассчитав, сколько бананов мы можем собирать. Если бы я позволил событиям развиваться в том же направлении, возникала угроза срыва всего плана, и это уничтожило бы нас изнутри. Суть проблемы состояла в том, что мы все страдали от недоедания. Наконец, я решил сделать всё, что мог.

"С этого момента – объявил я, - мы будем хранить еду отдельно. Не прикасайтесь к чужой еде. Это абсолютно запрещено".

И без объяснений ясно, что в те дни еда была нашим единственным удовольствием. То, что мы ели, в значительной мере предопределяло наше самочувствие на весь последующий день. Было бы нечестно осуждать кого-либо слишком сурово за потакание своему аппетиту. Мы поклялись драться до конца, но время шло, и всё что мы могли делать – это не попадаться островитянам на глаза. Возможно, потому было совершенно естественным, что животные инстинкты всплыли на поверхность...

Нашей основной едой были бананы. Мы срезали гроздь прямо на черене, резали бананы вместе с кожурой на колечки толщиной чуть меньше сантиметра и тщательно промывали их в воде. Таким образом, зелёные бананы теряли большую часть горечи. Потом мы варили бананы и сушёное мясо в кокосовом молоке. Готовыми они напоминали переваренный сладкий картофель. Не очень вкусно, но ели мы в основном их.

Крысы, которые на Лубанге были длиной около двадцати сантиметров, не считая хвост, ели только мякоть бананов, но мы с Кодзукой не могли себе позволить выбрасывать шкурки...

Вторым по важности после бананов источником пищи были коровы, которых отпускали на вольный выпас. В 1945 году на острове было примерно две тысячи коров, но это число постепенно уменьшалось, пока, наконец, не стало трудно находить жирненькую. Даже так, трёх коров в год хватало, чтобы обеспечить мясом одного человека.

Когда мы не могли найти коров, мы охотились на водяных буйволов и лошадей. Хотя водяные буйволы больше коров и дают много мяса, на вкус оно не очень приятно. А конина, хоть и нежна, имеет сильный запах и не так вкусна, как говядина.

Легче всего находить коров в сезон дождей. Когда жители Лубанга убирали свой рис, они оставляли двадцать-тридцать сантиметров стеблей для коров. Когда стебли заканчивались, коров отпускали пастись к подножиям гор на траве, которая лучше всего росла в сезон дождей. Постепенно коровы забредали в лес всё глубже и глубже, как будто говоря "Вот и мы. Подстрели нас".

Обычно они паслись стадами примерно по пятьдесят голов. Мы выбирали одну и стреляли с расстояния около восьмидесяти метров, целясь таким образом, чтобы пуля входила пониже хребта прямо в сердце. Самым удобным временем был вечер, когда жители возвращались домой с полей. Было уже почти темно, и если шёл дождь, он приглушал звук выстрела, так что крестьяне его не слышали.

Если мы попадали в корову, остальные убегали прочь, напуганные выстрелом. Обычно, когда мы приближались, раненая корова была еще достаточно живой, чтобы шевелить ногами. Тогда мы брали камень, и били со всей силы корову по лбу. Потом добивали ударом штыка в сердце. Затем оттаскивали её за ноги в неприметное место под деревьями, перерезали аорту, чтобы спустить кровь.

Обычно корова падала на бок, так что первым делом при разделывании мы отрезали переднюю и заднюю ноги на верхней стороне. Потом мы распарывали живот и сдирали шкуру до хребта. Отрезав большие куски мяса, мы переворачивали животное на другую сторону и повторяли операцию. В конце доставали сердце, печень, "сладкое мясо" и другие внутренности и складывали в мешок. Нам двоим требовалось около часа на разделывание одной коровы.

Если бы мы оставляли остатки, как они были, дожди и вороны быстро превратили бы их в скелет, но эти останки могли бы подсказать противнику наше расположение. Так что, разделав корову, мы оттаскивали тушу как можно дальше в горы. Разумеется, делали это мы ночью. Это было по-настоящему тяжёлой работой, потому что нам надо было тащить на себе еще и всё мясо.

Первые три дня мы ели свежее мясо жареным или варёным, два раза в день. Вероятно, из-за того, что мясо очень калорийно, когда я ел, моя температура повышалась так, что я чувствовал жар до самых пяток. Становилось трудно дышать на ходу, и невозможно залезть на дерево. Голова начинала немного кружиться.

Я заметил, что если пить вместо гарнира кокосовое молоко, температура возвращалась к норме быстрее.

На четвёртый день мы набивали полный котёл мяса и варили. Потом мы разогревали котёл каждые полтора-два дня, чтобы не дать ему протухнуть, и вкус держался еще неделю или десять дней. Пока мы ели варёное мясо, мы сушили остальное на будущее. Мы называли это сушеное мясо "копчёная говядина".

Чтобы сделать копчёную говядину, сначала мы делали большую рамку размером примерно со стол. Потом мы нанизывали мясо на длинные палочки, клали эти вертела на рамку и разводили под ней огонь. Мы делали это ночью и в глубине джунглей, так, чтобы островитяне не увидели огня или дыма. В первую ночь, мы поддерживали огонь всю ночь,

чтобы внешняя часть мяса немного подсохла, но само оно не ссыхалось. Затем, мы постепенно увеличивали огонь и готовили мясо примерно по два часа каждую ночь. За это время они хорошо просушивались. Печень и другие внутренности мы варили, а потом сушили.

Из одной коровы у нас получалось примерно 250 ломтей копчёной говядины. Если мы ели по одному ломтю в день, этого мяса нам хватало примерно на четыре месяца. Нам, однако, не всегда удавалось протянуть так долго, поскольку, когда нам приходилось много переходить с места на место, скрываясь от поисковых групп, мы позволяли себе есть по два ломтя в день.

Мы не ели много риса, поскольку его хранение доставляло нам много хлопот. В октябре и ноябре, однако, когда островитяне собирали свой урожай риса, мы обычно реквизировали у них его часть. Обмолотив его, мы просеивали его, разделяя на шелуху, нешелушённый рис и полунешелушённый рис. На Лубанге рос и клейкий, и рассыпчатый рис. Рассыпчатый рис сильно варьируется качеством. Мы делили рис на четыре категории, которые называли "рис", "ячменный рис", "просяной рис" и "кормовой рис". Кормовой рис был чёрным, а его зёрна были такими мелкими, что его трудно было принять за рис. Готовя рис, мы готовили суп из сушёного мяса, листьев папайи, баклажанами или бататом, с щепоткой соли и молотым перцем. Иногда мы готовили кашу-размазню из риса и сушёного мяса.

Мы называли соль "волшебным снадобьем". Когда нас было четверо, в год у нас уходило около двух килограммов в год. Время от времени кто-нибудь, кто был дежурным поваром, говорил "Сегодня холодно, так что я добавлю немного волшебного снадобья". И добавлял совсем маленькую щепотку. Но даже это заметно улучшало вкус.

Поначалу у нас была только солончаковая соль, которую мы находили на южном берегу. Позже, когда мы остались вдвоём с Кодзукой, мы стали вести себя более агрессивно и стали вторгались на соляные поля местных жителей в Лооке и Тилике, но никогда не брали больше, чем нам требовалось на ближайшее будущее. В 1959 году мы раздобыли кофе и разные консервы из домов жителей. Мы называли наши потайные рейды с целью захвата ценностей "выходами в свет".

За тридцать лет на Лубанге единственной вещью, которой у меня всегда было множество, была вода. Ручьи на острове были почти все так чисты, что можно было видеть дно. Единственной проблемой было то, что коровы и лошади могут пастись выше по течению и облеγχаться в воду. Поэтому мы всегда кипятили воду, прежде чем пить, даже если она выглядела совершенно нормально».

В целом, Онода и его товарищи смогли в достаточной мере удовлетворять свои потребности в пище, по-крайней мере, проблема голода не являлась для них острой. Продовольственный вопрос решался в т.ч. и посредством «реквизиций» у населения острова Лубанг. Тагалог, на котором говорили местные жители, Онода не знал, но изъяснялся с крестьянами на ломаном английском, когда требовал у них еду и припасы.

«Худшими для нас были первые годы, пока мы не только боялись совершать открытые рейды, но и присутствие Акацу нас ослабляло. Когда Акацу ушёл, оставшиеся трое приняли более агрессивную тактику, включавшую, помимо прочего, реквизировать больше припасов у жителей

острова. А жители, в свою очередь, наслаждались растущим уровнем жизни, что означало для нас не только появления у них большего количества ценных вещей, которых стоило красть, но и большее количество вещей, оставляемых в лесу и других достаточно легкодоступных местах. Таким образом, наш уровень жизни рос вместе с уровнем жизни местных. Смерть Симады лишившая нас друга и ценного работника, если в некоторой мере и облегчила проблему обеспечения нас припасами, то только в той мере, в какой одна корова прокормит двоих дольше, чем троих. Жизнь в джунглях никогда не была лёгкой, но в том, что касается еды, одежды и прочих принадлежностей, нам было гораздо легче в поздние годы, чем в первые пять или десять», - писал впоследствии Онода.

Постоянно находясь во враждебной атмосфере, опасаясь того, что неожиданно будет совершено нападение, Онода и его товарищи научились слушать тревожные голоса лесных птиц, а также малейшие шорохи, которые заранее предупреждали их о «чужаках» в горах и джунглях острова Лубанг, после чего они бесшумно уходили из подозрительного места.

При этом, за 30 лет пребывания на острове Лубанг, Онода, как он сам указывает в своих воспоминаниях, ни разу не спал спокойно всю ночь. Постоянно досаждали муравьи, комары, пчелы, осы, многоножки, скорпионы, змеи, ядовитые колючки, тропическая жара и постоянная влажность.

Тем не менее, Онода всегда старался соблюдать гигиену и следить, насколько это было возможным, за своим здоровьем. Так, ежедневно волокнами пальмы он чистил зубы и мыл лицо. Пил только кипячённую воду, старался есть как можно меньше. За все время, пока он находился на острове Лубанг, тяжело болел лихорадкой всего дважды.

«В отсутствие докторов и лекарств нам приходилось очень внимательно следить за состоянием своего здоровья. Мы следили за колебаниями своего веса, измеряя обхват запястьев. Также, мы изучали свои экскременты на предмет признаков внутренних заболеваний...

К счастью, на Лубанге не было малярии. За свои тридцать лет на острове я лежал в постели с лихорадкой всего дважды».

Большое значение Онода и его товарищи придавали чистоте своей одежды и, пользовались каждым удобным случаем, чтобы постирать ее отдельные элементы.

«Когда я мылся, обычно я заодно стирал нижнее бельё и гимнастёрку. Я клал в котелок золу и заливал водой. Когда муть оседала, я переливал воду в другой котелок и стирал в ней одежду. Мы внимательно следили, чтобы вывешенная на просушку одежда висела в неприметном месте.

На острове было несколько чистых речек, но за все тридцать лет я мылся целиком только в тех случаях, когда после разделывания коровы мы все были в крови и слизи. В горах не бывает так, чтобы в долине была только река и ничего больше. Долины означают дороги. За исключением самых узких ущелий глубоко в горах, мы боялись раздеваться догола, даже ночью. Днём мы мыли верхнюю половину тела, поливая друг друга водой. Вечером каждый мыл нижнюю часть тела перед заходом солнца. Я бы никогда не делал чего-либо столь же опасного, как раздеваться полностью...

В последний день каждого года, мы шли на реку и стирали всю нашу одежду. Как и все японцы, мы придавали большое значение празднованию Нового года, и по крайней мере в это время года мне хотелось ходить в свежей, чистой одежде. Эта ежегодная новогодняя стирка была крупным событием моего личного календаря».

Наряду с этим, Онода и его товарищи старались следить за своим оружием, чистили и смазывали его пальмовым маслом. В результате, в течение всего периода нахождения Оноды на острове Лубанг винтовки оставались в боевом состоянии. Тщательного ухода требовали и боеприпасы, которые необходимо было хранить в сухом месте.

«Мы заботились о нашем оружии и боеприпасах так же хорошо, как о самих себе. Мы смазывали винтовки пальмовым маслом, чтобы уберечь от ржавчины, и тщательно чистили при каждом удобном случае.

В холодную погоду пальмовое масло застывало. Тогда мы просто чистили винтовки и оставляли смазку на потом. Когда они промокали, их нужно было полностью разбирать и чистить деталь за деталью. Если времени на это не было, мы смазывали их снаружи, и оставляли полную чистку до лучшего момента. От постоянного воздействия воды приклады начинали гнить, так что иногда мы вынимали патроны из винтовок и вешали их над костром для просушки.

Со временем ложки, приклады и ляжки впитали так много пальмового масла, что крысы стали привлекать крыс, особенно ляжки, так что когда мы останавливались в местах, где было много крыс, нам приходилось вешать винтовки подальше от лиан.

Еще больше неприятностей, чем крысы, доставляли муравьи. Не будет большим преувеличением сказать, что вся горная часть лубанга представляла собой один огромный муравейник. Там жило огромное количество их разновидностей. Некоторые из них любили сырые места, другие отлично чувствовали себя только там, где земля была практически прожарена. Некоторые делали гнёзда из листьев. Но больше всего неприятностей доставляла нам разновидность муравьёв, которые носили кусочки грязи. Эта разновидность, наиболее многочисленная из всех, всё время заползала внутрь наших винтовок и оставляла там свою грязь. Мне было достаточно ненадолго поставить винтовку на мой рюкзак, как тут же поток муравьёв устремлялся к прикладу, и часть из них заползала в ствол и оставляла кусочки грязи в движущихся деталях. Совсем небольшого загрязнения достаточно, чтобы ружьё заело. Когда появлялись муравьи, мы вешали наши ружья на ветки деревьев. Обычно было достаточно ветрено, чтобы не позволять муравьям залезать высоко на деревья...

У каждого оружия есть свои причуды. Поначалу "тип 99", которую я использовал тридцать лет, была на тридцать сантиметров правее и ниже почки прицеливания на расстоянии в триста метров. Потом я сумел настроить прицел так, чтобы он стал более точным, но я так и не смог сократить ошибку менее чем до семи-восьми сантиметров.

Приклад этой винтовки был примерно на три сантиметра короче обычного, так как в какой-то момент я снял металлическую пластину с приклада и отпилил часть сгнившего дерева. Заменяв пластину и вкрутив новые винты, я с радостью обнаружил, что винтовка теперь лучше подходит к моему росту, чем раньше...

Наши подсумки для боеприпасов были сделаны из пары резиновых кроссовок. Сначала мы клали патроны в тканевые мешочки, перевязанные бечёвкой. У каждого из нас было по два мешочка в подсумке, в одном – двадцать патронов, в другом – тридцать патронов. Верх подсумка загибался набок и застёгивался на крючок, как чехол для фотоаппарата, чтобы сохранять содержимое в сухости...

Мы очень берегли оставшиеся боеприпасы. Мы прятали их в расщелинах скал, и закрывали камнями. Мы проверяли тайники ежегодно в одно и в то же время перекладывали патроны в новые емкости. Мы маркировали точно рабочие патроны кружком и вероятно рабочие – треугольником. Из слишком ржавых патронов мы доставали порох и использовали его для разведения костров. Его можно было поджечь линзами, которые мы реквизировали.

В качестве емкостей для хранения боеприпасов мы использовали бутылки из под виски и других напитков, брошенные островитянами. Мы использовали резину от старого противогАЗа для закупоривания бутылок. Опасаясь, что крысы могут съесть резину, мы к тому же закрывали горлышки бутылок металлическими колпачками, сделанными из жестяных банок.

Мы старались уложить камни, закрывающие наши тайники, таким образом, чтобы они выглядели как можно естественнее, иногда настолько успешно, что сами с трудом могли их найти. За год на камнях могли вырасти лианы, а иногда сверху падали деревья, почти полностью закрывая тайник. Если бы не ежегодные проверки, существовала реальная опасность не найти их вновь».

Стремясь хотя бы минимально разнообразить свою однообразную жизнь на острове Лубанг, к тому же, сопряженную с опасностями, с которыми постоянно сталкивались Онода и его товарищи, они занимали себя разговорами о жизни в Японии, а также отмечали праздники – Новый год и дни рождения.

«В канун Нового года мы делали свой вариант "красного риса", т.е. риса, приготовленного с красной чечевицей. Это блюдо в Японии подают по праздникам. У нас не было красной чечевицы, но на Лубанге росла какая-то разновидность фасоли, и мы использовали её. В Новый год мы также делали особый суп из мяса и листьев папайи, приправленный лимоном. Мы хотели заменить таким образом суп "озони" из мяса и овощей, который в Японии всегда подают в Новый год.

Утром в первый день Нового года мы делали поклон в направлении дворца Императора, который, как мы считали, был от нас между севером и северо-востоком. Потом мы формально желали друг другу хорошего Нового года, обновляли клятву быть хорошими солдатами, и приступали к своему пиру из "красного риса" и озони.

Ещё мы отмечали наши дни рождения, и я помню один или два празднования, которые я отмечал, даря себе свежесшитые кепи».

Находясь на острове Лубанг, Онода никогда не забывал о своей миссии, которая заключалась в организации партизанской войны. Однако, действия, которые предпринимал Онода и его товарищи, главным образом, сводились к диверсиям, в т.ч. в отношении мирных жителей, проживающих на острове Лубанг.

«Чтобы расчистить путь всё ещё ожидаемому японскому десанту, мы вели партизанские действия, направленные на расширение подконтрольной нам территории и предотвращение проникновения врага в наши владения.

Мы устраивали, как мы из называли, "рейды сигнальных огней". Мы ходили по разным местам в начале сухого сезона и поджигали скирды сжато риса, которые складывали островитяне на своих полях у подножия горы.

Сезон уборки риса наступал в начале октября, примерно тогда, когда мы разбирали своё убежище для дождливого сезона и перемещались выше в горы. С полпути нам было видно, как жители жнут и вяжут рис в снопы. Чтобы защитить рис от влаги, они стелили толстую соломенную подстилку на землю и складывали на нее необмолоченный рис. Мы дожидались сумерек, скрытно приближались и делали один-два выстрела в воздух, чтобы напугать жителей. Это почти всегда срабатывало, и, когда они сбегали, мы поджигали рис – кидали в скирды горящую промасленную ветошь. Мы считали эти свои огни сигналами, которые покажут нашим войскам, которые могли оказаться в пределах видимости от Лубанга, что "эскадрон Онода" жив и в строю.

Крайне необходимые в таких операциях спички было не так легко раздобыть. Их, конечно же, приходилось реквизировать, а потом – не тратить впустую. Всякий раз, когда нам удавалось раздобыть спичек, мы сперва тщательно их сушили, а затем плотно набивали в бутылку. В принципе, мы использовали их только в наших сигнальных рейдах, в обычных ситуациях обходясь другими способами добывания огня, например, трением друг об друга двух бамбуковых палочек или зажигая линзой немного пороха из негодных боеприпасов.

Островитяне, конечно, сообщали о наших рейдах расположенным на острове силам национальной полиции, и полиция приезжала. У нас было совсем немного времени, чтобы зажечь наши огни, похватать брошенные жителями припасы и бежать обратно в джунгли.

Мы полагали, что местная полиция сообщит о наших рейдах американцам, а японские разведывательные силы перехватят сообщение.

Из-за наших рейдов, как мы думали, американцам будет трудно игнорировать Лубанг, и в то же время даст понять своим, что ситуация на острове под контролем. Это, мы полагали, даст им возможность сражаться, где бы они ни сражались, не беспокоясь о нас. Рейды также должны были дать понять местным жителям, что для них опасно уходить из своих деревень на работы в предгорья.

В горах Кодзука иногда кричал в сторону деревни: "Не думайте, что вы в безопасности потому что нас всего двое! Один лишний шаг, и у вас будут неприятности!". Никто его, полагаю, не слышал, но это очевидным образом поднимало наш дух.

На самом деле, устраивать поджоги риса в одних и тех же местах несколько лет подряд увеличивало вероятность того, что местные жители отследят наши перемещения и устроят нам засаду. Поэтому мы время от времени немного меняли тактику, перенося рейды на месяц в одни годы, или на пять месяцев там, где урожаем собирали дважды в год. Мы пытались заставить их угадывать, где мы появимся в очередной раз. Если бы нам

удалось внушить жителям страх, что мы можем появляться почти в любом месте и в любое время, это само по себе наполовину решило бы нашу задачу».

Наряду с этим, Онода и его товарищи осуществляли сбор информации, в т.ч. пытаясь получить необходимые сведения у местных жителей острова Лубанг.

«Мы решили добывать информацию непосредственно у островитян. Ходить туда, где много народа – опасно, но на острове было множество укромных уголков, где мы могли взять в плен одинокого крестьянина, идущего на работы или возвращающегося домой с полей.

Мы наметили одинокую хижину рядом с солончаком в Лооке. Место было недалеко от границы джунглей, и в случае непредвиденных осложнений можно было легко сбежать.

Выйдя из джунглей на солончак, мы шли к хижине, пригнувшись и внимательно оглядываясь вокруг. Мы заглянули внутрь. Внутри не было ни людей, ни припасов. Внезапно Кодзука, у которого был очень острый слух, прошептал: "Кто-то идет!"

Он указал в сторону океана, и, взглядевшись, я увидел мужчину примерно сорока лет, медленно идущего к нам через высокую траву. Мы бесшумно ждали за хижинной, винтовки наготове. Когда он оказался в трех метрах, я выпрыгнул прямо перед ним с винтовкой, направленной прямо ему в грудь. Он вскрикнул от удивления, и поднял руки.

Кодзука по-английски приказал ему сесть, и он начал быстро говорить что-то на тагалоге, который мы не понимали. Я жестом приказал ему заткнуться, и он подчинился. Держа его на мушке, мы провели его в дом. К нашему облегчению, он не делал попыток сопротивляться.

Я спросил его, зачем он пришел сюда, и он ответил на смеси английского и тагалога и множества жестов: "Я оставил собаку стеречь моих коров. Я вернулся чтобы забрать собаку. Я не шпион янки. Не убивайте меня".

Не имея желания оставаться в хижине надолго, мы взяли его с собой в горы, и подробно расспросили о ситуации на острове. Он рассказал нам всё, что знал, от цен на сигареты до средней поденной оплаты. Весь допрос он трясся от страха. Когда мы решили, что выяснили всё, что нужно, мы приказали ему идти домой спать. Его лицо просияло».

По имеющимся данным, со своими подчинёнными Онода совершил более 100 вооруженных нападений на радарную базу филиппинских ВВС, построенную в 1959 г. в гористой местности острова Лубанг, а также на филиппинских чиновников, военнотружущих, полицейских и крестьян. В ходе этих диверсионных действий группой Оноды были убиты 30 и ранены более 100 военных и гражданских лиц. Что же касается убийств и ранений американских офицеров и солдат, то таких случаев американской стороной зафиксировано не было, а большинство убитых и раненых составляли местные жители, которые передвигались по острову Лубанг без оружия. Позднее это переросло в проблему между Японией и Филиппинами по вопросу о компенсации.

Множество раз филиппинская полиция и армия устраивали облавы на Оноду и его отряд и даже находили его временные укрытия в горах и джунглях острова Лубанг, но всякий раз военнослужащие Императорской армии Японии уходили от погони. Однажды Онода был легко ранен местными полицейскими, которые, благодаря помощи крестьян, устроили засаду на его обратном пути после вылазки в деревню.

***

Тяжелее всего для Оноды дались последние 2 года, когда он остался один, без помощи своих товарищей. Уже сказывался и возраст, и тяжёлые условия непрерывного выживания в горах и джунглях острова Лубанг.

«Наступил сезон дождей...

Сразу же после смерти Кодзуки, я думал, что жизнь в одиночку не будет большой разницы, но как только я встал на одном месте, я остро почувствовал разницу. Когда нас было двое, Кодзука мог ходить за водой, пока я готовил. Теперь я должен был делать сам и то, и другое. И, отправляясь за водой, я должен был брать винтовку с собой даже в сезон дождей.

Занятно, но мне было не так одиноко, как я думал, должно было быть. Я просто не чувствовал сильной тяги к разговорам. Кодзука никогда не был разговорчив, и я сам не из тех, кто берет инициативу в беседе.

Пока я был в хижине, я латал свою одежду, чинил утварь и ждал, пока закончится дождь. Когда мне нечего было делать, я рассуждал о том, как далеко стоит заходить с идеей японо-филиппинской дружбы. В текущий момент я предполагал избегать обострения отношений с островитянами, но временами считал, что это было ошибкой. Прямо перед началом сезона дождей я заметил знаки того, что островитяне начали забредать в места, которые я считал своей территорией.

Если я продолжу скрываться после сезона дождей, они могут подумать, что у меня сдали нервы, и это ободрит тех из них, кто симпатизировал врагу. Чтобы это не случилось, не должен ли я продолжать сопротивляться?

Я вёл агрессивную кампанию против островитян очень долго, потому что считал это своим долгом как партизана. Насколько я мог судить, война продолжалась, а филиппинцы, как и американцы, были врагом. Как мне можно было сидеть и быть спокойным, когда вокруг меня везде были враги?

Действительно ли филиппинцы теперь дружественны? Если да, тогда островитяне Лубанга должны быть друзьями. А раз островитяне теперь наши союзники, мне нужно было изменить своё отношение и образ поведения.

Вопрос, заводивший меня в тупик, заключался в следующем: что мне следовало делать со всем этим. Есть поговорка, что вчерашний враг – это сегодняшний друг, но разве моего лучшего друга не убили на моих глазах всего шесть месяцев назад? Если японцы и филиппинцы теперь дружат, зачем было нужно убивать Кодзуку?

Впервые после прибытия на остров, я чувствовал, что подошёл к поворотной точке. Еще и еще я сидел, глядя в одну точку, и обдумывая всё это снова и снова. А размышляя, я теребил свою бороду – бороду, которую я стал отращивать, когда поклялся отомстить за Кодзуку.

Наконец, сезон дождей закончился, и приближалась первая годовщина смерти Кодзуки. Обычно мы начинали наши сигнальные рейды примерно в это время, но в этом году

я решил ими не заниматься. Я хотел избежать лишних проблем с островитянами. В любом случае, японское стратегическое командование уже знало, что я здесь и в добром здравии. Но в-главных, я боялся, что если буду бродить вблизи от местных, моя жажда мести может одержать верх надо мной. Я твердил себе, что до тех пор, пока я не буду уверен относительно нынешних отношений между Филиппинами и Японией, мне следует избегать любых контактов с островитянами. В годовщину убийства Кодзуки, я стоял в одиночестве в глубине джунглей и молился о его вечном блаженстве. Я хотел пойти и сделать большой поклон перед тем большим надгробным камнем, но если бы я это сделал, я бы не смог не увидеть островитян, собирающих свой рис, как они делали год назад. Я бы лучше пошёл в другой день.

В конце ноября я навестил горную хижину впервые за долгий срок. Там не было новой информации от стратегического командования, хотя я думал, что сейчас как раз самое время для секретного сообщения...

Позже я решил, что стратегическое командование не распространяло информацию обо мне среди широкой публики. Как раньше они скрывали информацию о повязке Кодзуки, теперь они не сообщали открыто о моей записке. Война продолжалась. Не оставалось ничего, кроме как ждать новых сообщений».

Наступил новый год, и в двадцать девятый раз я отпраздновал Новый Год на Лубанге».

В начале 1974 г. молодой японский путешественник, исключенный из университета студент Норио Судзуки, побывавший к тому менту в 50 странах мира, решил предпринять путешествие в страны Юго-Восточной Азии в т.ч. на Филиппины. Уезжая из Японии, Норио Судзуки сказал друзьям, что отправляется искать Лейтенанта Оноду, панду и Ужасного Снежного Человека, именно в таком порядке. 16 февраля 1974 г. Норио Судзуки оказался на острове Лубанг.

20 февраля 1974 г. состоялась встреча Судзуки с Онодой на острове Лубанг, которая не оказалась случайной. Онода наблюдал за ним из зарослей и, убедившись, что тот один и безоружен, решил напасть и вышел на него с винтовкой, поскольку студент случайно поставил палатку неподалёку от его тайника с продуктами. К удивлению Оноды, Судзуки не пытался убежать, как делали все островитяне, а заговорил с ним по-японски. В ходе разговора Судзуки пытался склонить Оноду к возвращению на родину, рассказывая о конце Второй мировой войны, поражении Японской империи и современном процветании Японии. Однако, Онода отказался, объясняя, что не может покинуть место службы, потому что не имеет разрешения на это от своего старшего офицера.

«16 февраля 1974 года я подошел к склону, с которого можно было смотреть вниз на мыс. Кроме японского флага, поднятого поисковой группой в прошлом году, я увидел еще один, более новый японский флаг.

"Наверное, они снова пришли, - проворчал я. – Ну, пусть идут!"

Потом я увидел кого-то в тени дерева. Я не мог сказать, был ли это островитянин, полицейский или член японской поисковой группы.

Почти одновременно я услышал голоса поблизости. Около десяти островитян, которые рубили деревья в горах, бежали вниз по склону. Я был уверен, что они заметили меня. Я перешел реку и спрятался на противоположном склоне. Некоторое время я оставался там, затаив дыхание; потом я выглянул. В поле зрения никого не было, поэтому я решил переместиться на место над банановой рощей, откуда я мог видеть, что кто-то приближается к мысу Вакаяма. Двое мужчин с оружием пришли и ушли, но больше ничего не произошло, что вызвало бы тревогу.

Я оставался на одном месте три дня, а потом моя еда кончилась. Вывернув кепи и куртку наизнанку, я покрыл их камуфляжем из веток и листьев. Я собирался подойти поближе к точке и подобрать нанка.

Когда солнце начало садиться, я молча подкрался к роще нанка. Когда я был почти там, я заметил что-то большое и белое рядом с рекой. Прищурившись, я понял, что это москитная сетка. Она казалась достаточно большим для двоих, и я был уверен, что наткнулся на пару полицейских, разбивающих лагерь.

Это было больше, чем я мог вынести. Они расположились лагерем на моей территории, между мной и необходимой мне едой, и я решил напасть на них. Это должна была быть внезапная атака, но если бы я убил одного из них в начале, остальные вступили бы в рукопашный бой, в котором, я был уверен, что выиграю. Я снял предохранитель с винтовки.

Пройдя вперед шагов пять-шесть, я увидел человека, стоявшего спиной к реке. Он разводил костер, очевидно, чтобы приготовить ужин. Убедившись, что оружия поблизости нет, я позвал его.

Он встал и обернулся. Его глаза были круглыми, и он был одет в футболку, темно-синие брюки и резиновые сандалии. Он повернулся ко мне и отдал честь. Затем он снова отдал честь. Его руки дрожали, и я готов поклясться, что колени тоже.

Островитяне почти всегда бежали, как только я откликался им, но этот человек стоял на своем месте. Правда, его трясло, но он также отдавал честь. У меня мелькнуло в голове, что он может быть сыном солдата Императорской армии Японии.

Он открыл рот и пробормотал: "Я японец. Я японец".

Он сказал это еще два или три раза высоким голосом. Моей первой мыслью было, что он филиппинец, говорящий по-японски, и что полиция использует его как наживку. Я быстро огляделся, чтобы увидеть, не попал ли я в ловушку. Где-то должен быть еще один.

Держа свою винтовку наготове, я спросил: "Вы прибыли как представитель от японского правительства? "

"Нет".

"Вы из Молодежного общества заграничного сотрудничества? "

"Нет".

"Ну, кто ты? "

"Я всего лишь турист".

Турист? Что он мог этим сказать? Зачем туристу приезжать на этот остров? В этом персонаже было что-то подозрительное, и я был почти уверен, что его подослал враг.

Он спросил: "Вы Онода-сан? "

"Да, я Онода".

"Правда, лейтенант Онода? "

Я кивнул, и он продолжил: "Я знаю, что у вас было долгое, трудное время. Война окончена. Вы не вернетесь со мной в Японию? "

Использование им вежливых японских выражений убедило меня, что он, должно быть, вырос в Японии, но он слишком торопил события. Думал ли он, что может просто заявить, что война окончена и я сбегу с ним обратно в Японию? После всех этих лет это меня разозлило.

"Нет, я не вернусь! Для меня война не закончилась!".

"Почему?".

"Вы бы не поняли. Если вы хотите, чтобы я вернулся в Японию, привезите мне соответствующий приказ. Это должны быть надлежащие приказы!".

"Что вы планируете делать? Умереть здесь? "

"Я сделаю это, если у меня не будет противоположного приказа".

Я сказал это грубо и прямо ему в лицо. Это была моя первая встреча с Норио Судзуки.

Если бы на нем не было носков, я мог бы его застрелить. По крайней мере, я бы не позволил ему сфотографировать меня. Но на нем были эти толстые шерстяные носки, хотя на нем были резиновые сандалии. Островитяне никогда бы не сделали ничего столь неуместного. Те, кто мог позволить себе носить носки, тоже были в обуви. Я пришел к выводу, что молодой человек действительно должен быть японцем.

Он предложил мне сигарету Marlboro, и я взял ее. Это была моя первая иностранная сигарета за долгое время. Тем не менее, я оставался подозрительным.

Когда он сказал, что хотел бы поговорить, я ответил: "В таком случае, пойдём куда-нибудь еще. Мне опасно долго стоять вот так на открытом воздухе. Иди в ту группу деревьев".

"Подожди", - сказал он.

Он полез в свой рюкзак и вытащил книгу, которую дал мне. Я положил ее в большой карман брюк.

"Я пойду первым", - сказал я или, вернее, скомандовал.

Дело было не только в том, что я не хотел стоять здесь достаточно долго, пока враг не окружил меня. В любую минуту мимо мог пройти островитянин, идущий вверх по реке ловить рыбу. Молодой человек торопливо схватил камеру и вспышку, затем протянул руку, чтобы поднять нож боло, но передумал и остановился на полпути.

Мы пересекли рисовое поле и начали подниматься по склону на север. Пока мы поднимались, молодой человек сказал: "Если я скажу в посольстве, что встречался с вами, они мне не поверят. Вы позволите мне сделать фото в доказательство?"...

Мы прошли метров пятьдесят и сели. Было уже темно.

Молодой человек сказал: "Онода-сан, император и народ Японии беспокоятся о вас".

"Вы принесли мне какие-нибудь заказы? "

"Нет".

"В таком случае им придется продолжать беспокоиться".

Он начал рассказывать мне, как Япония проиграла войну и много лет жила в мире. То, что он сказал, полностью соответствовало тому, что я долгое время считал вражеской пропагандой, и совершенно отличалось от того, как я оценивал ситуацию сам. Если бы то, что он говорил, было правдой, мне пришлось бы изменить свое мышление. Эта мысль расстроила меня, и я промолчал.

Прервавшись, он сказал: "Позвольте мне сделать снимок".

Я согласился. Это была авантюра с моей стороны. Я уже знал, что этот молодой человек был японцем, но не был уверен, какова его настоящая цель. Тем не менее, если я позволю ему сфотографировать меня, вскоре должна быть какая-то реакция...

Сделав два снимка, он все еще казался неудовлетворенным.

"Я не слишком уверен в этих снимках со вспышками. Если не возражаете, я хотел бы сделать снимок при дневном свете завтра. Около трех часов дня будет подходящее время, если вы готовы прийти".

Был ли он мошенником в конце концов? С такой дорогой камерой и вспышкой, почему он должен беспокоиться о результатах?

"Я не хочу этого делать", - небрежно ответил я. Я пытался придумать какой-нибудь способ заставить его выдать себя. Первым шагом, как я полагал, было задать ему несколько вопросов.

"Ты не сказал мне своего имени", - заметил я.

"Меня зовут Норио Судзуки"...

Прежде чем я успел придумать, что еще спросить, он начал расспрашивать меня о жизни на острове, о том, как умерли Кодзука и Симада, и о многом другом. В ходе беседы я упомянул о том, что недавно произошло в Японии.

Вздвогнув, он спросил: "Откуда вы узнали об этом? "

"У меня есть транзисторный приемник", - небрежно ответил я.

Это действительно удивило его. Он слушал с открытым ртом, когда я рассказывал ему, как мы приобрели радио. Я, со своей стороны, продолжал внимательно следить за его реакцией в поисках любого признака того, что он может быть не тем, за кого себя выдает. Я ни с кем не разговаривал после смерти Кодзуки шестнадцатью месяцами ранее, и я бы наслаждался жизнью, если бы не страх, что Норио Судзуки был вражеским агентом.

После того как мы проговорили около двух часов, он спросил: "Что я могу сделать, чтобы убедить вас выйти из джунглей? "

"Именно так, как пишут в газетах, - ответил я. – Майор Танигути – мой непосредственный начальник. Я не сдамся, пока не получу от него прямого приказа".

На самом деле майор Танигути не был моим непосредственным начальником, но я прочитал в одной из газет, оставленных поисковой группой, что майор Танигути назвал себя таковым. Это означало, что майор Танигути больше не занимался армейскими секретами. Чего я не мог понять, так это почему, если война действительно закончилась, майор Танигути не предложил никакого разумного объяснения или не отправил мне письменное сообщение. Если, с другой стороны, война все еще шла, то почему я не получал каких-то новых приказов?

В любом случае, без убедительных доказательств того, что Норио Судзуки не был вражеским агентом, я не мог назвать имя моего настоящего командира, генерал-лейтенанта Ёкояма, или даже имя майора Такахаши. Короче говоря, единственное имя, которое я мог назвать, было имя майора Танигути.

"Тогда позволь мне прояснить ситуацию, - сказал Судзуки. – Если я приведу майора Танигути, и если майор Танигути скажет вам прийти в такое-то место в такое-то время, вы придете, верно? "

"Верно"...

В качестве проверки моего новообретенного друга я сказал: "Почему бы мне не пойти с тобой в твой лагерь и не остаться? Тогда ты сможешь сфотографировать меня утром".

Моя настоящая цель состояла в том, чтобы держать его под охраной до утра. Это означало бодрствовать всю ночь, но это было лишь частью моей работы. Во всяком случае, эта идея меня немного взволновала.

Вернувшись к его противомоскитной сетке, я сел на песок, положил рюкзак рядом с собой и положил на него винтовку. Ветер стих, и ночь была темна.

Из своего рюкзака Сузуки вынул свежую пачку сигарет, банку сладких бобов и бутылку джина. Он предложил мне выпить, от чего я отказался...

Потягивая сигарету, я посмотрел на безлунное небо. Это был первый раз, когда я так долго сидел на таком открытом месте, даже в очень темные ночи.

Я ответил на его вопросы о своей еде, погоде на Лубанге и островитянах. Я даже рассказал ему о своей жизни в Ханькоу и своем опыте службы в армии до приезда на

Лубанг. Я перескакивал с одной темы на другую и несколько раз отвлекался, но Судзуки это, похоже, не беспокоило. Что я действительно пытался сделать, так это попытаться узнать что-нибудь о нем – что он за человек. Он же, со своей стороны, как будто засыпал от джина, который допивал, но время от времени открывал полузакрытые глаза и задавал новый вопрос...

Он... начал рассказывать мне о себе. Он сказал, что странствовал по всему миру, пройдя около пятидесяти стран за четыре года. Я подумал про себя с некоторым восхищением, что он похож на человека, который мог бы сделать что-то подобное. Он немного напоминал мне меня самого в те суматошные дни перед тем, как я пошел в армию. Я чувствовал, что меня в какой-то степени тянет к нему.

Позже он где-то написал, что я проговорил всю ночь без перерыва. Хотя я признаю, что много говорил, это было не потому, что я был очарован звучанием собственного голоса. В надежде добиться от него какой-то реакции или информации, я скормил ему широкий набор фактов, знать которые ему было бы не вредно. Но когда он спросил, сколько у меня патронов, я наотрез отказался отвечать...

Пока он готовил кофе, снова поднялся ветер. В костре не хватило дров, и дым уносился вдаль. Мы выбрали валявшиеся вокруг куски бамбука и бросили их в костер, но дым продолжал подниматься к ясному небу, а затем уносился в сторону реки. Не решаясь в течение многих лет разводиться огонь, не сводя дым к минимуму, я не мог не чувствовать себя неловко. Когда мы допили кофе, я сказал: "Пойдем в горы"...

Опередив его, я забрался на место несколько выше того места, где накануне вечером замаскировался. Я сел на место, откуда мог смотреть вниз на реку, снял листья и ветки с кепи и куртки и вывернул одежду наизнанку. Надев куртку обратно, я закатал левый рукав и поднял руку так, чтобы Судзуки мог видеть шрам.

"Это, - сказал я ему, - то, что они называют моим «отличительным знаком». Убедитесь, что он и эмблема хризантемы на моей винтовке видны на фотографии".

Шрам был от раны, которую я получил в средней школе. Пока мы занимались кендо, бамбуковый меч моего противника сломался и пронзил мою руку. Мои братья и почти все мои школьные друзья узнают шрам.

Повернув винтовку боком, я положил ее на колени. Судзуки сфокусировал камеру и сделал несколько снимков. Решив, что он закончил, я начал уходить. Я не видел смысла оставаться здесь дольше.

Но Судзуки сказал: "Подождите минутку. Если я не сфотографирую нас двоих вместе, люди могут подумать, что я подделал снимки".

Присев рядом со мной, Судзуки сказал: "Дайте мне поддержать винтовку".

Я сделал так, как он просил. Я не знал, был ли он другом или нет, но к этому времени я был почти уверен, что он не был врагом.

Когда снимок был сделан, он сказал: "Разве ты не хочешь снова увидеть цветение сакуры? Не хочешь ли ты увидеть гору Фудзи? "...

"Онода-сан, - серьезно сказал он, - если есть официальные приказы от вашего начальника, вы действительно выйдете, не так ли? Вы не шутите, не так ли? Если я назову время и место, вы действительно придете?"

"Да, - ответил я довольно нетерпеливо, - я приду. Если ты так говоришь, я приду".

Со вчерашнего вечера я сказал Судзуки все, что хотел сказать. Даже если, в конце концов, он окажется врагом, я был уверен, что, так или иначе, мое сообщение дойдет до Японии и что мое описание смерти Симады и Кодзуки будет передано их семьям.

Я с облегчением избавился от этого. Я сам все еще мог быть убит вражеским агентом или умереть в одиночестве от болезни, но теперь я мог сделать это без сожалений. Я также почувствовал себя более радостным от того, что смог поговорить с кем-то по-японски после стольких месяцев одиночества.

"Я вернусь за тобой, как только смогу, - сказал Судзуки. – Пресса сделает из этого большую историю. Вы не поверите! "

Он рассмеялся, а затем отдал честь. Я кивнул и пожал ему руку. Он был искренне счастлив, и мне показалось, что у него хорошее, честное лицо.

Я попрощался и, взвалив на плечи свой рюкзак, пошел в сторону гор. Солнце было уже высоко; становилось все жарче. Я ускорил шаг. У Судзуки может быть честное лицо, но если, несмотря ни на что, он работает на врага, мне лучше отойти как можно дальше, пока он не успел рассказать о нашей встрече...

На следующее утро я отправился на Змеиную гору, чтобы проверить спрятанные там боеприпасы.

Я намеревался продержаться на этом острове, если потребуется, еще двадцать лет... Я был уверен, что смогу продержаться еще двадцать лет...

Если бы мне когда-нибудь удалось вернуться в Японию, мне все равно пришлось бы работать и потеть каждый день, и я мог бы сделать это так же хорошо на Лубанге. Пребывание здесь имело даже одно преимущество: если я умру, то это будет смерть при исполнении служебных обязанностей, а мой дух будет храниться в храме Ясукуни. Эта идея привлекла меня...

Я не очень-то верил тому, что Судзуки сказал об окончании войны. В нескольких случаях его показания совпадали с тем, что я слышал по радио и читал в газетах, но я все же видел необъяснимые расхождения. Если война действительно закончилась, зачем отправлять на Лубанг такой большой поисковый отряд? Почему они называли себя "поисковым отрядом", если их целью было обследование острова? Разве это исследование не доказывало, что Лубанг считался очень важным со стратегической точки зрения?

Конечно, война... продолжалась, и пока она продолжалась, я не мог ни на день пренебрегать своими обязанностями. Пока не поступали какие-то новые тайные приказы, я намеревался бороться за сохранение территории, которую "оккупировал"...

Тем не менее, я обнаружил, что не могу полностью игнорировать объяснение Судзуки того, как обстоят дела. Девяносто девять процентов были невероятными, и я сомневался в оставшемся одном проценте. Именно на этот один процент я и рассчитывал, когда позволил Судзуки сфотографировать меня. Если, как он сказал, война действительно кончилась, то он немедленно сообщит майору Танигути о своей встрече со мной, а майор Танигути пришлет мне какое-нибудь известие.

Но я был уверен, что этого не произойдет. Майор Танигути прекрасно знал характер приказов, согласно которым я прибыл на Лубанг, и знал, что я не могу покинуть остров, пока эти приказы не будут должным образом отменены.

Это был ключевой момент. Стратегическое командование не отменило моих приказов; это просто означало, что они хотели, чтобы я остался на острове...

Я не мог позволить себе рассматривать встречу с Судзуки как нечто большее, чем неожиданное развлечение».

Вскоре после встречи с Онодой Судзуки вернулся в Японию, привезя с собой фотографии Оноды, которые произвели настоящий фурор в средствах массовой информации. История получила огромный резонанс в японском обществе.

В сложившейся ситуации японское правительство срочно связалось с Ёсими Танигути, бывшим майором Императорской армии Японии, командиром

особой группы Генерального штаба 14-й армии и непосредственным командиром Хироо Оноды, который после окончания Второй мировой войны работал в книжном магазине.

В начале марта 1974 г. Норико Судзуки и Ёсими Танигути прибыли на остров Лубанг с целью встретиться с Онодой. Сопровождать их в поездке отправилось не менее сотни японских журналистов, которые, очевидно, рассчитывали освещать завершение историю сопротивления младшего лейтенанта Императорской армии Японии Хироо Оноды непосредственно с места событий.

«5 марта возле горной хижины я услышал возбужденные голоса островитян. Мне было интересно, что они делают так глубоко в горах.

Внезапно мне пришло в голову, что, возможно, Судзуки вернулся на остров. Прошло около двух недель, у него было достаточно времени, чтобы съездить в Японию и вернуться. Я дал ему слово и подумал, что мне следует хотя бы пойти и посмотреть, не пришел ли он. Если бы он это сделал, было бы неправильно подвести его. Он был так воодушевлен и так серьезен, когда обещал прийти снова.

Я подошел к горной хижине, но не увидел изменений. Я решил, что услышанные мной восторженные крики означают не что иное, как то, что туземцы поймали буйвола. Я не возражал против этого. Пусть будут! У меня был двухдневный запас еды, и я не собирался уходить, пока не съел его. Я провел ночь на ближайшем склоне.

Двумя днями позже я вспомнил, что мы с Судзуки договорились оставлять сообщения в ящике, установленном поисковой группой на валуне Змеиной горы. Может быть, я бы нашел там сообщение. В сумерках я пошел посмотреть.

К боку коробки скотчем был приклеен новенький полиэтиленовый пакет. Я знал, что он, должно быть, вернулся. Я подумал о дружелюбном, честном лице Судзуки и решил, что, может быть, я ошибался, сомневаясь в нем.

В сумке были две фотографии, которые он сделал в качестве доказательства, и пометка: "Я вернулся за тобой, как и обещал". Имелись также копии двух армейских орденов...

Один приказ исходил из штаба 14-й армии, а другой – из специального отряда. Первый, изданный от имени генерала Ямаситы, был таким же, как и приказ, воспроизведенный в листовках, сброшенных поисковыми группами. Другой, однако, указывал, что "инструкции будут даны лейтенанту Оноде в устной форме".

Устные инструкции! Это было то, чего я ждал все эти годы. Бойцам в спецподразделениях, подобных моему, помимо обычных печатных всегда были прямые устные приказы. В противном случае было бы невозможно сохранить секретность.

Очевидно, майора Танигути послали передать мне устные приказы...

Каким бы ни было содержание приказов, я должен пойти и получить их. Но оставалась возможность, что все это дело рук врага. А может, настоящие приказы были в пути, но противник узнал о них и нанес удар первым. И все же сомнениям нет конца. Если во всем сомневаться, то в итоге ничего не сможешь сделать, и, конечно, давно пора было послать новые приказы.

Мое единственное колебание заключалось в том, что после тридцати лет я не хотел, чтобы все пошло насмарку из-за какого-то неверного шага с моей стороны. Я должен был быть осторожным!».

9 марта 1974 г. состоялась встреча Хироо Оноды и Ёсими Танигути. Последний вышел на связь со своим бывшим подчиненным, будучи одет в военную форму.

«Я прятался в зарослях, коротая время. Был почти полдень 9 марта 1974, и я сидел на склоне примерно в двух часах от точки Вакаяма. Мой план заключался в том, чтобы подождать до вечера, когда еще можно будет различать человеческие лица и быстро добраться до точки Вакаяма, одним маневром. Слишком яркое освещение означает опасность, но если будет слишком темно, я не смогу убедиться, что человек, с которым я встречаюсь, действительно майор Танигути. Кроме того, поздние сумерки – хорошее время для отхода, если мне вдруг понадобится отойти.»

В два часа пополудни я осторожно выполз из своего укрытия и пересек реку выше назначенной точки. Двигаясь сквозь пальмовую рощу, растущую вдоль реки, я вскоре пришел к месту, где островитяне рубили деревья для строительства.

На краю поляны я остановился и оглядел местность вокруг. Я никого не заметил. Я полагал, что у работников был выходной, но на всякий случай замаскировался ветками и сухими листьями, прежде чем преодолеть открытую местность.

Я пересек реку Акаваян и занял позицию примерно в трех сотнях метров от назначенной точки. Было всего около четырех, и у меня всё ещё было полно времени. Я сменил маскировку на свежие листья. В назначенном месте когда-то были рисовые чеки, но теперь они превратились в травянистое поле с отдельными пальмами здесь и там. Вдоль реки рос бамбук и кустарники.

Я забрался на маленький холм, с которого мог не только наблюдать за местом встречи, но и следить за окрестностями. Именно в этом месте я встретился и беседовал с Норио Судзуки двумя неделями раньше. Всего двумя днями раньше сообщение от Судзуки, в котором он просил меня встретиться с ним, снова было оставлено в договоренном ящичке, и я пришел. Я беспокоился, что это могла быть ловушка. Если так, враг мог поджидать меня на холме.

Я приблизился со всеми возможными предосторожностями, но не заметил никаких признаков жизни. На вершине холма я выглянул из зарослей и невдалеке от места встречи, где Судзуки устанавливал свою москитную сетку, я увидел желтую палатку. Я мог разглядеть японский флаг, развивающийся над ней, но не мог никого разглядеть. Отдыхают ли они в палатке. Или, может быть прячутся где-то неподалеку, поджидая, когда я покажусь?

После тридцати напряженных минут ожидания, за которые ничего не изменилось, я спустился по склону и приблизился на расстояние всего порядка ста метров до палатки. Я сменил позицию, чтобы осмотреться с другой точки, и опять никого не заметил. Я решил, что все, должно быть, в палатке и дожидаются заката.

Солнце начало садиться. Я проверил свою винтовку и перешиновал ботинки. Я был уверен – я смог бы дойти до палатки с закрытыми глазами, и чувствовал себя сильным, после того, как отдохнул, пока ожидал нужного часа. Я перепрыгнул через ограду из колючей проволоки и пробрался в тень ближайшего дерева "боса", остановился, сделал глубокий вдох и снова осмотрел палатку. Все было тихо.

Время пришло. Я крепче взял винтовку, выпятил грудь и вышел на открытое место.

Судзуки стоял спиной ко мне, между палаткой и костровищем, организованным выше на берегу. Он медленно обернулся и, увидев меня, пошел ко мне с вскинутыми руками.

"Это Онода, - прокричал он. – Майор Танигути, это Онода!"

В палатке зашевелилась какая-то фигура, но я всё равно прошел вперед.

Судзуки, с глазами, горящими от возбуждения, подбежал ко мне и обеими руками пожал мою левую руку. Я остановился примерно в десяти метрах от палатки, из которой раздался голос:

"Это действительно ты, Онода? Я встречу тебя через минуту".

По голосу я определил, что это был майор Танигути. Неподвижно я ждал его появления. Судзуки нырнул в палатку и вытащил фотоаппарат. Стоящий внутри майор без гимнастерки выглянул наружу и сказал: *"Я переодеваюсь. Подожди минутку".*

Голова его исчезла внутри, и через несколько мгновений майор Танигути возник из палатки в полном обмундировании и с армейской фуражкой на голове. Вытянувшись до кончиков пальцев, я выкрикнул: *"Лейтенант Онода, сэр, прибыл в ваше распоряжение".*

"Замечательно!", - ответил он, подходя ко мне и похлопывая по левому плечу. "Я тебе привез кое-что от Министерства здоровья и благополучия".

Он вручил мне пачку сигарет с изображением Императорской печати в виде цветка хризантемы на ней. А принял ее и, держа ее перед собой в знак должного уважения к Императору, отступил на два или три шага назад. На небольшом отдалении стоял Судзуки наготове со своим фотоаппаратом.

Майор Танигути сказал: *"Я зачитаю тебе приказ".*

Я перестал дышать, когда он начал зачитывать документ, который держал торжественно, двумя руками. Достаточно тихо он прочел: *"Распоряжения штаба, Четырнадцатая полевая армия", а продолжил более уверенно и громко – "Приказы Специальному отряду, начальник штаба, Бекабак, 19 сентября, 19 ч. 00 мин".*

"1. В соответствии с Имперским распоряжением, Четырнадцатая полевая армия прекращает все боевые действия.

2. В соответствии с приказом военного командования № А-2003, со специального отряда при штабе Четырнадцатой полевой армии снимаются все военные обязанности.

3. Подразделениям и бойцам из состава Специального отряда Четырнадцатой полевой армии предписывается прекратить любые военные действия и операции и перейти под командование ближайшего вышестоящего офицера. Если нахождение офицера невозможно, связаться с американскими или филиппинскими силами и следовать их указаниям.

Начальник штаба Специального отряда Четырнадцатой полевой армии, майор Йосими Танигути".

Я стоял смиренно, ожидая, что будет дальше. Я был уверен, что майор Танигути подойдет ко мне и прошепчет: *"Так много слов. Я передам тебе настоящий приказ позже". Действительно, тут был Судзуки, и майор не мог говорить со мной конфиденциально в его присутствии.*

Я внимательно следил за майором. А он просто холодно смотрел на меня в ответ. Проходили секунды, но он так и не сказал ничего больше. Ранец у меня на плечах вдруг показался очень тяжелым.

Майор Танигути медленно сложил приказ, и я впервые понял, что никаких ухищрений не было. Никакой уловки нет – всё, что я услышал, было правдой. Секретного послания не было.

Ранец стал еще тяжелее.

Мы действительно проиграли войну! Как мы могли оказаться такими слабыми?

Внезапно всё вокруг потемнело. Буря вскипела во мне. Я почувствовал себя дураком из-за напряжения и предосторожностей, с которыми я пришел сюда. Хуже того, что я вообще делал тут все эти годы?

Постепенно буря улеглась, и впервые я по-настоящему понял: моя 30-летняя партизанская война за Императорскую армию Японии резко завершилась. Это был конец.

Я открыл затвор винтовки и вынул пули.

"Это, должно быть, трудно пережить, - сказал майор Танигути, - расслабься, постарайся успокоиться".

Я сбросил ранец, который всегда носил с собой и положил оружие сверху. Неужели мне действительно не понадобится больше эта винтовка, которую я полировал и берег как ребенка все эти годы? И спрятанная в расщелине скалы винтовка Кодзуки – тоже? Действительно ли война закончилась тридцать лет назад? Если да – за что погибли Симада и Кодзука? Если всё происходящее – правда, не лучше ли мне было погибнуть вместе с ними?

Я медленно вошел в палатку следом за майором Танигути.

Той ночью я совсем не спал. Оказавшись в палатке, я начал докладывать о моей разведывательной и военной деятельности на Лубанге за тридцать лет, излагая подробный полевой отчет. Время от времени майор Танигути вставлял слово, другое, но по большей части он слушал внимательно, кивая тут и там в знак согласия или сочувствия.

Настолько холодно, насколько я мог, я докладывал о событиях, одном за другим, но, по мере того, как я говорил, эмоции пересиливали меня и, когда я дошел до гибели Симады и Кодзуки, я несколько раз запинался. Майор Танигути моргал, как будто бы пытался удержать слезы. Единственным, что не дало мне раскиснуть окончательно, было мерное похрапывание молодого Судзуки, который выпил хорошую порцию sake перед тем, как заснуть на своей складной койке.

Перед тем, как я начал свой рассказ, Судзуки спросил майора – следует ли ему сообщить другим искиателям, что я нашелся. Майор сказал, что сообщать не следует, поскольку если бы он сделал это, нас немедленно осадила бы огромная толпа людей. Судзуки передал остальным "никаких новостей" и я продолжил беседовать с майором до рассвета.

Несколько раз он приказывал мне лечь спать и дорассказать остальное на следующий день, но, хотя я пытался два или три раза, каждый раз я вскакивал через несколько минут. Как я мог спать в такой момент? Я должен был рассказать ему все прямо там и тогда.

Наконец, я добрался до конца истории и майор сказал: "Теперь давай постим. Осталось всего около часа до того, как солнце совсем взойдет. Нам предстоит трудный день, так что даже час пойдет на пользу". Должно быть его сильно обрадовало завершение поисков, так как он захрапел сразу же как лёг.

А я – нет. После многих лет сна на открытом воздухе я не мог привыкнуть к койке. Я закрыл глаза, но был бодрее, чем когда бы то ни было».

На следующий день, 10 марта 1974 г. младший лейтенант Императорской армии Японии Хироо Онода сдался филиппинским властям. Церемония сдачи происходила в торжественной обстановке на радарной базе филиппинских ВВС.

В момент сдачи Онода был в изорванном военном обмундировании, но имел на руках вполне исправную винтовку «Арисака» Тип 99, сотню патронов к ней, несколько ручных гранат, меч и кинжал, отдал карту с тайниками, где были спрятаны остальные патроны (всего – около 500). Японец передал свой меч командиру военной базы в знак капитуляции и был готов к смерти. Однако командир вернул ему оружие, назвав его «образцом армейской верности».

После этого Онода показал расположенные на острове Лубанг места, где находились тайники со спрятанными боеприпасами. Несмотря на свой возраст,

Онода был в отличной физической форме и настолько быстро перемещался по горным зарослям, показывая филиппинским военным свои тайники и укрытия, что те не поспевали за ним. Во время этого пешего путешествия Оноду сопровождали два офицера филиппинских ВВС, чтобы предотвратить нападение на него со стороны местных жителей.

«За пределами палатки было светло, первое утро за тридцать лет без каких-либо обязанностей.»

Молодой Судзуки встал и спросил, должен ли он сообщить остальным о моем прибытии.

"Не сейчас, - сказал майор. – Давайте не торопимся и сначала поедим".

Мы с майором Танигути пошли умываться на реку Агкавиян. Он дал мне бритву и предложил побриться.

"Я сбрую свою козлиную бородку, - сказал я. – Мне больше не нужно, чтобы пугать островитян".

"Нет, - сказал майор. – Оставьте, потому что президент специально просил вас приехать, поскольку вы были в горах".

"Президент? "

"Да, президент Филиппин Маркос сказал, что хочет увидеть вас после того, как вас найдут"...

Что теперь должно было произойти? Майор Танигути сказал, что я могу немедленно вернуться в Японию, но идея вернуться и попытаться жить среди простых людей пугала меня. Я не мог себе этого представить.

Когда в ту ночь, много лет назад, я вылетел из аэропорта Уцуномия, я отбросил все свои личные надежды на будущее. Тогда я сказал себе, что должен оставить все это позади. После этого всякий раз, когда я начинал думать о доме или своей семье, я намеренно вытеснял эти мысли из головы. Это вошло в привычку, и со временем мысли перестали приходить. Вот уже более двадцати лет мысль о доме почти не приходила мне в голову, и я ни разу не мечтал о своей семье. Моя военная служба была моей жизнью и опорой.

Теперь эта жизнь заканчивалась, и эта поддержка внезапно исчезла...

Впервые я начал ощущать тяжесть этих тридцати лет...

Завтракали втроем красным рисом, рыбой и тушеными овощами, все из консервных банок. Мы ели жадно.

Судзуки зажег маяк, сигнализирующий остальным, что я здесь; два часа спустя контингент из Брولا прибыл на мыс Вакаяма. Среди них был мой старший брат Тошио. Он положил обе руки мне на плечи и сказал: "Наконец-то мы тебя нашли!". Это было наше воссоединение спустя тридцать лет.

Дорога, ведущая к Бролу, была едва широка для двух человек, но полковник Лос Паниос (командующий округом) и подполковник Паван (командир радиолокационной базы) настояли на том, чтобы идти по обе стороны от меня...

Не спрашивая, я понял, почему по узкой дороге нам пришлось идти втроем: была вероятность, что кто-нибудь из островитян выстрелит в меня. В конце концов, у них были причины ненавидеть меня.

Двое офицеров внимательно смотрели направо и налево. Иногда они шли впереди и позади меня; мы были плечом к плечу. Я был благодарен за их заботу, но в глубине души я был бы не против того, чтобы меня расстреляли.

Когда мы вошли в город Брол, филиппинские солдаты с автоматами выстроились вдоль улицы с интервалом примерно в десять ярдов. Несмотря на эти меры безопасности,

когда мы остановились передохнуть у дома мэра, островитяне, заглядывавшие в окна, не заметили на лицах ничего, кроме любопытства. Я не видел признаков гнева.

После того, как мы выпили немного безалкогольных напитков, мы отправились на Змеиную гору за винтовкой Кодзуки и моим мечом. Когда мы вышли из дома, то обнаружили, что на главной улице собралось несколько сотен островитян. Все смеялись, а некоторые махали нам. Среди них не было недружелюбного лица. Мой брат испытал огромное облегчение...

Я начал восхождение на Змеиную гору в своем обычном темпе, но майор Танигути, Судзуки и сопровождавшие нас филиппинские военные вскоре отстали. Приходилось останавливаться и ждать, пока они догонят...

Из расщелины между скалами в пещере я достал винтовку, меч и кинжал, которые получил от матери. К этому времени солнце село.

Мы двинулись назад с фонариком..., но было так темно, что мы остановились и сделали факел из пальмовых листьев. Майор Танигути и я шли вместе под его светом...

В караульном помещении радиолокационной базы я переделал в свою старую одежду, чтобы выполнить просьбу президента Филиппин Маркоса. Как "заключенный", согласно приказу признавший свое поражение, я не имел права возражать. Я просто сделал, как мне сказали.

Филиппинские военные выстроились по стойке смирно по обеим сторонам асфальтированной дороги на базе. Они приветствовали меня, представив оружие. Отсалютовали мне, если вы можете в это поверить, когда я был всего лишь военнопленным. Я был поражен.

Место было освещено, как днем. Взяв в левую руку меч, завернутый в белую ткань, я направился к генерал-майору Ранкудо. Отсалютовав ему, я поднял меч обеими руками и вручил ему. Он ненадолго взял его у меня в знак согласия, а затем тут же вернул мне. На мгновение что-то, что можно было бы назвать гордостью самурая, охватило меня...».

11 марта 1974 г., уже находясь в Маниле, в знак капитуляции младший лейтенант Императорской армии Японии Хироо Онода передал свой меч Фердинанду Маркосу, президенту Филиппинской республики.

На транслируемой по телевидению торжественной церемонии, которая состоялась в Президентском дворце, Фердинанд Маркос помиловал Хироо Оноду. По филиппинскому законодательству, последнему грозила смертная казнь за грабежи и убийства, нападения на полицию и военных в течение 1945-1974 гг., однако благодаря вмешательству Министерства иностранных Японии он был помилован филиппинскими властями.

Согласно дипломатическим документам, которыми обменивались в это время Япония и Филиппины, факт, что многие местные жители острова Лубанг были убиты или ранены Онодой и другими военнослужащими Императорской армии Японии, стал предметом обсуждения во время конфиденциальных переговоров между правительствами Японии и Филиппин. При этом, Филиппины рассматривали это как проблему, требующую ответа.

Послевоенные репарации Японии Филиппинам были установлены Соглашением о репарациях, подписанным Японией и Филиппинами в 1956 г. Однако, большинство убийств и грабежей филиппинских мирных жителей, совершенных Онодой, произошло уже после окончания войны, что вызывало опасения, что на Филиппинах усилятся антияпонские настроения. В результате, чтобы успокоить филиппинское общественное мнение, японское правительство приняло выплатить филиппинской стороне 300 миллионов иен в качестве компенсации.

Во время встречи в Маниле, в знак примирения Фердинанд Маркос вернул Хироо Оноде его катану, обнял японца и сказал, что восхищается его мужеством. «Ты – великий солдат», - заявил он. В ответ, Онода, впервые стоя перед телекамерами, сказал: «С этого момента я буду делать все возможное, чтобы способствовать развитию моей страны и более тесному сотрудничеству Филиппин и Японии».

«Мы никогда не говорили об этом, но все надеялись, что когда-нибудь вместе вернемся в Японию.

И теперь возвращался я один, оставив на этом острове души двух моих незаменимых товарищей. Возвращался в Японию, проигравшую войну тридцать лет назад. Возвращался в мое Отечество, за которое я сражался до вчерашнего дня. Если бы вокруг не было людей, я бы бился головой о землю и рыдал.

...Вертолет, на который я сел, поднялся над Лубангом, разметая траву вокруг себя. Сквозь ветрозащитное стекло я мог видеть могилу Кодзуки, а потом и весь остров, уменьшающийся в размерах и начинающий меркнуть.

Впервые я смотрел вниз на свое поле боя.

Почему я сражался здесь тридцать лет? За кого я сражался? В чем причина?

Манильский залив купался в лучах вечернего солнца».

***

12 марта 1974 г., спустя 30 лет, младший лейтенант Императорской армии Японии Хироо Онода вернулся на родину.

По возвращении Оноды в Японию, к нему было приковано внимание всех средств массовой информации страны. Телевидение вело прямую трансляцию его встречи в Токио. Специальная новостная программа «Возвращение мистера Оноды», которая транслировалась на канале NHK в течение 66 минут с 16:15 12 марта 1974 г., зафиксировала рейтинг среди аудитории в 45,4%.

В аэропорту Ханэда, 52-летнего Оноду, одетого в новый синий костюм, приобретенный в Маниле, встретили его родственники – старший брат, 86-летний отец, опиравшийся на трость и 88-летняя мать, сидевшая в инвалидной коляске. Онода трижды извинился и поклонился перед плачущей дочерью

капрала Симады, погибшего в перестрелке на Лубанге 25 лет назад. Затем возгласил многолетие Императору Японии.

В аэропорту Онода потерял самообладание лишь однажды, когда его представили семье товарища, погибшего в 1954 г. на острове Лубанг в стычке с филиппинской полицией. Плачущая молодая женщина, старшая дочь капрала Сёити Симада, несла большую фотографию своего мертвого отца, перед которой Онода сделал несколько глубоких поклонов.

После кратких приветствий в аэропорту Оноду на лимузине отвезли в ближайший отель на пресс-конференцию, где он продемонстрировал самообладание. «Мне повезло, что я смог посвятить всего себя своему долгу в молодые и энергичные годы», - заявил тогда на пресс-конференции Онода. На вопрос, что было у него на уме все это время, пока он находился в горах и джунглях острова Лубанг, он ответил: «Ничего, кроме выполнения своего долга».

«Каков был самый тяжелый опыт? Потерять своих товарищей по оружию», - подчеркнул Онода. «А самые приятные впечатления? Ничего – ничего приятного не случилось со мной за все эти 29 лет». Тем не менее, Онода не хотел признавать, что все это было напрасно. «Моя страна сегодня богата и велика», - сказал он. «Когда моя цель в войне достигнута, в том факте, что Япония сегодня богата и велика, выиграть или проиграть войну совершенно не имеет значения».

Примечательно, что почти 30 лет жизни в горах и джунглях острова Лубанг, в сложных природно-климатических условиях, практически не сказались на состоянии здоровья Оноды. По крайней мере, именно к такому выводу пришли врачи Первого национального госпиталя в Токио, в котором, сразу же после возвращения в Японию, Онода в течение 19 дней проходил медицинское обследование. Во время пребывания в больнице Онода буквально поразил врачей, которые взяли у него около 200 анализов. Несмотря на пройденные тяжелые испытания, у Оноды практически не оказалось проблем со здоровьем, и он действительно был в гораздо лучшей физической и умственной форме, чем многие японцы его возраста, жившие в тогдашней Японии.

Доктор Хадзимэ Томинага и двое его коллег, - доктор Мотоо Исида и доктор Ёитиро Орихаси, - согласились с тем, что самый важный элемент, который был общим у лейтенанта Хироо Оноды и сержанта Сёити Ёкои,

который так же, как и Онода возвратился на родину после нескольких десятилетий настоящей борьбы за выживание, в данном случае – на острове Гуам, был неосязаемым: воля к выживанию. В одном из интервью они отметили, что Онода и Ёкои имели совершенно разную подготовку. «Выжить – это было фундаментальным мотивом, который двигал ими обоими», - заявляли они. «Вот два хороших примера людей, чьи личности разные, но с похожим характером. Другие мужчины погибли в той же среде, потому что у них не было характера Оноды и Ёкои. У этих людей был такой характер, что они в итоге сдались. У них не было воли к выживанию». Вторым важным элементом в выживании этих двух мужчин было то, что «оба могли точно оценивать ситуацию, в которой они оказались».

Находясь в довольно агрессивной природной среде, и Онода, и Ёкои, буквально, отточили скрытые в человеке животные инстинкты, которые были доведены до совершенства. Будучи очень чувствительными к окружающим им опасностям, они выживали главным образом за счет страха перед тем, что могут быть найдены и захвачены, а в худшем случае – их ожидает смерть.

Физически, как заявляли врачи, Онода намного превосходил других мужчин своего возраста, поскольку его жизнь на открытом воздухе оставила его мышцы в отличной форме, а его тело стало таким же гибким, как у тренированного спортсмена. При этом, у Оноды было очень мало подкожного жира. Острый слух и зрение также отличали Оноду от подавляющего большинства мужчин его же возраста, проживавших тогда в Японии.

Определенную роль, как считали врачи, сыграл рацион питания, который был сбалансированным, включал мясо крупного рогатого скота, которых он убивал, рис и овощи, а также бананы, кокосы, листья и побеги деревьев, которые он собирал. Он готовил пищу очень тщательно и ел небольшими порциями за один раз.

Врачи подчеркивали, что Онода держал себя в чистоте, мылся как можно чаще, и при этом не имел тропических кожных заболеваний. Онода даже сделал себе лекарство из животного жира, чтобы помогать лечить порезы и царапины.

В течение долгих лет нахождения в условиях дикой природы Онода приобрели достаточно рутинные привычки в своей повседневной жизни, в т.ч. питался и отдыхал в одно и то же время каждый день. Врачи отмечали, что наиболее активным Оноды был в такие периоды суток, как рассвет и сумерки.

С другой стороны, как полагали врачи, помимо присутствия ярко выраженной воли к жизни, тщательного обдумывания того, как остаться в живых, и обострения своих животных инстинктов, эти Хироо Онода и Сёити Ёкои выжили и по другой причине – благодаря удаче.

Врачи отмечали, что климат на Лубанге, где находился лейтенант Онода, и на Гуаме, где находился сержант Ёкои, был умеренным и идеально подходил для жизни на открытом воздухе. Кроме того, остров Лубанг был свободен от малярии и холеры, которые свирепствуют в других местах на Филиппинах, а его фауна не имеет ядовитых змей, от которых могла исходить смертельная опасность.

Наконец, Оноде повезло, что он не заболел пневмонией, а также не страдал от аппендицита или инфекции. «При всей своей воле к выживанию и заботе о себе он мог бы проиграть, как и многие другие, чему-то, что он не мог контролировать», - заключили врачи.

Так или иначе, в представлении многих японцев Онода был национальным героем, когда он прибыл в Токио, где его, под аплодисменты, встретили огромные толпы людей, размахивающие национальными флагами. История его сопротивления на острове Лубанг несколько дней доминировала в японских новостях, вызвала волны ностальгии и меланхолии, а не только патриотизм или восхищение его выдержкой. 52-летний солдат – призрак из прошлого, в новом синем костюме, с коротко остриженной в военном стиле головой, тонкими усами и бородкой – искренне говорил о долге и чести и, казалось, олицетворял преданность традиционным ценностям, которые, по мнению многих японцев, к тому моменту были утеряны.

Испытания, выпавшие на долю Оноды, вызвали искреннюю реакцию у японцев, людей глубоко эмоциональных. Трагедия его 30-летнего лишения в горах и джунглях острова Лубанг, очевидно, пробудила самые глубокие чувства у жителей Японии. Многие японцы восхищались его стойкостью и верностью солдатскому долгу, отвечающему японскому принципу «гири» (долг чести).

Этот эмоциональный всплеск берет также свое начало в японской концепции под названием «гиму», которая воплощает в себе долг или обязательство самого высокого порядка. В отличие от «гири», «гиму» не имеет ограничений в виде объема или времени, т.е. такое обязательство фактически не может быть выполнено. Такой долг человек несет всю жизнь. Примером

«гимну» может служить чувство долга японского гражданина перед своей семьей, своими соратниками, организацией или институтом, к которому он принадлежит, и, в конечном счете, перед Императором и самой японской нацией.

Японская история и литература полны героев, которые оставались верными долгу до самого последнего момента, особенно если они были верны своему делу, даже когда оно было проиграно. И, кажется, что Онода пробудил это чувство у своих соотечественников.

Некоторые японцы тогда заявили, что были впечатлены достойными манерами младшего лейтенанта Императорской армии Японии Хироо Оноды и его военной осанкой. В частности, они упомянули телевизионные сцены из Филиппин, в которых офицер предлагал свой меч в манере самураев древности сначала филиппинскому генералу, а затем филиппинскому президенту Фердинанду Э. Маркосу.

Все, казалось, восхищались Онодой, большинство японцев благодарили его за усердие, заботу и настойчивость, однако, у каждого поколения была своя точка зрения. Пожилой мужчина был доволен тем, что Онода продемонстрировал семейную дисциплину и воспитание прежних дней. Современник Оноды, который также был офицером в 1944 г., сказал, что Онода выжил, потому что прошел соответствующее обучение. Молодой женщине понравились четкие, прямые ответы Оноды на вопросы во время его пресс-конференции, его очевидная искренность, которая в Японии ценится как добродетель, и тонкая и непреднамеренная критика современного материализма в Японии. Молодой человек лаконично резюмировал это, сказав, что даже после 30 лет в джунглях «ружье лейтенанта Оноды было чистым». Студентка университета, у которой спросили, заинтересованы ли ее друзья в этом событии, ответила, что это стало предметом большого разговора, но заявила, что «вся Япония приветствует его дома».

С другой стороны, в реакции японской общественности была еще одна объединяющая тема: ничто в саге Оноды не должно использоваться для прославления милитаризма эпохи, когда он был отправлен на Филиппины. Подавляющее большинство японцев заявляли, что они категорически против этого.

В редакционной статье под названием «Дух Оноды» ведущая токийская газета «Майнити симбун» заявила, что «его задача была невыполнима, но он

сделал все, что мог». «Он вел верную жизнь, верный данным ему приказам», - говорилось в редакционной статье. «Даже в самых суровых условиях, даже после потери двух своих подчиненных, Онода был полон решимости, вероятно, из-за своего "солдатского духа", выполнять свой долг». «Вообще говоря, - продолжала редакционная статья, - непоколебимая и решительная позиция Оноды может быть выше понимания нынешнего поколения, привыкшего жить в материальном достатке. Для этого солдата долг превалировал над его личными чувствами». Редакционная статья заключила: «Онода показал нам, что в жизни есть нечто большее, чем просто материальное изобилие и эгоистичные занятия. Есть духовный аспект, о котором мы, возможно, забыли». Многие другие газеты сделали аналогичные выводы.

Примечательно, однако, что часть японской общественности, в основном учёные и журналисты, которые были воспитаны в соответствии с новой общественно-политической парадигмой, прохладно отнеслись к личности бывшего офицера Императорской армии Японии. Так, коммунисты и социал-демократы клеймили его «призраком милитаризма», а левоцентристская пресса во главе с «Асахи симбун» утверждала, что Онода в действительности знал о поражении Японской империи, но в силу своей милитаристской природы отказывался капитулировать, убивая сотни филиппинцев в течение 1945-1974 гг.

Наряду с этим, Онода имел немало почитателей и среди государственных чиновников, и среди простых граждан. Ему даже предлагали баллотироваться в Палату представителей Парламента Японии, но он отказался. В честь возвращения, Кабинет министров Японии пожаловал Оноде 1 000 000 иен. Всю сумму Онода пожертвовал Храму Ясукуни в Токио, в котором почитаются души воинов, погибших за Японскую империю в XIX-XX вв.

Онода встречался с тогдашним премьер-министром Какуэем Танакой, но отказался от аудиенции с императором Хирохито, мотивируя это тем, что недостойн Высочайшего приёма, поскольку никаких особых подвигов не совершил. Когда его спрашивали, о чём он думал, 30 лет скрываясь в горах и джунглях острова Лубанг и нападая на военных, он коротко отвечал: «О своём долге».

Между тем, вернувшись в Японию, Онода столкнулся с проблемами, связанными с адаптацией, что вполне объяснимо, учитывая колоссальные различия между довоенным и послевоенным периодами в истории Японии.

«Меня больше всего впечатлил быстрый прогресс технологий в послевоенной Японии. В Токио так много высоких зданий и автомобилей. "Сверхскоростные" поезда? Они очень быстрые», - говорил Онода.

«Телевидение может быть удобным, - заявлял Онода, - но оно не влияет на мою жизнь здесь. Я не знаю, почему. Экран телевизора раздражает мои глаза. Я не очень часто смотрю телевизор».

На вопрос, что он думает об американцах в Японии, Онода отвечал: «Поскольку война все еще маячит в моем сознании, я не могу заставить себя подружиться с американцами. Возможно, я сумасшедший. Перед тем, как я покинул Лубанг, американский офицер подарил мне кольцо. Но я перестал носить это кольцо».

В результате, из-за трудностей в адаптации к условиям современной Японии, а также бесконечного повышенного внимания со стороны средств массовой информации Японии, которые освещали, буквально, каждый шаг Оноды после его возвращения, Онода решил покинуть родину. В апреле 1975 г., вслед за своим старшим братом он эмигрировал в Сан-Паулу (Бразилия), где с конца XIX в. существует большая японская диаспора. На деньги, вырученные по контракту за издание своей автобиографической книги (160 000 долларов США), он купил ранчо площадью в 1200 гектаров и 1800 голов скота, после чего обосновался в Колонии Джамик – японской общине в Тереносе, штат Мату-Гросу-ду-Сул, Бразилия. В 1976 г. Хироо Онода женился на Матие Онуку, мастере чайной церемонии. В 1978 г. он основал общество «Японцы Бразилии» и занимал пост его председателя в течение восьми лет.

В 1984 г. Онода вернулся в Японию и спустя некоторое время основал общественную организацию «Школа природы Оноды» для воспитания здорового молодого поколения. «Я хочу воспитать здоровых японцев для своей страны», - говорил Онода.

Поводом для её создания стали новости об убийстве японским юношей своих родителей в 1980 г. «Я был шокирован, - писал позже Онода. – Мне это показалось знаком того, что японцы становятся слишком слабыми. Тогда я решил отправиться домой и основать школу для детей, чтобы помочь им быть сильнее».

Оноду, по его словам, беспокоила деградация и криминализация японской молодёжи, поэтому он решил помочь ей, используя опыт, который приобрёл на Лубанге, - распространением знаний о том, как благодаря находчивости,

изобретательности и стойкости ему удалось выживать в горах и джунглях. Главной задачей новой организации он видел социализацию юношества через познание природы, воспитание самостоятельности у молодых людей. С 1984 г. под руководством Оноды, школа ежегодно проводила летние лагеря для детей и их родителей по всей Японии, организовывала помощь детям-инвалидам, проводила научные конференции, посвящённые воспитанию. Каждый год участие в мероприятиях, организованных в рамках «Школы природы Оноды» принимало участие около 1000 детей.

В 1989 г. был создан Фонд Оноды, деятельность которого осуществлялась в рамках «школы природы Оноды». Президентом стал сам Хироо Онода.

За успешную работу с молодёжью, в 1999 г. Онода был награждён премией в области социального воспитания Министерства культуры, образования и спорта Японии.

Кроме этого, Онода читал лекции: в июне 2000 г. – в Университете Хокурику, в апреле 2001 г. – в Университете Такусёку. В своих публичных выступлениях Онода выступал за сохранение традиционных японских ценностей в семье, бизнесе и политике. 15 мая 2009 г. Онода прочитал двухчасовую лекцию под названием «Завещание Хироо Оноды Японии».

Онода являлся членом таких правоцентристских организаций, как Национальный Совет защиты Японии и Японское собрание, принимая участие в патриотических мероприятиях, а также стал активным членом японского отделения Международного Зелёного Креста.

В 1996 г. Онода снова посетил остров Лубанг, где пожертвовал 10 000 долларов местной школе. Сотни местных жителей приветствовали тогда Оноду на церемонии приветствия. «Мы предлагаем нашу теплую руку дружбы Японии через лейтенанта Хироо Оноду», - сказала Жозефина Рамирес Сато, губернатор провинции Западный Миндоро, которая пригласила Оноду в надежде привлечь больше японских инвестиций.

Благотворительный жест Оноды был тем более важен, что в 1968 г. японцы ночью украли несколько кровельных листов, сброшенных ураганом с крыши школьного здания в городке Лоок, чтобы укрыть свою временную хижину в горном лесу.

Однако, местный городской совет вручил тогда Оноде резолюцию с просьбой выплатить компенсацию семьям семи человек, которых он якобы убил, а группа из примерно 50 родственников жертв организовала акцию

протеста. «Мы не приветствуем Оноду, пока он не выплатит компенсацию всем своим жертвам. Мы просим добиться справедливости», - сказал тогда Вильфредо Блеза, представитель группы протестующих, а также добавил, что Онода в свое время украл скот, принадлежавший его семье.

Онода, который говорил, что надеется, что этот визит поможет ему забыть плохие воспоминания о своей службе без «единого по-настоящему счастливого дня», выглядел удивленным просьбами о компенсации и не принес никаких извинений за свои действия на острове Лубанг. «В любой стране солдаты действуют по приказу. До тех пор, пока они следуют приказам и не нарушают международное право, они не несут никакой ответственности», - заявил он.

Большинство жителей острова Лубанг, однако, были рады видеть Оноду, который тогда и сейчас является одним из самых известных японцев на Филиппинах. «Некоторые люди говорили, что он убил много людей. Но это уже ушло в прошлое. Он часть нашей истории», - сказала Эми Виллар, учительница средней школы.

И все же, из-за обиды местных жителей, все еще помнивших о его злодеяниях, долго Онода на Лубанге не пробыл и вскоре уехал. Больше на Филиппины он уже никогда не возвращался.

6 декабря 2004 г. Онода стал первым из японцев, который был награждён Медалью Сантоса-Дюмона «За заслуги», высшей наградой ВВС Бразилии для гражданских лиц. Он также получил звание почётного гражданина бразильского штата Мату-Гросу от правительства этого штата.

11 ноября 2005 г. японское правительство наградило Оноду Медалью Почета с синей лентой «За заслуги перед обществом».

Несмотря на свой преклонный возраст, Онода продолжал вести дела в Японии и Бразилии, периодически посещая обе страны: в основном он проживал в Японии, но каждый год минимум три месяца проводил в Бразилии.

Примечательно, что в 1970-е годы в Японии около 50 бывших военнослужащих Императорской армии Японии, которые принимали участие в боевых действиях на острове Лубанг, в том числе от 8 или 9 человек, сдавшихся в плен в августе 1945 г. и 41 человек, сдавшихся в плен в марте 1946 г., собравшись вместе, сформировали своеобразную ассоциацию товарищей по оружию под названием «Клуб Лубанг». Причиной, по которой они сформировали это объединение, стала смерть Кинсити Кодзуки и последующие спасательные операции с целью поиска Хироо Оноды. Однако после того, как

Онода вернулся в Японию живым, сам он не участвовал в деятельности «Луба Лубанг», игнорируя это объединение. В самой Японии причиной этого называют содержание «Воспоминаний», опубликованных Онодой вскоре после возвращения в Японию (приукрашивание собственной роли в событиях на острове Лубанг, противоречие логике того, что он не сдался, клевета на других офицеров и солдат и т.д.). В связи с этим, несмотря на то, что он выжил и вернулся домой национальным героем, утверждают также, что одной из причин, по которой он всего через год переехал из Японии в Бразилию, была вражда с его товарищами по оружию из-за преувеличений и лжи, содержащихся в «Воспоминаниях».

Онода – автор целого ряда книг, посвящённых его почти 30-летнему пребыванию на острове Лубанг (Филиппинские острова), а также вопросам, связанных с историей Второй мировой войны. Наиболее известная из них – это мемуары под названием «Моя тридцатилетняя война на Лубанге» (яп. わがルバン島の30年戦争 / Вага Рубан-сима но сандзю:нэн сэнсо:, 1974).

Кроме того, это изданные в разное время книги, в которых освещаются отдельные периоды в жизни Оноды: «Борьба, жизнь, 30 лет на острове Лубанг. Мои заметки» (1974 г.), «Моя бразильская жизнь» (1982 г.), «Мои воспоминания об острове Лубанг» (1988 г.), «30-летняя война одного человека» (1995 г.), «Хироо Онода – 30-летняя война на острове Лубанг» (1999 г.), «Битва на острове Лубанг через 30 лет после войны и мысли о храме Ясукуни» (2007 г.).

Некоторые книги связаны с деятельностью Оноды в качестве руководителя общественной организации «Школа природы Оноды»: «Дети природы, остров Лубанг, 30 лет» (1984 г.), «Дети – дети ветра, дети природы – естественное воспитание человека из джунглей» (1987 г.), «Что поддерживало меня на пределе возможностей» (1997 г.), «Чем вы, ребята, занимаетесь?» (2004 г.), «Жизнь» (2013 г.).

Некоторые книги, к примеру, посвященные храму Ясукуни («Итак, японцы, давайте отправимся в Ясукуни!») и некоторые другие, были написаны Онодой в соавторстве.

***

Скончался Хироо Онода 16 января 2014 г. в Токио, в Международной больнице Святого Луки, в весьма почтенном возрасте. Причиной смерти стали

осложнения, вызванные сердечной недостаточностью. На момент смерти ему было чуть более 90 лет. Узнав о его смерти, главный секретарь Кабинета министров Японии Есихидэ Суга сказал: «Когда Онода-сан вернулся в Японию, я понял – война окончательно завершилась».

Онода был типичным японским солдатом, воспитанным в духе милитаризма. Всякий раз, когда он слышал японскую военную песню, он заливался слезами от волнения. Когда у него неоднократно брали интервью средства массовой информации и его спрашивали, что он думает о сотнях жертв среди невинных филиппинских крестьян и разбитых семьях, он отвечал, что твердо верил, что находится в эпицентре войны и не несет ответственности за гибель мирного населения. Он неизменно говорил: «Солдат должен подчиняться приказам, и я не несу ответственности, если это не нарушает международное право».

Образ Хироо Оноды был воплощен в довольно многочисленных художественных проектах, большая часть из которых появилась в последние годы.

Так, 13 августа 2005 г., в преддверии 50-летия окончания Второй мировой войны в Японии по телевидению транслировалась драма «Слишком позднее возвращение младшего лейтенанта Хироо Оноды». Фильм демонстрировался по каналу Fuji TV.

В 2016 г. на экраны был выпущен короткометражный художественный фильм «Оставшиеся», в котором рассказывается о военнослужащих Императорской армии Японии, продолжавших сопротивление после капитуляции Японской империи³.

В 2016 г. вышел независимый короткометражный художественный фильм «Война Оноды»⁴.

В 2018 г. вышел независимый короткометражный художественный фильм «Последний императорский солдат»⁵.

В 2021 г. вышел независимый полнометражный художественный фильм «Онода: 10 000 ночей в джунглях» (р. Артур Харари), в котором рассказывается о том, как младший лейтенант Императорской армии Японии Хироо Онода, который во время Второй мировой воевал против союзников на филиппинском острове Лубанг, после окончания войны отказался в это верить и вместе со своим отрядом продолжил партизанить⁶. Эта картина имела довольно значительный резонанс среди общественности, в особенности, японской.

Фильм был показан на Каннском кинофестивале 2021 года и представлен в номинации «Особый взгляд». Фильм также получил несколько кинематографических наград в т.ч. Приз Луи Деллюка (Франция) за 2021 год.

Известность также получил роман Вернера Херцога «Сумеречный мир», который представляет собой вымышленный рассказ об опыте Хироо Оноды на Лубанге⁷.

В 2011 г. муниципалитет Лубанга открыл туристический объект, посвященный Оноде, - «Тропа и пещеры Оноды» (англ. Onoda Trail and Caves), расположенный на острове Лубанг. Пещера, где он с товарищами иногда скрывался, расположена всего в нескольких километрах от той самой радарной базы ВВС Филиппин, которую они в течение долгих лет нахождения на острове Лубанг стремились уничтожить, совершая многочисленные диверсии.

В Японии же вплоть до настоящего времени действует Мемориальный фонд Оноды, сотрудники которого продолжают дело, начатое Хироо Онодой в рамках «Школы природы Оноды». Главный лозунг Мемориального фонда Оноды: «Мы обеспечиваем всестороннее развитие молодежи посредством различных мероприятий на свежем воздухе»⁸.

***

---

1 . См.: 小野田寛郎 / Onoda, Hiroo. わがルバン島の 30 年戦争/ Waga Rubantō no 30-nen sensō. Tōkyō: Kōdansha, 1974.

2 . См., напр., Onoda, Hiroo. No Surrender: My Thirty-year War. Tokyo; New York; San Francisco: Kodansha International; Harper & Row, 1974; Onoda, Hiroo. No Surrender: My Thirty-year War. Annapolis: Naval Institute Press, 1999.

3. Holdout. URL: <https://www.imdb.com/title/tt5724046/>.

4. Onoda's War. URL: <https://www.imdb.com/title/tt6011170/>.

5. The Last Imperial Soldier. URL: <https://www.imdb.com/title/tt9494334/>.

6. Onoda. URL: <https://www.imdb.com/title/tt9844938/>.

7. Herzog, Werner. Das Dämmern der Welt. Carl Hanser Verlag GmbH & Co, 2021.

8. 【自然塾】小野田記念財団. URL: <https://onoda-shizenjuku.jp/>.

ДРУГИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ЯПОНИИ

Младший лейтенант войсковой разведки Императорской армии Японии Хироо Онода получил наибольшую известность из «оставшихся», т.е. военнослужащих Императорской армии Японии, которые продолжили вооруженное сопротивление после капитуляции Японской империи, однако, его случай вовсе не являлся единственным в своем роде.

Далее представлен обзор случаев, связанных с личностью других военнослужащих Императорской армии Японии, которые вели «свою войну» после 1945 г.

***

Уже в первые месяцы после капитуляции Японской империи широкую известность в Японии и за ее пределами получил случай, связанный с личностью капитана Сакаэ Оба.

Сакаэ Оба (1914-1992) – офицер Императорской армии Японии, получивший известность как командир последнего организованного подразделения Императорской армии Японии, оказывавшего сопротивление войскам союзников на острове Сайпан (Марианские острова), в данном случае – США.

Сакаэ Оба родился 21 марта 1914 г. в семье крестьянина в посёлке Гамагори (префектура Айти).

В 1933 г. Сакаэ Оба окончил педагогическое училище и в течение года работал учителем географии в муниципальной школе. Работая учителем, Сакаэ Оба женился на Минеко Хирано, которая также проживала в посёлке Гамагори.

В 1934 г. Сакаэ Оба был призван в Императорскую армию Японии. Первоначально проходил военную службу в 18-м пехотном полку, который базировался в соседнем городе Тоёхаси. Вскоре Сакаэ Оба прошел специальную подготовку и был отправлен в Маньчжоу-Го, где основная часть солдат и офицеров 18-го пехотного полка уже находилась на службе.

В 1936 г. 18-й пехотный полк, в котором проходил военную службу Сакаэ Оба, вернулся в место своей первоначальной дислокации в Тоёхаси, после чего, воссоединился со своей женой. Тогда же, непродолжительно время он вновь работал в качестве учителя.

В 1937 г., в связи с началом Японо-китайской войны 1937-1945 гг. в Японии началась мобилизация и Сакаэ Оба был вновь призван в действующую армию. Принимал участие в военных действиях на территории Китая, в т.ч. в развернувшейся тогда битве за Шанхай.

В 1937-1943 гг. Сакаэ Оба неоднократно получал повышение в воинском звании: в 1937 г. – до младшего лейтенанта, в 1939 г. – до старшего лейтенанта, в 1943 г. – до капитана. В 1941 г. был назначен командиром роты.

В начале 1944 г. 18-й пехотный полк был выведен из Маньчжурии и передислоцирован на Тихоокеанский театр военных действий. При этом, 29 февраля 1944 г. недалеко от острова Сайпан транспортное судно «Сакито Мару», на борту которого находились солдаты и офицеры 18-го пехотного полка, было поражено торпедой, выпущенной американской подводной лодкой USS Trout. Корабль затонул, унеся с собой более половины личного состава 18-го пехотного полка. Суда сопровождения прибыли к месту потопления достаточно быстро и спасли около 1800 выживших, после чего доставили их на Сайпан.

После проведенной реорганизации большая часть личного состава 18-го пехотного полка была переброшена на остров Гуам, однако, почти 600 военнослужащих, включая капитана Сакаэ Оба, пришлось оставить на Сайпане. Сакаэ Оба было поручено организовать медицинскую роту в составе 225 человек, состоящую из военнослужащих, среди которых далеко не все были медиками, но которые пережили катастрофу. Они получили то небольшое

снаряжение, что было в наличии, и к середине мая 1944 г. организовали на острове Сайпан пункт по оказанию медицинской помощи.

Таким образом, с начала 1944 г. Сакаэ Оба проходил военную службу на острове Сайпан (Марианские острова), на котором в течение 15 июня – 9 июля 1944 г. развернулось одно из самых известных сражений на Тихоокеанском театре военных действий.

Битва за Сайпан представляет собой одно из сражений, состоявшихся во время Тихоокеанской кампании Второй мировой войны 1939-1945 гг., проходившее на острове Сайпан, одном из Марианских островов, с 15 июня по 9 июля 1944 г. Это сражение стало первым в Марианско-палаусской наступательной операции ВС США против Императорской армии Японии.

Япония считала Сайпан важнейшей линией обороны для метрополии, и поэтому уделяла большое внимание его обороне. С конца 1930-х годов на острове Сайпан усиливается присутствие Императорской армии Японии и Императорского флота Японии. Гарнизон острова Сайпан усиливается строительством многочисленных береговых артиллерийских батарей, береговых оборонительных сооружений, подземных фортификационных сооружений и взлетно-посадочных полос.

С 12 по 14 июня 1944 г. продолжалась бомбардировка мест дислокации подразделений Императорской армии Японии на острове Сайпан.

15 июня 1944 г. началась высадка ВС США, когда бронетранспортёры-амфибии высадили на Сайпане первые 8 тысяч американских солдат и офицеров. В последующие дни были высажены все остальные части, предназначенные для захвата острова Сайпан.

2-я и 4-я дивизия морской пехоты и 27-я пехотная дивизия под командованием генерал-лейтенанта Холланда Смита разгромили 43-ю дивизию под командованием генерал-лейтенанта Ёсицугу Сайто. В этих боях американцы впервые применили напалм.

К 6 июля 1944 г. остров Сайпан почти полностью контролировался ВС США. В ночь с 6 на 7 июля 1944 г. гарнизон под командованием генерал-лейтенанта Ёсигицу Сайто перешёл в самоубийственную по своему характеру атаку, которая привела к огромным потерям среди военнослужащих Императорской армии Японии.

В последние дни сражения тысячи японских солдат и офицеров, чтобы не попасть в плен к американцам, совершили самоубийства, прыгая с криком «Банзай!» со скалы, получившей впоследствии название «Банзай-Клифф». Покончило с собой около 5 000 японских военнослужащих.

Значительны были жертвы и среди мирного населения. Погибло 22 тысячи человек из числа местных жителей острова Сайпан. Многие покончили жизнь самоубийством.

Из примерно 30 тысяч японских солдат и офицеров, принимавших участие в битве за Сайпан, было взято в плен только 921 человек, большинство из них – благодаря уговорам знакомого с японской культурой и психологией капрала Морской пехоты США Гая Габалдона, прозванного за это «Сайпанским крысоловом».

В результате, ожесточённые бои, продолжавшиеся до 9 июля 1944 г., завершились гибелью почти всех японских военнослужащих, находившихся на острове Сайпан. По имеющимся данным, погибло 24 тысяч солдат и офицеров Императорской армии Японии, включая генерал-лейтенанта Ёсигицу Сайто и адмиралов Тюити Нагумо и Такэо Такаги.

Захват острова Сайпан стоил американцам 3 426 человек убитыми и 10 364 ранеными.

Потеря острова Сайпан стала тяжёлым ударом для военного правительства Японии, в особенности для премьер-министра Хидэки Тодзио, который был вынужден уйти в отставку.

С захватом острова Сайпан ВС США находились теперь лишь в чуть более 2000 км от основной территории Японии. Таким образом, эта победа приобрела стратегически важное значение в войне на Тихоокеанском театре военных действий, поскольку Япония оказалась в пределах досягаемости американских тяжёлых бомбардировщиков B-29 Superfortress. Для США остров стал важной базой в последующей наступательной операции на Марианских островах и Филиппинах. На Сайпане базировались бомбардировщики, атаковавшие другие острова Марианского архипелага, Филиппинские острова, остров Рюкю и, собственно, Японию.

В ходе битвы за Сайпан капитан Сакаэ Оба и его подчиненные приняли участие в самоубийственной атаке, которая была предпринята в ночь с 6 на 7 июля 1944 г. Сакаэ Оба в отличие от многих других военнослужащих Императорской армии Японии удалось выжить, хотя, в Японии его считали погибшим и 30 сентября 1944 г. «посмертно» удостоили воинского звания майор.

На самом деле капитан Сакаэ Оба пережил битву за Сайпан, при этом, не сдался в плен и постепенно принял на себя командование над более чем 100 другими военнослужащими Императорской армии Японии, которые также выжили в ходе битвы за Сайпан. При этом, только пять человек из его первоначального подразделения выжили в битве за Сайпан, а двое погибли в последующие месяцы.

В результате, когда 9 июля 1944 г. союзные войска полностью заняли остров Сайпан, Сакаэ Оба с группой своих подчиненных оказались в джунглях Сайпана, приняв решение продолжать партизанскую войну против них.

Сакаэ Оба увел за собой вглубь джунглей острова Сайпан также более 200 мирных жителей, чтобы избежать их захвата американцами. Их разместили в горных пещерах и скрытых деревнях в джунглях. Когда солдаты не помогали мирным жителям справляться с задачами выживания, Сакаэ Оба и его подчиненные осуществляли нападения на размещенные на Сайпане части Морской пехоты США.

Отряд под командованием капитана Сакаэ Оба использовал гору Тапочау в качестве своей основной базы. С высоты 474 метра над уровнем моря открывался отличный обзор на остров Сайпан на 360 градусов вокруг. Из своего базового лагеря на западном склоне горы Сакаэ Оба и его подчиненные время от времени вели партизанские операции. Осуществлялись налеты на американские позиции. Из-за скорости и скрытности этих операций, а также из-за неудачных попыток найти диверсантов, американские морские пехотинцы на Сайпане в конце концов назвали Сакаэ Оба «Лисом».

В сентябре 1944 г. американские морские пехотинцы начали патрулирование внутренних районов острова Сайпан в поисках выживших военнослужащих Императорской армии Японии, совершавших набеги на их лагерь в поисках припасов. Эти патрули иногда встречали японских солдат или гражданских лиц, и когда они попадали в плен, их допрашивали и отправляли в соответствующий лагерь для военнопленных. Именно во время этих допросов американские морские пехотинцы впервые услышали имя капитана Сакаэ Оба.

В разгар охоты на отряд под командованием капитана Сакаэ Оба командующий местным гарнизоном разработал план, согласно которому американские морские пехотинцы должны были выстроиться в линию по всей ширине острова, примерно в двух метрах друг от друга, направляясь с юга на север, тщательно прочесывая территорию острова Сайпан.

Командующий понимал, что Сакаэ Оба и его подчиненные должны будут сражаться, сдаться или отброшены на северную оконечность острова Сайпан и, в конечном итоге, схвачены. В связи с предпринятой поисковой операцией пожилые и немощные мирные жители, к тому моменту находившиеся в лагере, вызвались сдаться. И, хотя некоторые военнослужащие Императорской армии Японии хотели сражаться, капитан Сакаэ Оба заявил, что их главная задача заключалась в том, чтобы защитить мирных жителей и остаться в живых, чтобы продолжить войну. Когда линия американских морских пехотинцев приблизилась к району, где размещался лагерь, большинство оставшихся японских солдат и гражданских лиц поднялись на скрытую от глаз горную поляну, в то время как другие разместились на склоне горы, цепляясь за узкие скальные выступы. Они сохраняли эти позиции большую часть дня, пока американские морские пехотинцы пересекали окружающую местность, обыскивая находившиеся там хижины и сады. В некоторых местах японцы находились на уступах менее чем в 20 футах (около 6 м) над головами американских морских пехотинцев. Поиски американских морских пехотинцев оказались тщетными, и эта неудача в конечном итоге привела к назначению нового командующего местным гарнизоном

Капитан Сакаэ Оба и его подчиненные продержались на острове Сайпан 512 дней. 27 ноября 1945 г. бывший генерал-майор Умахати Амо, командир 9-й отдельной смешанной бригады, которая принимала участие в битве за Сайпан, смог выманить некоторых из скрывавшихся военнослужащих Императорской армии Японии, привлекая их вниманием исполнением известной японской

военной песни. После этого Умахати Амо представил документы из уже несуществующего к тому моменту Генерального штаба капитану Сакаэ Оба, приказав ему и его 46 оставшимся в живых подчиненным сдаться американцам.

Сдача в плен группы военнослужащих Императорской армии Японии во главе с капитаном Сакаэ Оба состоялась 1 декабря 1945 г., т.е. через три месяца после официальной капитуляции Японии.

Согласно свидетельствам участников и очевидцев событий, оставшиеся в живых военнослужащие Императорской армии Японии собрались на горе Тапохау и спели военную песню «Мастерство пехоты» (1911 г.) в честь погибших. Затем Сакаэ Оба вывел своих людей из джунглей в расположение американских морских пехотинцев. Соблюдая все формальности и, как свидетельствовали очевидцы, с честью и достоинством, капитан Сакаэ Оба передал свой меч подполковнику Говарду Г. Киргису. Подчиненные Сакаэ Оба, выстроившись в шеренгу, с развернутым национальным флагом Японии, также сдали свое оружие.

Подразделение под командованием капитана Сакаэ Оба было последней организованной точкой японского сопротивления на острове Сайпан и, как считается, на всём Тихоокеанском театре военных действий.

Примечательно, что после того, как японское правительство подтвердило, что Сакаэ Оба жив и все еще находится на острове Сайпан, его «посмертное» продвижение по службе было отменено.

В 1946 г. после освобождения из-под стражи Сакаэ Оба был репатриирован. Сакаэ Оба вернулся в Японию к своей семье. Оказавшись на родине, Сакаэ Оба впервые увидел своего сына, родившегося в 1937 г. после того, как он отбыл в Китай.

По возвращению в Японию Сакаэ Оба стал успешным бизнесменом. В 1952-1992 гг. он работал в аппарате совета директоров компании *Maruei Department Store*.

Кроме того, Сакаэ Оба некоторое время, в течение 1967-1979 гг. работал в городском совете посёлка Гамагори.

Интересная история связана с японским мечом катаной, который 1 декабря 1945 г. в ходе своей капитуляции капитан Сакаэ Оба передал подполковнику Говарду Г. Киргису.

Бывший морской пехотинец США Дон Джонс, подразделение которого дислоцировалось на острове Сайпан и который когда-то входил в группу,

осуществлявшую поиск отряда под командованием капитана Сакаэ Оба, проявил интерес к этому беспрецедентному во многих отношениях случаю японского сопротивления и разыскал Сакаэ Оба после войны. В сотрудничестве с Сакаэ Оба Дон Джонс написал книгу о своем участии в событиях, происходивших в 1944-1945 гг. на острове Сайпан, подробно описав также действия отряда под командованием капитана Сакаэ Оба. Книга «Последний самурай: Сайпан, 1944-1945 гг.» была издана в 1982 г. на японском языке, а спустя два года вышла в переводе на английский.

Дон Джонс стал другом семьи Оба на всю жизнь и, в стремлении сделать дружеский жест, нашел отставного подполковника Говарда Г. Киргиса, которому Сакаэ Оба сдался в 1945 г., надеясь уговорить его вернуть меч, который ему передал Сакаэ Оба, когда он сдался. Это ему удалось и, в итоге, увезя этот меч в Японию, Дон Джонс передал Сакаэ Оба реликвию. В настоящее время, этот японский меч катана находится во владении семьи Оба.

Сакаэ Оба скончался 8 июня 1992 г. в возрасте 78 лет. Его останки были захоронены в семейной могиле Оба в храме Коуун в Гамагори.

В 2011 г. на экраны вышел полнометражный художественный фильм «Оба: последний самурай». Картина была создана японскими кинематографистами и представляет собой довольно подробное изложение истории капитана Сакаэ Оба, оказывавшего сопротивление войскам союзников на острове Сайпан (Марианские острова).

***

После капитуляции Японской империи, наряду с членами группы Оноды, на *Филиппинах* было зафиксировано еще несколько случаев, которые были связаны с «оставшимися», являвшихся военнослужащими Императорской армии Японии.

Филиппины оказались вовлечены в события на Тихоокеанском театре военных действий уже 7 декабря 1941 г., когда были осуществлены внезапные удары японской авиации по американским военным объектам в Пёрл Харборе и на Филиппинах.

Императорская армия Японии осуществила Филиппинскую операцию (8 декабря 1941 г. – 6 мая 1942 г.). После вывода из строя в результате воздушных ударов почти всей американской авиации в декабре 1941 г. японские войска высадилась на острове Лусон и 2 января 1942 г. заняла Манилу. 6 мая 1942 г. блокированные на полуострове Батаан и в крепости Коррехидор американско-филиппинские войска капитулировали.

В японской оккупации на Филиппинах стало расти движение за национальное освобождение и создаваться партизанские отряды. Главными организаторами освободительного движения на Филиппинах были националисты и коммунисты, основавшие в феврале 1942 г. Национальный антияпонский единый фронт, который выступал за

«полную независимость» Филиппин – от Японии и от США. В 1942 г. различные партизанские отряды и группы объединились в Национальную антияпонскую армию (Хукбалахав).

В 1943 г. произошёл перелом в ходе войны на Тихом океане. США и Великобритания ликвидировали последствия поражений 1941-1942 гг., изменили соотношение сил в свою пользу и захватили стратегическую инициативу.

15 сентября 1943 г. японское правительство и верховное командование установили «сферу, которую следует удерживать во что бы то ни стало», - от Курильских островов на севере до Бирмы на западе и Новой Гвинеи на юге. По существу, эта сфера включала в себя все основные территории, захваченные Японией в 1941-1942 гг. Было также решено, что «империя до последней возможности будет избегать войны с Советским Союзом».

Чтобы удержать захваченные территории, Япония прибегла к политическим маневрам, в т.ч. и на Филиппинах. 14 октября 1943 г. группа связанных с Японией политических деятелей Филиппин обнародовала декларацию о независимости Филиппинских островов, сформировала правительство и заключила союз с Японией.

В целом стратегическая обстановка к концу 1944 г. резко изменилась в пользу союзников. Войска Императорской армии Японии были блокированы на островах в центральной и юго-западной частях Тихого океана. Важнейшие морские коммуникации Японии оказались под контролем союзных вооружённых сил.

17 октября 1944 г. союзные войска начали Филиппинскую десантную операцию. После 3-дневной авиационной и артиллерийской подготовки 20 октября 1944 г. началась высадка морского десанта на острове Лейте, который к 25 декабря 1944 г. был очищен от японских войск. Во время боев за Лейте 23-25 октября 1944 г. в районе Филиппин произошли морские сражения, в которых японский флот понёс тяжёлые потери, что обеспечило в дальнейшем американским войскам беспрепятственную высадку на др. островах Филиппинского архипелага. 9 января 1945 г. американские войска высадились на острове Лусон и после упорных боев 4 марта 1945 г. заняли Манилу. В марте – апреле 1945 г. были высажены десанты на островах Минданао, Панай, Негрос и др. К середине мая 1945 г. боевые действия на Филиппинах были фактически закончены, но их полное очищение от мелких японских отрядов продолжалось до 15 августа 1945 г.

Так, например, 1 января 1946 г. около 20 военнослужащих Императорской армии Японии, которые прятались в одном из подземных тоннелей, находившихся на острове Коррехидор, сдались американскому военнослужащему.

25 января 1946 г. в одном из горных районов, расположенных в 200 км к югу от Манилы филиппинским батальоном, который был усилен частями 86-й пехотной дивизии ВС США, было разгромлено подразделение военнослужащих Императорской армии Японии численностью 120 человек. По имеющейся информации, японцы были вооружены стрелковым оружием и, по крайней мере, одним ручным пулеметом. В ходе столкновения 72 японца было убито, выжившие выслежены и большинство из них задержаны.

В апреле 1947 г. 15 военнослужащих Императорской армии Японии сдались американцам на острове Лусон.

В апреле 1947 г. 7 военнослужащих Императорской армии Японии сдались американцам на острове Палаван.

В январе 1948 г. на острове Минданао сдалась большая группа военнослужащих Императорской армии Японии численностью около 200 человек.

В ноябре 1956 г. на острове Миндоро сдались четыре скрывавшихся здесь военнослужащих Императорской армии Японии: лейтенант *Сигеити Ямамото* (?-?) и капралы *Унитаро Исии* (?-?), *Масадэи Изумида* (?-?) и *Джуи Накано* (?-?).

Известность также получила история, участником которой оказался матрос *Нобору Киносита* (?-1955).

В 1944 г. матрос Императорского флота Японии Нобору Киносита находился на борту военного транспорта у берегов Филиппин, когда корабль был атакован и потоплен американскими самолетами. Он был одним из немногих выживших, которым удалось спастись, вплавь достигнув берегов острова Самар, причем, после нескольких часов нахождения в воде. На острове Самар он присоединился к находившимся там частям японских войск и в составе этих подразделений оказался на острове Лусон, на котором вскоре начались военные действия с участием японских и американских войск.

Когда воинское подразделение, в котором находился Нобору Киносита было разгромлено, оставшиеся в живых японские военнослужащие рассредоточились и ушли вглубь джунглей острова Лусона, успешно уклоняясь от американских войск и филиппинских партизан. В джунглях, без какого-либо контакта с внешним миром, Нобору Киносита в течение следующих 10 лет влачил жалкое существование, питаясь ящерицами, лягушками, обезьянами, фруктами, а также любыми другими съестными припасами, которые он мог найти.

Не зная, что Вторая мировая война закончилась, Нобору Киносита изо всех сил пытался остаться в живых, ожидая дня, когда вооруженные силы Японской империи вернутся, чтобы отбить у противника Филиппинские острова и спасти его.

По сообщениям средств массовой информации, в ноябре 1955 г. Нобору Киносита был схвачен в джунглях острова Лусон. Задержание его филиппинской полицией произошло в момент, когда он совершал набег на

грядку, на котором рос сладкий картофель, принадлежавшую одному из жителей деревни.

Находясь под стражей, Нобору Киношита просил филиппинских охранников его убить. Они отказались и примерно через месяц после поимки Нобору Киносита сумел покончить жизнь самоубийством, повесившись, вместо того, как указывали в прессе, чтобы «вернуться в Японию с поражением».

Период, в течение которого Нобору Киносита продолжал сопротивление после капитуляции Японской империи, составил чуть более 10 лет. На момент самоубийства ему было 33 года.

***

Целая группа военнослужащих Императорской армии Японии из числа офицеров после капитуляции Японии оказались «оставшимися» в *Индокитае*.

С началом Второй мировой войны особое положение создалось во французском Индокитае, который тогда объединял Вьетнам, Лаос и Камбоджу.

Положение в Индокитае во многом зависело от ситуации, складывающейся в Европе, где 10 мая 1940 г. Германия начала наступление против Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга.

Япония, пользуясь ослаблением Франции после ее капитуляции перед Германией в 1941 г., ультимативно потребовала размещения японских гарнизонов в Индокитае. Правительство Виши приняло японский ультиматум, пошло на сговор с японскими милитаристами и согласилось на оккупацию ими Индокитая (франко-японские конвенции 22 сентября 1940 г. и 26 июля 1941 г.), на территорию которого были введены японские войска. При этом, в Индокитае наряду с японскими оккупационными властями продолжала существовать французская колониальная администрация, активно сотрудничавшая с оккупантами, а франко-японские соглашения 1940-1941 гг. обеспечили Японии огромные возможности эксплуатации природных ресурсов Индокитая

В Индокитае после вступления в него японских войск вспыхнуло стихийное восстание, охватившее восемь северных провинций. Оно было подавлено, но борьба против захватчиков не прекратилась. По инициативе Коммунистической партии Индокитая началось формирование вооруженных отрядов, которые в октябре 1940 г. впервые вступили в бой с оккупантами. В мае 1941 г. участники Сопротивления в Индокитае основали Лигу борьбы за независимость Вьетнама (Вьетминь), которую возглавили коммунисты. Лига борьбы за независимость Вьетнама, возглавляемая коммунистами, вела борьбу как против французских колонизаторов, так и против японских оккупантов. С конца 1941 г. во Вьетнаме появились первые партизанские отряды, которые базировались в горных и лесных районах и постепенно устанавливали контроль над ними.

В 1943-1944 гг. в Индокитае увеличилась численность партизанских отрядов, руководимых компартией и Лигой борьбы за независимость Вьетнама. К концу 1943 г. они контролировали значительную часть территории в северных районах Вьетнама. В декабре 1944 г. на базе партизанских групп был создан первый регулярный отряд освободительной армии.

В 1945 г. поскольку союзные войска приближались к Индонезии и Индокитаю, японское правительство решило привлечь население этих стран на свою сторону предоставлением им фиктивной независимости по образцу Филиппин и Бирмы.

В Индокитае 9 марта 1945 г. японские войска разогнали французскую колониальную администрацию и разоружили французские гарнизоны. Входящие в состав французского Индокитая Вьетнам, Лаос и Камбоджа были объявлены «независимыми» государствами. В каждом из них японские оккупанты создали марионеточные правительства при сохранении реальной власти в руках японского командования.

Освобождение Индокитая от японской оккупации состоялось уже после объявления императором Японии о капитуляции. Во Вьетнаме по призыву Коммунистической партии и Лиги Вьетминь 15 августа 1945 г. началась Августовская революция. Руководство восстанием осуществлял Национальный комитет освобождения Вьетнама во главе с Хо Ши Мином. Вьетнамская освободительная армия, численность которой за несколько дней выросла более чем в 10 раз, разоружала японские гарнизоны, разгоняла марионеточную администрацию и создавала новые органы власти – Народные комитеты. 24 августа 1945 г. император Вьетнама Бао Дай отрекся от власти. Власть перешла к Национальному комитету освобождения, осуществлявшему функции Временного правительства. 2 сентября 1945 г. Хо Ши Мин огласил «Декларацию независимости Вьетнама», с чем, однако, не согласилась Франция и, последняя, стремясь сохранить контроль за своим колониальным владением, развязала колониальную войну (1946-1954 гг.).

Примечательно, что многие военнослужащие Императорской армии Японии из числа «оставшихся» в Индокитае, приняли участие в Первой Индокитайской войне 1946-1954 гг. на стороне Вьетминя – военно-политической организации, созданной Хо Ши Мином для борьбы за независимость Вьетнама от Франции.

Среди них – майор *Сэй Игава (1913-1946)*, офицер Императорской армии Японии, который после поражения Японии во Второй мировой войне остался в Индокитае, где на стороне Вьетминя участвовал в Первой Индокитайской войне 1946-1954 гг.

Сэй Игава родился 14 апреля 1913 г. в семье директора начальной школы в префектуре Ибараки.

В 1931 г. после окончания средней школы Сэй Игава поступил в военную академию, обучение в которой проходил в течение 1931-1935 гг., после чего был зачислен в 8-й кавалерийский полк.

В 1937 г. Сэй Игава получил воинское звание лейтенант. В дальнейшем, Сэй Игава неоднократно получал повышение в воинском звании: в 1939 г. – до капитана, в 1942 г. – до майора.

В июле 1938 г. Сэй Игава был прикомандирован к 4-й кавалерийской танковой бригаде.

В декабре 1940 г. Сэй Игава был направлен в 48-й поисковый полк, проходя службу в котором он впервые столкнулся с войной на Тихом океане.

В декабре 1942 г. Сэй Игава был направлен на Молуккские острова в качестве штабного офицера 19-й армии.

В марте 1945 г. Сэй Игава был направлен в Главный штаб Южной группы армий, а в мае того же года был приписан к штабу 34-й отдельной смешанной бригады, после чего прибыл в Хюэ (Вьетнам), где вскоре тайно подписал пакт о ненападении с местными представителями Вьетминя.

В это время, в старом королевском дворце в Хюэ хранились тысячи единиц оружия и боеприпасов, захваченных в ходе операции «Мэйго Сакусэн» в марте 1945 г. у французских войск, расквартированных в Индокитае. В августе 1945 г., в условиях фактического поражения Японии, Сэй Игава приказал своему подчинённому, младшему лейтенанту Мицунобу Накахаре разблокировать военный склад и осуществить передачу оружия и боеприпасов представителям Вьетминя без какого-либо прямого участия со стороны Императорской армии Японии.

Спустя некоторое время, Сэй Игава отдал приказ о создании лагеря для 34-й отдельной смешанной бригады к западу от Дананга, а также принял меры по организации в этой местности сельскохозяйственных работ в целях обеспечения продовольствием разоруженных по условиям капитуляции Японской империи военнослужащих Императорской армии Японии.

Одновременно с этим, Сэй Игава, находясь в Хюэ, установил контакт с Нгуен Суном, представляющим в своем лице Демократическую Республику Вьетнам, провозглашенную в сентябре 1945 г. Нгуен Сун тогда занимал пост председателя Южного комитета сопротивления и командующего частями сил Вьетминя в этой части Вьетнама.

В это время Сэй Игава помогал осуществлять для Вьетминя перевод японских военных учебников («Руководство по действиям пехоты» и др.) с японского на французский язык. Кроме того, Сэй Игава написал общее руководство по стратегии и тактике военных действий Вьетминя против Франции и рекомендации по подготовке воинских подразделений. Сэй Игава также оказывал помощь Вьетминю в подготовке офицеров низшего и среднего звена и регулярно обменивался мнениями с Нгуен Суном о порядке ведения боевых действий в ходе развернувшейся к тому моменту Первой Индокитайской войны.

21 марта 1946 г. Сэй Игава фактически присоединился к силам Вьетминя и отправился на фронт в составе его воинских подразделений. В тот же день Сэй

Игава вёл по дороге джип, следуя перед грузовиком, в котором находилось несколько десятков бойцов Вьетминя, направляясь в район для обеспечения обороны. В момент передвижения по горной дороге, ведущей к стратегически важному населенному пункту Плейку, колонна попала во французскую засаду. По свидетельству члена Вьетминя Фан Таня, находившегося в этой колонне, Сэй Игава остановил джип, увидев упавшее на дорогу дерево, преграждавшее путь, вытащил из кобуры пистолет и направился к грузовику, приказав вьетнамским солдатам эвакуироваться. В этот момент французы обстреляли остановившиеся на дороге автомобили, в результате чего, Сэй Игава и еще несколько членов Вьетминя погибли.

После смерти Сэй Игава получил Орден Священного сокровища 5-й степени, а его имя было включено в список погибших в храме Ясукуни.

Кроме того, это майор *Такуи Исии (1919-1950)* – офицер Императорской армии Японии, который после поражения Японии во Второй мировой войне остался в Индокитае, где на стороне Вьетминя участвовал в Первой Индокитайской войне 1946-1954 гг.

Такуи Исии родился 3 декабря 1919 г. в городе Фукуяма префектуры Хиросима.

В 1937 г. после окончания средней школы Такуи Исии поступил в военную академию, обучение в которой проходил в течение 1937-1940 гг., после чего был зачислен в 11-й кавалерийский полк.

В 1940 г. Такуи Исии получил воинское звание лейтенант. В дальнейшем, Такуи Исии неоднократно получал повышение в воинском звании: в 1941 г. – до старшего лейтенанта, в 1943 г. – до капитана, в 1945 г. – до майора.

В ноябре 1941 г. Такуи Исии вступил в должность командира роты 55-го кавалерийского полка 55-й дивизии, проходя службу в которой он впервые столкнулся с войной на Тихом океане. Принимал участие в боевых действиях на территории Бирмы.

В марте 1945 г. Такуи Исии стал штабным офицером 55-й дивизии. В июле 1945 г. 55-я дивизия была передана в состав 38-й армии и переброшена из Бирмы в Камбоджу в рамках подготовки к вторжению союзников в Индокитай.

После капитуляции Японии Такуи Исии доложил в штаб 55-й дивизии, что принял для себя решение вместе с другими японскими добровольцами из числа военнослужащих 55-й дивизии участвовать в войне за независимость Вьетнама.

В октябре 1945 г. группа военнослужащих Императорской армии Японии, в числе которых был Такуи Исии, а также майор Тосихидэ Канетоши (командир 2-го батальона 144-го пехотного полка 55-й дивизии) и другие офицеры и солдаты, переправились на грузовике в Южный Вьетнам. Оказавшись в Лонгсюене, Такуи Исии осуществил вербовку еще одной группы военнослужащих Императорской армии Японии, утверждая, что долг профессиональных солдат – участвовать в войнах за независимость в других странах.

В мае 1946 г. Такуи Исии переехал в Куангнгай, где в качестве военного инструктора принимал участие в обучении бойцов Вьетминя. Обучение бойцов Вьетминя происходило также в Туй Хоа и Нинь Хоа. Примечательно, что помощником Такуи Исии был еще один военнослужащий Императорской армии Японии из числа офицеров – Ёсио Такано.

В конце 1948 г. или начале 1949 г., в связи с успешным продвижением французских войск в район Куангнгай, Такуи Исии был назначен военным советником в 308-м батальоне Вьетнамской народной армии (ВНА) и, в результате, внес довольно существенный вклад в повышение боеготовности этого воинского подразделения, впоследствии ставшего одним из самых лучших в составе ВНА.

В 1949 г. Такуи Исии в качестве военного советника принял участие в серии диверсионных операций, целью которых являлось нарушение тыла французских войск в южной части Вьетнама. Подразделение, в котором находился Такуи Исии, получило название «Батальон Ба Дунг», и в его составе было около 20 бывших военнослужащих Императорской армии Японии.

20 мая 1950 г. Такуи Исии погиб в Южном Вьетнаме. Согласно свидетельствам очевидцев, майор Исии и младший лейтенант Ояма были убиты в результате подрыва фугаса, заложенного французской армией.

После смерти Такуи Исии его имя было включено в список погибших в храме Ясукуни. В Южном Вьетнаме, уже в 1960-е годы в честь Такуи Исии и его двух подчиненных во время Первой Индокитайской войны Шиничи Осака и Йокити Итикава, в Сайгоне (совр. Хошимин) был воздвигнут памятник. Позднее монумент был перенесен на территорию штаба 2-й смешанной бригады Сухопутных сил самообороны (ныне 14-я бригада), расположенного в городе Дзэнцудзи (префектура Кагава).

Наконец, это младший лейтенант *Кикуо Танимото (1922-2001)* – офицер Императорской армии Японии, который после поражения Японии во Второй мировой войне остался в Индокитае, где на стороне Вьетминя участвовал в Первой Индокитайской войне 1946-1954 гг.

Кикуо Танимото родился в июле 1922 г. в префектуре Тоттори.

Кикуо Танимото проходил обучение в Военной школе Накано. После выпуска в звании младшего лейтенанта стал офицером войсковой разведки. В 1944 г. был направлен из Японии во Вьетнам.

В 1945 г. сразу же после капитуляции Японии Кикуо Танимото присоединился к «силам безопасности», организованным выпускниками Военной школы Накано, планируя остаться в Индокитае в качестве агента японской разведки.

Тем не менее, спустя некоторое время после личного знакомства с представителями Вьетминя, во время переговоров по поводу инцидента, когда несколько японских военнослужащих в городе Далат, расположенном в Центральном нагорье, подверглись нападению и были взяты в плен силами Вьетминя, Кикуо Танимото решил присоединиться к борьбе Вьетнама за независимость.

В апреле 1946 г. Кикуо Танимото стал военным инструктором в Военной школе в Куангнгай, которую основал Нгуен Сон, принимая участие в подготовке бойцов Вьетминя.

В 1954 г., после окончания Первой Индокитайской войны, Кикуо Танимото вернулся в Японию. Долгое время работал директором начальной школы в своем родном городе.

В 1996 г. Кикуо Танимото, а также Токудзи Камо и Мицунобу Накахара, которые были коллегами Кикуо Танимото и также являлись военными инструкторами в Военной школе в Куангнгай, присутствовали на официальной церемонии награждения, происходившей в Ханое. На церемонии также присутствовали многие высокопоставленные офицеры Вьетнамской народной армии, в т.ч. генерал-лейтенант Хо Дэ и генерал-майор Фан Тхань, окончившие Военную школу в Куангнгай.

Кикуо Танимото погиб 19 мая 2001 г. в дорожно-транспортном происшествии в результате лобового столкновения с грузовиком на встречной полосе во время движения по трассе 9 в Аоя-тё, Кетака-гун, префектура Тоттори.

В целом, военнослужащие Императорской армии Японии из числа «оставшихся» в Индокитае внесли довольно значительный вклад в усиление сформировавшихся во второй половине 1940-х годов подразделений Вьетнамской народной армии (ВНА), поскольку не просто делились своим боевым опытом, в т.ч. обучая бойцов Вьетминя, но и принимали непосредственное участие в военных действиях в ходе Первой Индокитайской войны против Французского экспедиционного корпуса.

При этом, среди этих японских военнослужащих было немало выходцев с Тайваня. Самые известные из них – Ши Цзюняо, Чен Уди и У Ляньи, - даже получили вьетнамское гражданство, после чего остались во Вьетнаме. Почти все они завели во Вьетнаме семьи, женившись на вьетнамках.

По японским данным, половина японских солдат и офицеров (всего – около 500 человек), участвовавших в Первой Индокитайской войне, погибли во Вьетнаме. Фактически до сих пор они расцениваются вьетнамцами в качестве «героев» и пользуются большим уважением.

***

Кроме того, еще одна группа «оставшихся», являвшихся военнослужащими Императорской армии Японии, была выявлена после капитуляции Японской империи в *Индонезии*.

Многочисленные острова Индонезии, которые в тот момент входили в состав Нидерландской Ост-Индии, были вовлечены в военные действия в 1942 г.

Яванская операция (18 февраля – 10 марта 1942 г.) проводилась 16-й японской армией во взаимодействии с крупными силами флота. В декабре 1941 г. – феврале 1942 г. японские войска заняли острова Борнео (Калимантан), Целебес (Сулавеси), Бали, Суматру, сломив слабое сопротивление голландских войск. В феврале 1942 г. в морском сражении в Яванском море японский флот при помощи авианосной авиации почти полностью уничтожил соединенную англо-американо-голландскую эскадру. После этого японские войска оккупировали все главные острова Индонезии. 1 марта 1942 г. японские войска высадились на острове Ява и к 10 марта 1942 г. заняли его.

В марте 1942 г. голландские власти капитулировали перед японскими вооружёнными силами, оккупировавшими Индонезию. Оккупация Нидерландской Ост-Индии дала в руки Японии огромные запасы стратегического сырья, в первую очередь, нефти. Кроме того, в Нидерландской Ост-Индии находились запасы и другого стратегического сырья (каучук, олово).

Первоначально, в Индонезии местные националисты сотрудничали с японскими оккупантами. Лишь постепенно, по мере того как усиливался гнет оккупантов и росло движение за независимость, появились предпосылки для совместной борьбы против оккупантов патриотов различных политических взглядов.

Преобладающим влиянием среди населения продолжали пользоваться находившиеся на легальном положении деятели национально-освободительного движения во главе с

Сукарно, которые поддерживали тайные контакты с нелегальными патриотическими организациями и группами Сопротивления.

В 1945 г., поскольку союзные войска приближались к Индонезии и Индокитаю, японское правительство решило привлечь население этих стран на свою сторону предоставлением им фиктивной независимости по образцу Филиппин и Бирмы.

В Индонезии оккупанты разрешили основать Комитет по изучению вопроса о независимости, одним из руководителей которого стал видный деятель национально-освободительного движения Сукарно. 1 июня 1945 г. Сукарно выступил на заседании комитета с программной речью, в которой потребовал немедленного предоставления независимости и провозгласил «пять принципов» («панча шила») общественного и государственного устройства будущей Индонезии. Эти «пять принципов» (национализм, интернационализм, демократизм, социальное благосостояние, веротерпимость) стали общей платформой патриотических, демократических и антифашистских сил в Индонезии.

Освобождение Индонезии от японской оккупации состоялось уже после объявления императором Японии о капитуляции. 17 августа 1945 г. Комитет по подготовке независимости во главе с Сукарно провозгласил независимость Индонезии, с чем, однако, не согласились Нидерланды и, последние, стремясь сохранить контроль за своим колониальным владением развязали колониальную войну (1945-1949 гг.).

Практически все военнослужащие Императорской армии Японии из числа «оставшихся» в Индонезии в качестве добровольцев приняли участие на стороне индонезийского народа в Войне за независимость Индонезии 1945-1949 гг.

Так, например, известно имя офицера Императорской армии Японии лейтенанта *Хидэо Хориути (?-?)*. Хидэо Хориути – один из немногих, который вернулся в Японию, что произошло в 1947 г. Перейдя во время Войны за независимость Индонезии на сторону индонезийского народа, он принимал участие в партизанской борьбе против голландских колониальных властей. Был схвачен голландцами 13 августа 1946 г., после чего был репатриирован в Японию.

Известны также имена других военнослужащих Императорской армии Японии: капрал *Тайра Тейдзо (1920-2004)*, который предпочел не возвращаться в Японию, а остался в Индонезии, матрос *Такэтомо Араки (1920-1946)* (погиб в 1946 г.), матрос *Хисатоси Мацуи (1915-1946)* (погиб в 1946 г.), матрос *Саказ Кудо (1913-1946)* (погиб в 1946 г.), матрос *Ёнэхару Такаги (1917-1946)* (погиб в 1946 г.), матрос *Ёсио Мима (?-1946)* (погиб в 1946 г.), а также многие другие.

Истории каждого из этих военнослужащих Императорской армии Японии похожи. В ходе кампании на Тихоокеанском театре военных действий все они были направлены для прохождения военной службы на остров Бали, где их и застало известие о капитуляции Японии.

В Индонезии в этот момент разворачивалась вооруженная борьба индонезийского народа за независимость от Нидерландов, стремившихся сохранить свое колониальное господство в этом регионе земного шара.

После капитуляции Японской империи эти военнослужащие Императорской армии Японии (всего – около 30 человек) остались на острове Бали, приняли для себя решение продолжать борьбу против Нидерландов, олицетворяющих, в их представлении, колониализм и, в результате, выступили на стороне индонезийского народа, после окончания Второй мировой войны боровшегося за свою независимость.

Причем, во всей Индонезии таких случаев были сотни и, таким образом, не только на острове Бали, но и в других частях Индонезии военнослужащие Императорской армии Японии после капитуляции Японской империи, не возвращаясь на родину, вступали в ряды отрядов, боровшихся за независимость Индонезии.

Многие из этих военнослужащих Императорской армии Японии погибли, сражаясь вместе с индонезийцами, в связи с чем, в современной Индонезии их почитают так же, как и других героев Войны за независимость Индонезии. В различных местах Индонезии, по инициативе местных властей, в их честь установлены мемориалы.

***

Довольно значительная по своей численности группа «оставшихся», являвшихся военнослужащими Императорской армии Японии, после капитуляции Японской империи сформировалась в *Китае*.

В 1931 г. Япония начала агрессию против Китая и в течение всего нескольких месяцев оккупировала его северо-восточные провинции общей площадью более 1 млн км², где было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го. Верховным правителем этого марионеточного государства был назначен Пу И – последний император Маньчжурской династии Цин, отрекшийся от престола в 1912 г. Японские милитаристы превратили этот пограничный с СССР и МНР район в плацдарм для вторжений на территорию СССР (в районе озера Хасан в 1938 г.) и МНР (в районе реки Халхин-Гол в 1939 г.).

Агрессия Японии против Китая вызвала широкую волну патриотических антияпонских настроений и положила начало Войне сопротивления китайского народа японским захватчикам (1931-1945 гг.).

В 1935 г. японское правительство, выдвинув программу подчинения Китая Японии в рамках т.н. японо-китайского политического и экономического «сотрудничества» («три принципа Хироты»), усилило агрессию в Китае. В результате политики нанкинского правительства «умиротворения агрессора уступками» Япония фактически овладела новыми районами в Северном Китае.

7 июля 1937 г. японские войска спровоцировали инцидент под Лугоуцзяо, к юго-западу от Пекина, использовав его как повод для расширения масштабов агрессии Японии против Китая, оккупации значительной части его территории.

В первые же месяцы японские войска захватили обширные районы, включая такие крупные города, как Пекин, Тяньцзинь, Шанхай. С июля 1937 г. по октябрь 1938 г. японские войска захватили всю территорию Северного Китая, значительную часть Центрального Китая, включая Нанкин и Ухань, а также важные приморские районы в Южном Китае, в том числе Гуанчжоу.

В этих условиях 23 сентября 1937 г. было установлено сотрудничество между Гоминьданом и КПК, которые с 1928 г. вели друг с другом борьбу за власть в Китае, но перед лицом общей угрозы в лице Японской империи объединили свои усилия в ходе Войне сопротивления китайского народа японским захватчикам. Тогда же, Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся – советский район, созданный после перебазирования Красной армии Китая и ЦК КПК на Северо-Запад (Северо-западный поход 1934-1936 гг.), был реорганизован в Особый район Китайской Республики.

На территории Северного Китая и Центрального Китая развернулась партизанская война, участниками которой стали контролировавшиеся КПК части 8-й и 4-й Новой армий Китая. Опираясь на поддержку народных масс, войска 8-й и Новой 4-й армий создавали в японском тылу опорные базы партизанской войны – освобожденные районы. К апрелю 1945 г. в Китае насчитывалось 19 освобожденных районов.

После того как Германия потерпела поражение и 8 мая 1945 г. подписала акт о безоговорочной капитуляции, 8 августа 1945 г., выполняя свой союзнический долг, СССР объявил войну Японии. 9 августа 1945 г. советские и монгольские войска вступили на территорию Северо-Восточного Китая и Внутренней Монголии, где в короткий срок разгромили самую сильную часть Императорской армии Японии – Квантунскую армию. В результате, правительство милитаристской Японии было вынуждено 2 сентября 1945 г. подписать акт о безоговорочной капитуляции.

В 1945 г., в связи с полным разгромом японской Квантунской армии Советской армией, была освобождена северо-восточная часть Китая, которая стала главной, основной опорной базой революционных сил. К концу 1945 г. освобожденные районы составили почти четверть территории Китая.

К 1946 г. в стране фактически установилось двоевластие, что не могло не привести к новому столкновению КПК и Гоминьдана. Решающая схватка КПК и Гоминьдана в рамках борьбы за власть развернулась в ходе Гражданской войны в Китае (1946-1949 гг.).

Первоначально, благодаря численному превосходству, лучшему вооружению и внешней поддержке националисты одерживали верх над коммунистами. В первые месяцы войны первым удалось захватить значительные территории освобожденных районов Китая.

Однако, опираясь на самую многочисленную часть китайского общества – крестьянские массы, а также применяя тактику маневренной войны, Народно-освободительная армия Китая (НОАК) сумела выйти из-под удара и сохранить основные силы.

Начиная с 1948 г. были осуществлены три крупные военные операции – Ляоси-Шэньянская, Пекин-Тяньцзиньская и Хуайхайская, в ходе которых коммунисты нанесли националистам поражение. Революционные силы стали стремительно развивать победоносное наступление на юг страны.

Гражданская война в Китае (1946-1949 гг.) завершилась победой КПК над Гоминьданом. 1 октября 1949 г. в Пекине в присутствии 300 тысяч жителей столицы на площади Тяньаньмэнь состоялась официальная церемония провозглашения КНР.

Согласно китайским данным, большинство военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся» в Китае присоединилось к отдельным частям Национально-революционной армии (НРА) и Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Указывается, что всего около 5 600 японских военнослужащих в той или иной степени приняли участие в военных действиях в ходе гражданской войны в Китае (1946-1949 гг.).

К примеру, только в провинции Шаньси примерно 2 600 японских военнослужащих и гражданских присоединились к Национально-революционной армии, продолжая сражаться даже спустя четыре года после капитуляции Японии.

С другой стороны, в составе 8-й армии НРА, одном из соединений Национально-революционной армии, которое контролировалось китайскими коммунистами, 1 марта 1946 г. была создана Школа армейской авиации. Учитывая то обстоятельство, что переданные этой авиационной школе Советским Союзом самолеты являлись японскими, поскольку были трофеями, ранее захваченными в результате разгрома Квантунской группировки Императорской армии Японии, многие инструкторы, которые обучали китайских летчиков, являлись бывшими японскими военнослужащими. Летом 1946 г., после возобновления гражданской войны в Китае, на основе 8-й армии, Новой 4-й армии и Северо-Восточной антияпонской объединённой армии была сформирована Северо-Восточная народно-освободительная армия и созданная ранее авиационная школа вошла в ее состав. С 1949 г. она получила название Школы армейской авиации Народно-освободительной армии Китая.

Известны имена некоторых японских инструкторов, которые принимали активное участие в обучении китайских летчиков: майор *Хаяси Яитиро (1911-1999)*, имевший китайское имя «Линь Баои», а также *Масаёси Курода (?-?)*, *Тадао Тайра (?-?)*, *Масао Цунакава (?-?)*, *Тадаси Хасэгава (?-?)*, *Ясуо Сато (?-?)*, *Шигео Цуцуи (?-?)*, *Хироши Синкай (?-?)*, *Такаши Наканиси (?-?)*, *Кикузо Годзэн (?-?)*, *Коити Кавамура (?-?)*, *Ао Ниши (?-?)* и др. Всего, согласно, китайским данным, в Школе армейской авиации начитывалось более 300 инструкторов из числа японских военнослужащих.

Тот же Хаяси Яитиро в 1932 г. вступил в ряды Императорской армии Японии, проходил военную службу в качестве летчика, летного инструктора. Принимал участие в военных действиях на территории Китая. В июне 1942 г. он возглавил группу истребителей, которая в ходе воздушного боя в небе над

Китаем сбила пять истребителей, которые имели отношение к известному подразделению ВВС США «Летающие тигры». В дальнейшем, был переведен на должность командира летной группы Учебного летного корпуса, дислоцировавшегося в Шэньяне и отвечавшего за боевую подготовку новых летчиков-истребителей в Северо-Восточном Китае, на территории которого размещалась Квантунская армия.

В 1945 г. после капитуляции Японии Хаяси Яитиро сдался в плен командованию 8-й армии НРА, а уже в январе 1946 г., когда было принято решение создать в составе 8-й армии НРА Северо-восточный авиационный корпус, для чего возникла необходимость подготовки китайских летчиков, он стал одним из ведущих летных инструкторов в созданной в марте 1946 г. Школе армейской авиации. Одновременно с этим, он являлся советником Северо-восточного авиационного корпуса.

Таким образом, подчеркивается, что Хаяси Яитиро внес определенный вклад в создание и развитие ВВС НОАК, по крайней мере, на начальном этапе их существования.

В 1956 г. Хаяси Яитиро вернулся в Японию. В дальнейшем, в 1977, 1986 и 1996 гг. он приезжал в Китай, чтобы принять участие в праздничных мероприятиях в честь основания Школы армейской авиации.

Кроме того, Хаяси Яитиро стал председателем Японо-китайской ассоциации мира и дружбы и возглавлял делегацию, посетившую Китай в январе 1985 г.

Другие бывшие военнослужащие Императорской армии Японии, которые оказывали помощь в обучении китайских летчиков до и после образования КНР (1949 г.), подавляющее большинство из которых были офицерами, также, в разное время вернулись на родину. Репатриация осуществлялась вплоть до 1958 г., в соответствии с договоренностями между китайским и японским правительствами.

Между тем, имели место случаи, когда бывшие военнослужащие Императорской армии Японии по разным причинам оставались в Китае на весьма длительный период времени.

Среди них – *Тоширо Исуда (1912-2009)*, который, будучи офицером Императорской армии Японии, смог вернуться в Японию только в 1993 г., т.е. почти спустя 50 лет после окончания Второй мировой войны.

В 1937 г. Тоширо Исида был отправлен в Китай для прохождения военной службы. Подразделение, в котором он проходил военную службу, дислоцировалось в Фэнцю, провинция Хэнань.

До 1945 г. Тоширо Исида держал связь со своими родственниками и близкими, постоянно писал им письма, однако, исчез незадолго до окончания войны. В результате, его объявили пропавшим без вести, а в 1963 г. официально было заявлено, что он погиб.

История, связанная с личностью Тоширо Исида, однако, оказалась совершенно уникальной.

Уже в самом конце войны, в условиях фактического прекращения боевых действий в связи с объявленной капитуляцией Японии, 15 августа 1945 г. Тоширо Исида получил огнестрельное ранение в левое ухо, в результате чего он потерял слух и память.

В 1946 г. Тоширо Исида стал жить в доме одной китайской семьи, глава которой Сунь Банцзюнь проживал в городке Тайшаньмяо, расположенном в провинции Хэнань. Сунь Банцзюнь встретил японца на улице одной из китайских деревень, он был в лохмотьях и выглядел как нищий, занимаясь попрошайничеством.

Семья китайских крестьян приютила японца, стала заботиться о нем, а также пыталась научить его, как зарабатывать на жизнь сельским хозяйством, но из-за инвалидности он не смог освоить эти навыки. В 1950-х годах он получил китайское имя «Ли Дун». В 1955 г., когда китайское правительство ускорило процесс репатриации оставшихся японских военнослужащих, он не смог вернуться в Японию, поскольку его настоящее имя оставалось неизвестным. После смерти главы китайской семьи в 1962 г. его сын Сунь Баоцзе продолжал давать приют японцу.

После нормализации дипломатических отношений между Японией и Китаем в 1972 г. Сунь Баоцзе не переставал думать над тем, чтобы вернуть Тоширо Исиду в Японию.

В 1990 г. японская делегация из префектуры Хёго, приехавшая в Китай из Японии, по возвращении привезла информацию о Тоширо Исиде. В 1991 г. в одном из печатных изданий был опубликован материал, в котором утверждалось, что «в Китае был обнаружен бывший японский военнослужащий и, кажется, это был Тоширо Исида». Эта информация вскоре дошла до семьи Тоширо Исида.

В 1992 г. Ясумичи Цуда, заместитель главного редактора журнала «Economic News Flash», который был убежден, что этим бывшим японским военнослужащим является Тоширо Исида, отправился в уезд Наньчжао, городской округ Наньян, провинция Хэнань. Здесь произошла их встреча.

В 1993 г. лаборатория судебной медицины Университета Акита, сотрудники которой провели тест, взяв образцы ДНК у предполагаемого Тоширо Исиды, подтвердила, что это был именно он.

В результате, 11 июня 1993 г. Тоширо Исида наконец-то вернулся в Японию. На тот момент ему исполнилось уже 80 лет.

***

Наряду с этим, отдельные группы «оставшихся», являвшихся военнослужащими Императорской армии Японии, после капитуляции Японской империи возникли в *Малайзии, Таиланде и Бирме*.

В Малайзии, после Второй мировой войны на базе Антияпонской армии народов Малайи и Коммунистической партии Малайи были сформированы силы, которые начали вооруженную борьбу против британских колонизаторов. Война в Малайе продолжалась в течение 1948-1960 гг. По имеющимся данным, на стороне малайзийцев участвовало около 200-400 бывших военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся».

В Таиланде и Бирме, в районе тайско-бирманской границы, после Второй мировой войны, по имеющимся данным, находилось около 1000 бывших военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся».

***

«Оставшиеся», являвшиеся военнослужащими Императорской армии Японии, после капитуляции Японской империи периодически давали о себе знать и на многочисленных *островах Тихого океана*.

К примеру, один из случаев был зафиксирован на *острове Пелелиу*.

Битва за Пелелиу, одно из сражений на Тихоокеанском театре военных действий, состоялась 15 сентября – 27 ноября 1944 г.

Остров Пелелиу находится в центре архипелага Палау. Захват Пелелиу позволял американцам ликвидировать брешь между силами юго-западной и центральной частей Тихого океана и начать подготовку к высадке на Филиппинских островах и на острове Окинава. В то же время захват аэродрома, расположенного на острове Пелелиу, позволял защитить американские коммуникации в случае высадки на Филиппинах и снять угрозу над прямыми путями сообщения.

15 сентября 1944 г. началась операция по высадке ВС США на остров Пелелиу. Первоначально, американцы рассчитывали взять остров за несколько дней, однако, их

ожидания не оправдались. Американцы наткнулись на мощную линию обороны и яростное сопротивление Императорской армии Японии, в результате чего боевые действия длились больше двух месяцев.

Тем не менее, ВС США в составе 1-й дивизии морской пехоты и 81-й пехотной дивизии разгромили части Императорской армии Японии в составе 14-й пехотной дивизии.

24 ноября 1944 г. Кунио Накагава, командующий японскими войсками во время битвы за Пелелиу, передал сообщение: «Наш меч сломан, а наши копья закончились». Разбив 56 человек на 17 групп с приказом продолжать сопротивление, он торжественно сжёг знамя своей дивизии и совершил ритуальное самоубийство. Посмертно Кунио Накагава получил звание генерал-лейтенанта.

27 ноября 1944 г. американцы объявили остров Пелелиу окончательно очищенным от врага.

В ходе операции, завершившейся победой ВС США, американцы уничтожили 10 695 солдат и офицеров противника и взяли в плен всего около 300 человек. При этом их собственные потери составили немногим меньшую цифру, таким образом, сделав битву за Пелелиу одной из самых кровопролитных операций США в ходе сражений на Тихоокеанском театре военных действий Второй мировой войны.

Младший лейтенант *Эй Ямагути (?-?)* – военнослужащий Императорской армии Японии, который входил в состав японского гарнизона на острове Пелелиу (острова Палау). После капитуляции Японской империи некоторое время продолжал сопротивление, скрываясь в пещерах и используя тоннели, находящиеся в разных частях острова Пелелиу.

Партизанская война продолжалась в течение нескольких лет, начиная с того момента, как в июле-ноябре 1944 г. высадившиеся на острове Гуам американские войска разгромили японские войска.

Не имея связи с командованием, отряд под командованием младшего лейтенанта Эй Ямагути в составе 33 японских военнослужащих не знал, что Вторая мировая война уже закончилась, подвергая сомнению объявления об окончании войны, раздававшиеся по всему острову через громкоговорители, расценивая их как вражескую уловку.

Намереваясь отбить остров Пелелиу у противника, Эй Ямагути и его подчиненные оказывали в целом бессистемное партизанское сопротивление, время от времени открывая огонь из имеющегося оружия по американскому персоналу на острове. Однако, боеприпасов было мало, и главными приоритетами были выживание и уклонение от обнаружения.

Тем не менее, в марте 1947 г. отряд Эй Ямагути осуществил нападение на расположенную на острове Пелелиу военно-морскую базу США.

Спустя некоторое время, в апреле 1947 г. отряд под командованием младшего лейтенанта Эй Ямагути сдался после того, как один из японских военнослужащих был захвачен в плен патрулем Морской пехоты США. На

допросе он показал, что его товарищи не верили, что Японская империя капитулировала, и часто впадали в отчаяние, подумывая о самоубийственной атаке, чтобы уйти из жизни, сражаясь.

Сдача отряда под командованием младшего лейтенанта Эй Ямагути состоялась благодаря действиям, предпринятым американцами. Были получены письма от семей японских военнослужащих, информирующие последних об окончании войны и призывающие их сдаться, а также на остров Пелелиу прибыли представители вышестоящего военного командования, среди которых был японский адмирал. Они известили Эй Ямагути о том, что война уже давно окончена и, таким образом, подтвердили правдивость сообщений об окончании войны.

В результате, все это окончательно убедило Эй Ямагути и членов его отряда, и 21 апреля 1947 г. они вышли из своего укрытия, направившись к зданию, где располагалось местное командование ВС США. Здесь и состоялась официальная церемония сдачи в плен, в ходе которой Эй Ямагути передал свой меч представителю ВС США.

Впоследствии, в одном из интервью Эй Ямагути заявил: «Мы не могли поверить, что проиграли. Нас всегда инструктировали, что мы никогда не можем проиграть. Это японская традиция, что мы должны бороться, пока не умрем, до самого конца».

Кроме того, множество случаев было зафиксировано и на других островах Тихого океана.

Так, 6 января 1949 г. *Ямакаге Куфуку (?-?) и Мацудо Рикио (?-?)*, два пулеметчика, которые во время Второй мировой войны проходили военную службу в ВМФ Японии, сдались на *острове Иводзима*.

Битва за Иводзиму – сражение между ВС США и Японии за остров Иводзима в Тихом океане, началось 16 февраля и закончилось 26 марта 1945 г. победой США.

Перед началом сражения Императорская армия Японии соорудила на острове Иводзима мощную линию обороны, благодаря которой на протяжении целого месяца удавалось отбивать атаки противника.

Остров Иводзима, один из островов внутреннего периметра обороны Японской империи, находился в Тихом океане на 1250 километров южнее Токио. Он вулканического происхождения, высшей точкой острова является гора Сурибати. Соседним островом является Титидзима, где в ходе войны на Тихом океане располагалась военно-морская база Японии.

С открытием фронта в Юго-Восточной Азии японское командование осознало важность стратегического положения Иводзимы. Остров стал базой на морском и воздушном

пути из Японии в Юго-Восточную Азию. На нём в 2 километрах севернее Сурибати был построен аэродром Тидори.

Летом 1944 г. ВС США захватили Марианские острова, откуда с 24 ноября 1944 г. начали совершать авианалёты на Японский архипелаг. Однако, начать масштабную бомбардировку Японии им мешала военная база на Иводзуме. Исходя из сложившейся ситуации, американское командование приняло решение овладеть Иводзимой и построить на острове базу ВВС США.

С завершением битвы за Лейте (20 октября – 31 декабря 1944 г.) на Филиппинах США начали подготовку к захвату острова Иводзима перед планировавшимся вторжением на остров Окинава.

Соотношение сил во время битвы за Иводзиму было в пользу США (110 000), а не Японии (22 000), однако, несмотря на это, Императорская армия Японии ожесточенно сопротивлялась.

16 февраля 1945 г. части вооруженных сил США, направленные на Иводзиму, приблизились к острову и начали его обстрел корабельной артиллерией, который продолжался в течение трех дней.

Командование Морской пехоты США требовало вести артподготовку в течение десяти дней перед тем, как начнётся десантирование основных сил, но командование ВМС США отказалось это делать для экономии боеприпасов. Длительность обстрела была сокращена до трёх дней. Кроме того, с авианосцев регулярно совершались авианалёты.

В ответ на обстрелы острова Иводзима, японский гарнизон открыл артиллерийский огонь с горы Сурибати. Огонь японской артиллерии позволил американцам засечь огневые точки и уничтожить их огнём корабельной артиллерии. Из-за непрекращающегося трёхдневного обстрела на Сурибати выгорела вся растительность, а остров покрылся слоем пепла.

19 февраля 1945 г. части Морской пехоты США начали десантирование на остров Иводзима. Им, как и задумывал командующий японским гарнизоном Тадамити Курибаяси, на берегу не было оказано сопротивление, и американцы продвинулись вглубь острова. Именно этого и ожидали японцы, которые со всех точек открыли прицельный огонь по противнику. Морские пехотинцы США не имели возможности окопаться, поскольку вулканический грунт был мягким, и стенки окопов обваливались. За первый день боёв американские десантники понесли значительные потери.

К вечеру на Иводзиму высадилось 30 000 американских военных. Они ожидали ночного нападения японцев и их массовых «банзай-атак». Но японские войска разбились на небольшие отряды, которые совершали вылазки к лагерю противника, устраивая диверсии. Из-за этого американцы понесли небольшие потери в людях и технике, но не имели возможности отдохнуть.

В последующие дни, 20-21 февраля 1945 г. развернулись бои за контроль над горой Сурибати. После артподготовки, части Морской пехоты США начали наступление на юг, на гору Сурибати, а также на север, в направлении плато Мотояма. Последним удалось к вечеру занять аэродром Тидори и изолировать гору Сурибати от главного штаба японцев. У самой горы Сурибати сложилась другая ситуация, и американцы не смогли взять её с первой попытки. В ходе боёв за гору огонь американцев из стрелкового оружия был неэффективен против подземных укреплений и дотов, поэтому те использовали огнемёты и ручные гранаты. Американцы полностью выжигали всё, находившееся в подземных укреплениях противника. Также они засыпали туннели, таким образом изолируя от внешнего мира целые японские части.

Сопротивление японцев было сломлено, и гора Сурибати попала под контроль американцев. 23 февраля 1945 г. военнослужащие США подняли на вершине горы Сурибати флаг США. Это зафиксировал на плёнке американский фотограф Джо Розенталь.

Фотография имела важное символическое значение, а позже под названием «Поднятие флага на Иводзиме» получила Пулитцеровскую премию.

После взятия горы Сурибати битва за Иводзиму становилась всё отчаяннее. Тадамити Курибаяси всё ещё имел в своём распоряжении большую часть сил японского гарнизона.

В течение 24-26 февраля 1945 г. американцы медленно наступали на аэродром Мотояма. Неся огромные потери, они по пути уничтожали подземные укрепления японцев. Американское командование убедилось, что использование артиллерии против бункеров противника неэффективно, поэтому пехота широко применяла огнемёты и ручные гранаты. Их поддерживали танки с установленной огнемётной установкой. Ночью бои продолжались, а остров освещался прожекторами с кораблей.

Вечером 26 февраля 1945 г. аэродром Мотояма был захвачен американскими войсками. Тогда же инженерный батальон начал его ремонт, завершившийся через 5 дней. 4 марта 1945 г. на нём приземлился первый бомбардировщик В-29, получивший повреждения во время бомбардировки Токио. С этого момента остров Иводзима служил в качестве перевалочной базы для налётов ВВС США на японские города.

Несмотря на это, сопротивление японцев продолжалось на плато Мотояма. В этом районе силы американцы десять дней пытались прорвать оборону противника, но терпели поражение за поражением. 7 марта 1945 г. американцы перешли в наступление и полностью заняли центральную часть острова Иводзима. Таким образом, силы японцев на юге и на севере Иводзимы были отделены друг от друга.

После этого наступление американцев продолжилось. Вскоре стал ясен и исход битвы за Иводзиму. 17 марта 1945 г. американцы достигли северной точки острова – места, называемого Китанохана. Теперь американцы контролировали весь остров, тогда как японцы оставались лишь в подземных бункерах, откуда предпринимались вылазки для диверсий.

В этот же день, 17 марта 1945 г., Тадамити Курибаяси передал свой последний приказ всем японским войскам на острове Иводзима. Согласно приказу, остатки японского гарнизона перешли из обороны в наступление. В ночь с 25 на 26 марта 1945 г. была проведена завершающая контратака японцев.

Из-за внезапности последнего удара японцев американцы понесли крупные потери. Среди погибших японских военнослужащих был и генерал Тадамити Курибаяси, хотя обстоятельства его смерти не совсем ясны. Существуют версии как гибели в бою, так и самоубийства (сэппуку).

Оставшиеся японские военнослужащие ещё несколько месяцев скрывались в пещерах и совершали вылазки. Многие из них в конце концов сдались. Двое последних защитников острова, солдаты лейтенанта Оно Тосико Куфуку Ямакадзэ и Ринсоку Мацуда, сдались только 6 января 1949 г.

По итогам битвы за иводзиму стороны понесли значительные потери: США – 28 686, в т.ч. 6821 погибших, Япония – 20 919, в т.ч. 20 703 погибших. В плен сдалось только 216 японских военнослужащих.

В последующие два месяца ВС США на Иводзиме периодически сталкивались с остатками японского гарнизона. За этот период было убито 1602 и пленено 867 человек.

Битва за Иводзиму оказалась самой кровопролитной в истории Корпуса морской пехоты США, а также стала единственной операцией вооружённых сил Японской империи в ходе войны на Тихом океане, в которой общие потери США превысили общие потери Японии.

Ямакаге Куфуку и Мацудо Рикио были одними из немногих выживших японских военнослужащих, которые не погибли в ходе ожесточенных и кровопролитных военных действий на острове Иводзима и, при этом, не

покончили жизнь самоубийством. Веря японской пропаганде в том, что американцы, якобы, пытали и убивали военнопленных, они боялись сдаться в плен и поэтому приняли решение скрыться в глубине острова.

Скрываясь днем в лабиринте туннелей, пронизывающих скалистый по своему характеру остров Иводзима, и появляясь ночью, чтобы украсть еду и другие предметы первой необходимости из запасов и свалок, расположенных недалеко от месторасположения американского гарнизона, Ямакаге Куфуку и Мацудо Рикио смогли на протяжении достаточно долгого времени избежать захвата в плен. Причем, они выжили на негостеприимном, бесплодном острове, практически лишенном растительности и дичи. Учитывая отсутствие интереса американского гарнизона к прочесыванию труднопроходимой местности острова Иводзима, японцы годами оставались незамеченным.

Их сопротивление длилось до 6 января 1949 г., когда два капрала ВС США, передвигаясь по острову Иводзима на джипе, заметили идущих вдоль дороги двух пешеходов, одетых в униформу на несколько размеров больше, чем нужно. Полагая, что это китайские рабочие, хотя они не говорили по-английски и вообще были неразговорчивы, американцы решили, что они идут в сторону главной военной базы острова, любезно предложили их подвезти и высадили их перед зданием штаба.

В течение нескольких часов Ямакаге Куфуку и Мацудо Рикио бродили по территории военной базы, пока проходящий мимо них американский сержант не понял, что они японцы, и не задержал их. После первого же допроса японцы отвели американцев в свое убежище. Там американцы обнаружили пещеру, богато набитую консервами, фонариками, батареями, униформой, ботинками, носками и прочими предметами первой необходимости, которые японские военнослужащие смогли украсть за годы своего нахождения на острове Иводзима.

Ранее, 27 октября 1947 г., спустя четыре с половиной года после официального окончания военной кампании на *острове Гуадалканал (Соломоновы острова)*, сдался последний военнослужащий Императорской армии Японии из местного гарнизона.

Одно из крупнейших сражений на Тихом океане – битва за Гуадалканал (Гуадалканалская кампания), - проходила с 7 августа 1942 г. по 9 февраля 1943 г. на Тихоокеанском театре военных действий Второй мировой войны. Она шла на земле, в воздухе, и на море между силами США и их союзников, с одной стороны и Японии – с

другой. Боевые действия велись на острове Гуадалканал, входившего в состав колонии Британские Соломоновы острова и вокруг него.

Гуадалканалская кампания была частью стратегического плана союзников защитить маршруты океанских конвоев между США, Австралией и Новой Зеландией. Начатая через несколько месяцев после начала битвы за Кокоду, она стала вторым крупным наступлением против Японской империи.

7 августа 1942 г. первые подразделения союзников, в основном американские, высадились на островах Гуадалканал, Тулаги и Флорида, чтобы помешать японцам использовать их как базы для создания угрозы линиям снабжения между США, Австралией и Новой Зеландией. Союзники также намеревались использовать Гуадалканал в качестве плацдарма для развёртывания кампании по изоляции крупной японской базы на острове Рабаул. Первоначальная высадка застала японцев, занимавших острова с мая 1942 г., врасплох. Союзникам сразу же удалось захватить острова Тулаги и Флорида, а также строившийся японцами аэродром на Гуадалканале, который позднее получил название Хендерсон-Филд.

Впоследствии японцы, с августа по ноябрь 1942 г., совершили несколько попыток вернуть себе Хендерсон-Филд, который обороняли части Морской пехоты США. Эти попытки привели к ряду крупных сражений, в том числе трём сухопутным и пяти морским, и достигли кульминации в начале ноября 1942 г., когда в результате решительного морского сражения был положен конец попыткам японцев доставить на Гуадалканал подкрепления.

В декабре 1942 г. японцы прекратили попытки вернуть остров Гуадалканал под свой контроль и начали эвакуацию ранее высаженных сил, успешно завершившуюся к 7 февраля 1943 г.

Битва за Гуадалканал часто называется переломным событием в боевых действиях на Тихом океане, поскольку она ознаменовала окончательную утрату Японской империей стратегической инициативы и переход союзников от обороны к наступлению.

27 июня 1951 г. информационное агентство Associated Press сообщило, что японский старшина, который сдался на *острове Анатахан (Марианские острова)* за две недели до этого, рассказал, что там скрывалось еще 19 человек, большая часть из которых – военнослужащие Императорской армии Японии. При этом, он предупредил, что солдаты были «хорошо вооружены и, что некоторые из них угрожали убить любого, кто попытается сдаться, заявляя, что верят в то, что война все еще продолжается». Самолет ВМС США, отправленный на разведку и пролетевший над островом Анатахан, заметил людей на пляже, размахивающих белыми флагами. В дальнейшем, на остров Анатахан был отправлен военный корабль.

В результате, 30 июня 1951 г. обнаруженная на острове Анатахан группа из 19 японских военных и гражданских лиц была фактически спасена от гибели. Выяснилось, что эта группа (в т.ч. 10 военных и 21 гражданских лиц, из которых в живых в итоге осталось только 20 человек) оказалась на фактически необитаемом вулканическом острове после затопления в июне 1944 г. нескольких японских кораблей, на борту которых они находились.

Военные действия миновали остров Анатахан, учитывая, что он имел очень небольшое значение, был мелким в сравнении с другими островами, расположенными в этой части Тихого океана.

В 1914-1944 гг. остров был населён небольшой группой каролинцев и японцев, которые работали на кокосовых плантациях, а в 1945 г., после капитуляции Японии с него были эвакуированы 45 туземцев и 2 японца.

Что же касается оставшихся на острове Анатахан японских военных и гражданских лиц, то первоначально эту группу обнаружили еще в феврале 1945 г., когда несколько чаморро с острова Сайпан были отправлены на остров для извлечения тел американских летчиков, погибших за месяц до этого в результате крушения военного самолета.

Тогда чаморро сообщили, что на острове Анатахан находятся около 30 японцев. После этого, с помощью авиации им были сброшены листовки, информирующие о том, что война окончена и, что они должны сдаться, но эти просьбы были ими проигнорированы.

В дальнейшем, находившиеся на острове Анатахан японские военные и гражданские лица, не имея каких-либо средств связи, длительное время были фактически изолированы от внешнего мира.

Ситуация усугублялась еще и тем, что остров Анатахан оказался крайне беден ресурсами, вследствие чего находившимся на нем японцам приходилось буквально выживать. В пищу употреблялось все более-менее съедобное: кокосы, ящерицы, летучие мыши, насекомые, а также таро, дикий сахарный тростник и любая другая съедобная пища, которую они могли найти.

Кроме того, японцы курили измельченные, высушенные листья папайи, завернутые в листья бананов, а иногда изготавливали опьяняющий напиток, известный как «туба» (кокосовое вино).

Жили японцы в хижинах, изготовленных из пальмовых листьев с плетеным полом из пандануса.

Положение несколько улучшилось в январе 1945 г., когда бомбардировщик B-29 Superfortress, возвращавшийся на базу после налета на Японию, потерпел крушение на Анатахане. Используя металлические обломки самолета, японцы изготовили элементарные инструменты и предметы: ножи, кастрюли и крыши для своих хижин. Парашюты были превращены в одежду, кислородные баллоны использовались для хранения воды, пружины от пулеметов использовались как рыболовные крючки, нейлоновые шнуры

применялись в качестве лески. При этом, на месте крушения также было обнаружено несколько пистолетов.

Первоначально, в этой группе были также еще один мужчина-японец и женщина-японка по имени *Кадзуко Хига (1923-1974)*, являвшиеся супругами и оказавшиеся на острове Анатахан еще до появления в 1944 г. группы японских военных и гражданских лиц с затопленных японских кораблей (всего, таким образом, на острове Анатахан находилось 33 человека, из которых 1 – женщина).

Примечательно, что Кадзуко Хига часто становилась причиной возникавших среди мужчин конфликтов, нередко, с использованием оружия, причем, несколько человек, по всей видимости, умерли в результате насильственных действий (в т.ч. и муж этой женщины). Однако, Кадзуко Хига сумела убежать в горы, после чего смогла обратить на себя внимание команды с проходящего мимо острова Анатахан американского корабля, который взял ее на борт и в июле 1950 г. она смогла покинуть остров.

После того, как Кадзуко Хига добралась до расположенного вблизи острова Сайпан, по прибытии она сообщила местным властям, что на острове Анатахан все еще находятся японцы, которые не верят, что война закончилась.

Вслед за этим, представители японского правительства заинтересовались ситуацией на острове Анатахан и запросили информацию «относительно обреченных и живых Робинзонов Крузо, живших первобытной жизнью на необитаемом острове», а также обратились к США послать корабль для их спасения.

Сдача оставшихся в живых японских военных и гражданских лиц состоялась только после доставки на остров Анатахан писем родственников, которые убеждали, что в условиях закончившейся Второй мировой войны им необходимо сдаться. После официальной церемонии капитуляции, состоявшейся 30 июня 1951 г., все японцы были возвращены в Японию. 7 июля 1951 г. они прибыли на родину.

Что же касается Кадзуко Хига, впоследствии, вернувшись в 1952 г. в Японию, она получила широкую известность. О ней много писали японские газеты и журналы, рассказывавшие своим читателям о том, что происходило на острове Анатахан. Сама Кадзуко Хига получила в японской прессе прозвище «Королева острова Анахатан», обретя недолгую славу как жившая в тропиках Тихого океана коварная соблазнительница, окружившая себя десятками

мужчин и использовавшая их в своих личных интересах. Свою историю Кадзуко Хига продавала представителям японских СМИ, а также рассказывала ее в переполненных кинотеатрах.

Однако после того, как общественный интерес к ее личности угас, Кадзуко Хига уехала в Токио и, даже вновь вышла замуж, открыла небольшой магазин, чтобы жить нормальной жизнью.

Судьба оказалась к ней неблагоприятна. Семья развалилась и, уже в возрасте 40 лет Кадзуко Хига стала стриптизершей, а затем впала в крайнюю нищету и умерла в возрасте 51 года, собирая мусор.

История, которая произошла на острове Анатахан, оказалась настолько экстраординарной, что уже в 1953 г. по ее мотивам был снят художественный фильм «Сага об Анатахане» (р. Йозеф фон Штернберг).

В 1954 г. один из выживших на острове Анатахан, Мичиро Маруяма, опубликовал книгу «Анатаханский остров несчастных», в которой попытался опровергнуть многочисленные обвинения, которые тогда звучали в адрес вернувшихся.

Интерес к этой истории имел место и позднее. В 1998 г. появился роман «Клетка в море» (Каору Оно). В 2008 г. появился рассказ «Токиодзима» (Нацуо Кирино). По мотивам последнего произведения в 2010 г. был снят одноименный художественный фильм.

В 1953 г., как сообщали средства массовой информации, на *острове Тиниан (Марианские острова)* в плен сдался некий *Мурата Сусуму (?-?)*, последний участник битвы при Тиниане. В течение нескольких лет он жил в маленькой лачуге, построенной возле болота.

Гарнизон небольшого острова Агихан, расположенного к юго-западу от Тиниана, под командованием лейтенанта *Киничи Ямада (?-?)* продолжил сопротивление до конца войны и капитулировал только 4 сентября 1945 г.

Битва за Тиниан – сражение между ВС США и Японии за остров Тиниан в Тихом океане, продолжалось с 24 июля по 1 августа 1944 г.

Остров Тиниан входил в японский Южный Тихоокеанский мандат и к июню 1944 г. на нем находились 15 700 гражданских лиц из Японии, включая 2 700 корейцев, и 22 чаморро. Японский гарнизон на острове Тиниан насчитывал около 8 000 военнослужащих.

16 июля 1944 г. ВС США начали артподготовку, осуществляя обстрел острова Тиниан.

24 июля 1944 г. части Морской пехоты США приступили к высадке при поддержке корабельной артиллерии.

Изобретательность, проявленная строительными батальонами, позволила высадить десант на северо-западном побережье, где было два небольших пляжа и низкий уровень

коралловых рифов. На остальном побережье встречались коралловые утесы. Некоторые из них возвышались над водой на 4 с лишним метра, что сильно затрудняло высадку.

Удар, нанесенный по городу Тиниан, отвлек внимание оборонявшихся японцев от зоны высадки на севере острова. На следующий день, 25 июля 1944 г. высадка частей Морской пехоты США продолжилась.

К 29 июля 1944 г. американцы установили контроль над половиной острова Тиниан, а к 30 июля 1944 г. захватили город Тиниан и один из аэродромов.

Остатки японского гарнизона продолжали сопротивление, укрывшись в пещерах и ущельях известнякового хребта в южной части острова, откуда периодически проводили вылазки и контратаки.

Потери сторон составили: США – 326 убито, 1 593 ранено; Япония – 5 542 убито, 2 265 пропавших без вести. В плен было взято 252 японских военнослужащих. Значительными были также жертвы среди гражданского населения.

После сражения остров Тиниан превратился в важный опорный пункт для дальнейших военных операций ВС США в Тихоокеанской кампании. На острове были построены казармы для 50 000 военнослужащих. Остров Тиниан был превращен в крупную авиабазу: 4 полосы по 2400 метров предназначались для тяжелых бомбардировщиков Boeing B-29 Superfortress, осуществлявших рейды на Филиппины, острова Рюкю и Японию. Именно с острова Тиниан была осуществлена в том числе бомбардировка Токио 10 марта 1945 г. и атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г.

В 1955 г. четыре японских летчика – *Симада Какуо (?-?)*, *Симокубо Кумао (?-?)*, *Оджима Мамору (?-?)* и *Джегаси Санзо (?-?)* – сдались в плен в западной части *острова Новая Гвинея*.

Ранее, в 1949 г. на Новой Гвинее была обнаружена группа из восьми японских военнослужащих, которые заявили своим спасателям, что они четыре года после окончания Второй мировой войны буквально выживали, «питаясь картофелем и грызунами – крысами».

Во время Второй мировой войны остров Новая Гвинея, входивший в состав Нидерландской Ост-Индии, был оккупирован Японией. В дальнейшем, получившая в 1949 г. независимость Индонезия предъявила претензии на западную часть Новой Гвинеи, которая, однако, до 1957 г. осталась под администрацией Нидерландов.

Новогвинейская кампания – одна из основных кампаний на Тихоокеанском театре военных действий во время Второй мировой войны, - продолжалась в течение 194-1945 гг.

Японские войска высадились в Папуа 7 марта 1942 г. и 21-22 июля 1942, после чего началась серия сражений, известная как битва за Кокоду.

В июле 1942 г. 17-я армия начала на Новой Гвинее масштабное наступление, чтобы захватить её главный город Порт-Морсби. Главные силы японцев наступали по тропе Кокода, а помочь им должен был морской десант в заливе Милн. Однако японская десантная операция оказалась неудачной.

Японцы всё же почти вышли к Порт-Морсби, но проблемы на острове Гуадалканал заставили командование начать отступление. Японские войска на Новой Гвинее были подчинены созданной 9 ноября 1942 г. 18-й армии.

К середине ноября 1942 г. австралийцам и американцам удалось блокировать силы противника на небольшом приморском плацдарме на северо-востоке Новой Гвинеи.

К 23 января 1943 г. австралийцы и американцы очистили от японцев район Буны – Гоны.

С апреля 1943 г. союзные силы резко изменили тактику ведения боевых действий и вместо прямых атак на японские позиции стали высаживать десанты в глубоком тылу противника, отрезая таким образом крупные группировки японских войск. В сочетании с господством союзников на море и воздухе это привело фактически к полной блокаде японских гарнизонов на Новой Гвинее, что поставило японские войска в крайне тяжелое положение. Из-за почти полного отсутствия снабжения японцы на острове были доведены до голода и начали вымирать. Из-за болезней, а также фактически полного отсутствия продовольствия и медикаментов большая часть японских потерь на Новой Гвинее были небоевыми.

В ходе Новогвинейской кампании японцы потеряли свыше 200 000 человек погибшими, большей частью умершими от голода и болезней.

Наконец, несколько случаев было зафиксировано на *острове Гуам*.

В ходе одного из первых сражений на Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий с участием ВС Японии и США, проходившего на острове Гуам, одном из Марианских островов, 8-10 декабря 1941 г., японцы смогли захватить Гуам, построить укрепления и организовать базу для контроля окружающей территории.

В результате, остров Гуам на несколько лет, вплоть до 1944 г., стал территорией, контролируемой Японской империей.

На острове Гуам был установлен довольно жесткий оккупационный режим. Главной валютой была объявлена японская иена. Местные жители из числа чаморро должны были подстраиваться под японские обычаи, однако, спустя некоторое время местное население получило немного свободы. Чаморро разрешалось оставаться на своих фермах и, даже, вести торговлю. Занятия в школах, которые ранее были запрещены, были возобновлены. Однако, в школах обучали японскому языку и обычаям, тогда как изучение английского запрещалось.

В начале 1944 г., когда военное положение Японии ухудшилось, из-за угрозы американского вторжения на остров Гуам вернулись ранее выведенные японские армейские части. Школы для местного населения вновь были закрыты, всё население старше 12 лет было вынуждено работать без отдыха и подвергались жестокому обращению, вплоть до пыток и убийств. В таком рабском положении местное население находилось до освобождения острова Гуам в июле-августе 1944 г.

Остров Гуам был крайне важен для ВС США – в первую очередь благодаря своей величине – как опорный пункт для проведения наступательных операций на Филиппины, Тайвань и острова Рюкю. Кроме того, в порту Апра-Харбор имела глубоководная гавань, в которой могли останавливаться крупные боевые корабли, а также 2 взлётно-посадочные полосы для стратегических бомбардировщиков дальней авиации типа Boeing B-29. Американцы планировали на начальном этапе операции по овладению Гуамом проведение мощных бомбардировок острова, в первую очередь возведённых на нём японцами укреплений. Тяжёлые бомбардировщики должны были направляться для выполнения этой задачи с баз на Маршалловых островах, расположенных примерно в 2 тысячах километров восточнее Гуама.

Согласно плану Генерального штаба ВМС США на Тихом океане захват острова Сайпан в северной части Марианских островов был запланирован на 15 июня 1944 г., а высадка американского десанта на острове Гуам – на 18 июня 1944 г. Однако отчаянное сопротивление частей Императорской армии Японии на Сайпане и попытка японцев

перехватить инициативу на море (сражение у Филиппинских островов) вынудили американцев отодвинуть на месяц начало Гуамской операции, которая состоялась 21 июля – 10 августа 1944 г.

Высадка американских десантов на острове Гуам началась утром 21 июля 1944 г., в западной части Гуама, по обе стороны от полуострова Ороте (где находился аэродром). Несмотря на значительные потери и трудности при высадке – японской артиллерии удалось потопить 20 бронетранспортёров-амфибий. Кроме этого рифы вдоль берегов и сильный прибой не позволяли десантным судам подойти к берегу ближе, чем на несколько сотен метров – американцам удалось захватить и удержать два плацдарма на побережье, а также переправить туда танки. К вечеру первого дня наступления американцам удалось продвинуться вглубь острова на 2 километра. 28 июля 1944 г. им удалось соединить оба плацдарма, а 30 июля 1944 г. – занять взлётно-посадочные полосы у Ороте и порт Апра-Харбор.

С самого начала высадки частей ВС США на острове Гуам японские подразделения оказывали им ожесточённое сопротивление, предпринимая преимущественно ночные атаки, изматывавшие американцев. 28 июля 1944 г. погиб командующий японским гарнизоном Гуама, генерал-лейтенант Такэси Такаси, и его заменил на этом посту генерал-лейтенант Хидэёси Обата. К началу августа 1944 г. у японских войск стала ощущаться нехватка продовольствия, оружия и боеприпасов. В связи с этим командующий японским гарнизоном отвёл свои части с юга острова в центральную, горную часть Гуама, где закрепился для оказания длительного сопротивления. Несмотря на подавляющее преимущество американцев в воздухе и нанесение ими сильных ударов со стороны океана корабельной артиллерией, продвижение вглубь острова происходило с трудом – в том числе из-за непрекращавшихся ливневых дождей и непроходимых, густых джунглей. Лишь 4 августа 1944 г. ВС США удалось прорвать линию укреплений японцев в центральной части Гуама, после атаки на гору Барракуда.

Как и в подавляющем большинстве других сражений на островах Тихокого океана в 1944-1945 гг., японские солдаты и офицеры, сражавшиеся на острове Гуам, отказались капитулировать и были практически все уничтожены. Тем не менее, отдельные, уцелевшие небольшие по численности группы японских военнослужащих продолжали сопротивление.

Тем не менее, захват острова Гуама имел большое стратегическое значение для дальнейшего ведения боевых действий в акватории Тихого океана. На острове Гуам были проложены новые 5 взлётных полос для бомбардировщиков В-29, которые с этой авиабазы достигали территории Японии, в т.ч. Токио.

Так, например, 12 мая 1948 г. информационное агентство Associated Press сообщило, что накануне на острове Гуам два японских военнослужащих сдались местным полицейским.

На острове Гуам имели место и другие случаи, связанные с личностью отдельных военнослужащих Императорской армии Японии. К примеру, это рядовой 1-го класса *Бундзо Минагава (1920-2000)* и капрал *Масаси Ито (1921-2004)* – военнослужащие Императорской армии Японии, которые находились на острове Гуам в течение 1944-1960 гг., избегая военных патрулей США, устраивающих облавы. Японцы ожидали прибытия подкреплений, чтобы изгнать врага.

Начало этой истории было положено 14 октября 1944 г., когда во время обстрела подразделения, в котором проходили военную службу Бундзо Минагава и Масаи Ито, они остались от своей колонны, передвигавшейся по дороге и попавшей в засаду, и были вынуждены скрыться в джунглях.

Первые два месяца Бундзо Минагава и Масаи Ито питались остатками своего НЗ и личинками насекомых, которые находили под корой деревьев, пили дождевую воду, собранную в банановые листья, жевали съедобные корни, а иногда употребляли в пищу змей, которых случалось изловить в силки.

Вначале за ними охотились военные патрули, а потом – жители острова Гуам с собаками. Но им каждый раз удавалось уходить от преследования.

В разных частях острова Гуам они соорудили несколько убежищ, выкопав их в земле и накрыв ветвями. Пол устлали сухой листвой. Неподалеку вырыли несколько ям с острыми кольями на дне – ловушки для дичи.

Выживая в джунглях, они не знали о том, что Вторая мировая война уже закончилась. В мае 1960 г. японские военнослужащие, после того, как их обнаружили лесорубы, сдались местным властям: сначала – Бундзо Минагава, затем – Масаси Ито (23 мая 1960 г.).

Вслед за этим, японцы вернулись на родину, а спустя некоторое время, в 1967 г. была опубликована книга «Последние солдаты императора», в которой эти военнослужащие Императорской армии Японии поделились своим опытом выживания на острове Гуам.

К примеру, в книге рассказывается о том, как скрывавшиеся японцы организовывали свою жизнь на Гуаме. Первоначально, ели сырые плоды хлебного дерева и кокосовой пальмы, живя в пещере. При этом, ни один из них не был близко знаком с джунглями, никто не прошел даже базовый курс выживания в Императорской армии Японии. Однако, постепенно они научились приспосабливаться к специфической во всех отношениях жизни в джунглях, и их привычки изменились.

Так, например, они придумали способ разжечь огонь для приготовления пищи, протирая бревно стальным шнуром, а затем, высыпая на него порох, чтобы получить пламя. После нескольких месяцев экспериментов они узнали, как выпаривать чистую соль из морской воды, а затем использовали эту соль для консервирования мяса коров и свиней, которых им иногда удавалось убить. Они следили за расположенной на Гуаме военно-морской базой США и за ее мусорной свалкой, куда иногда совершали набеги в поисках припасов.

Эта свалка стала настоящим «источником жизни» для затерявшихся в джунглях японцев. Расточительные американцы выбрасывали много разной еды. Там же японцы подобрали консервные банки и приспособили их под посуду. Из пружин от кроватей они сделали швейные иглы. Тенты пошли на постельное белье. Используя выброшенные инструменты и старые шины в качестве материала, они смастерили круглые большие сандалии, которые одновременно защищали их ноги и искусно маскировали их следы.

Решив, что пещера – это слишком очевидное укрытие, они спали под примитивными навесами в зарослях джунглей, постоянно меняя места, чтобы их не обнаружил единственный враг, который знал джунгли так же хорошо, как и они. В данном случае – это коренные жители Гуама из племени чаморро.

Наихудшим врагом для японцев был ежегодный сезон дождей: два месяца подряд они сидели в укрытиях, питаясь заготовленными припасами. В их отношениях в то время царила почти невыносимая напряженность.

Постепенно, по словам самих японцев, они начали приобретать инстинкты дикого животного. Малейшее изменение в обычных звуках джунглей заставляло их выбегать из своего убежища в кусты, а чтобы предупредить друг друга о приближающейся опасности, был выработан определенный звуковой код, предполагающий прищелкивания языком. Также они применяли сигналы руками.

Как вскоре обнаружили японцы, по-настоящему безопасного места на острове Гуам не было. Чаморро, всегда вооруженные и постоянно передвигающиеся по джунглям в поисках «оставшихся», трижды обнаруживали их убежище. Более того, в 1948 г. они убили одного из участников этой группы, а другой в 1957 г. был ранен.

В 1953 г. над островом Гуам были разбросаны листовки, адресованные «оставшимся», в которых правительство Японии призывало своих сограждан, скрывающихся в джунглях, выйти из укрытия и сдаться властям. Капрал Масаси Ито видел одно из таких сообщений, но усомнился в их подлинности.

Впоследствии один из японцев вспоминал: «За время скитаний мы натыкались на другие такие же группы японских солдат, которые, как и мы, продолжали верить, что война продолжается. Мы были уверены, что наши генералы отступили из тактических соображений, но придет день, когда они вернутся с подкреплением. Иногда мы зажигали костры, но это было опасно, так как нас могли обнаружить. Солдаты умирали от голода и болезней,

подвергались нападениям, иногда их убивали свои же. Я знал, что должен остаться в живых, чтобы выполнить свой долг – продолжать борьбу. Мы выжили лишь благодаря случаю».

Весьма показательным является и другой рассказ: «Однажды мы разговаривали о том, как выбраться с этого острова по морю. Мы ходили вдоль побережья, безуспешно пытаясь найти лодку. Но наткнулись лишь на две американские казармы с освещенными окнами. Мы подползли достаточно близко, чтобы увидеть танцующих мужчин и женщин и услышать звуки джаза. Впервые за все эти годы я увидел женщин. Я был в отчаянии – мне их не хватало! Вернувшись в свое убежище, я стал вырезать из дерева фигуру обнаженной женщины. Я мог спокойно пойти в американский лагерь и сдаться, но это противоречило моим убеждениям. Я ведь давал клятву моему Императору, он был бы разочарован в нас. Я не знал, что война давно закончилась, и думал, что император просто перебросил наших солдат в какое-то другое место».

В конце концов, в мае 1960 г. чаморро смогли поймать одного из двух оставшихся японцев из этой группы, когда он взбирался на кокосовую пальму, после чего сдался последний – Масаси Ито.

«Однажды утром, Минагава надел самодельные деревянные сандалии и пошел на охоту, - вспоминал Масаси Ито. – Прошли сутки, а его все не было. Меня охватила паника. Я знал, что не выживу без него. В поисках друга я обшарил все джунгли. Совершенно случайно наткнулся на рюкзак и сандалии Минагавы. Я был уверен, что его схватили американцы. Неожиданно над моей головой пролетел самолет, и я бросился назад в джунгли, полный решимости умереть, но не сдаться. Взобравшись на гору, я увидел там четверых американцев, поджидавших меня. Среди них был Минагава, которого я не сразу узнал, - его лицо было гладко выбрито. Он сказал, что когда шел по лесу, то наткнулся на людей, и они уговорили его сдаться. От него я услышал, что война давно закончилась, но мне понадобилось несколько месяцев, чтобы действительно поверить в это. Мне показали фотографию моей могилы в Японии, где на памятнике было написано, что я погиб в бою. Это было ужасно трудно понять. Вся моя молодость оказалась потраченной впустую. В тот же вечер я пошел в горячо натопленную баню и впервые за много лет лег спать на чистой постели. Это было восхитительно!».

Действительно, капрал Масаси Ито, находясь в военном госпитале на военно-морской базе США, долго не мог поверить в то, что Вторая мировая война уже давно окончена, будучи уверенным в том, что американцы устроили ловушку, чтобы его убить. Японец и его товарищ сомневались во всем, что им говорили американцы, пока они не воссоединились со своими родственниками в Японии.

Возвратившись в свою деревню в Японии, где, кстати, его отец установил памятник в память о сыне, который, как считалось, погиб, Масаси Ито обнаружил, что не может избавиться от инстинктов преследуемого животного. Каждый звук, появлявшийся в ночи, будил его в состоянии, близком к панике. «Я достаточно хорошо понимаю, что нет ни малейшего элемента опасности, - писал Масаси Ито, - но мои чувства не подтверждали этот вывод. Однажды проникнув в глубину вашей души, джунгли не так легко вас отпустят».

Наибольшую же известность из «оставшихся» военнослужащих Императорской армии Японии на острове Гуам получило имя Сёити Ёкои.

Капрал *Сёити Ёкои (1915-1997)* – военнослужащий Императорской армии Японии, участник Второй мировой войны, не признавший капитуляции Японии в сентябре 1945 г. и продолжавший, правда, с большими оговорками, «свою войну» до 1972 г. на острове Гуам.

Сёити Ёкои родился 31 марта 1915 г. в посёлке Саори (префектура Айти). Родители развелись еще в раннем детстве Сёити Ёкои.

До мобилизации в Императорскую армию Японии Сёити Ёкои учеником портного.

В 1935 и 1941 гг. дважды призывался на военную службу. В 1939-1941 гг. пытался организовать собственный бизнес, открыв ателье по пошиву мужской одежды.

В 1941 г., после вторичного призыва в Императорскую армию Японии первоначально Сёити Ёкои проходил военную службу в составе 29-й пехотной дивизии, части которой дислоцировались на территории Маньчжоу-Го.

В 1943 г. Сёити Ёкои в составе 38-го пехотного полка был переведён на Марианские острова. В феврале 1943 г. Сёити Ёкои прибыл на остров Гуам, с 1941 г. оккупированный японскими войсками.

После высадки американских войск летом 1944 г. на остров Гуам Сёити Ёкои и ещё 9 японских военнослужащих, не желая сдаваться в плен, ушли вглубь джунглей Гуама. Через некоторое время семеро из них вернулись назад.

Трое оставшихся приблизительно в 1964 г. разделились. Позднее Ёкои обнаружил двух своих сослуживцев Микио Сати и Накабата Сато погибшими, вероятно, в результате тайфуна (по другим сведениям – оба умерли от отравления ядовитыми плодами одной из разновидностей пальмы).

В течение 1964-1972 гг. Сёити Ёкои находился в джунглях Гуама в одиночестве, в обустроенной им яме около деревни Талофофо. Пищу Сёити Ёкои добывал преимущественно охотой на местную фауну (преимущественно, грызунов), выходя на неё ночью, чтобы не быть замеченным местными жителями. Перемещаясь по джунглям, проявлял огромную осторожность, чтобы его не обнаружили, стирая свои следы, когда двигался по зарослям. Пользовался примитивными, изготовленными им самим из растущих на Гуаме растений, предметами обихода и домашнего хозяйства и, даже, своими собственными руками создал примитивный ткацкий станок. Военную форму, пришедшую в негодность, ему заменила одежда из коры и лыка. Брился Сёити Ёкои, скребя лицо заостренным куском кремня.

Сёити Ёкои рассказывал: «Я был совсем один столько долгих дней и ночей! Однажды попытался криком прогнать змею, которая заползла в мое жилище, но получился только жалкий писк. Мои голосовые связки столько времени были в бездействии, что просто отказывались работать. После этого я стал каждый день тренировать свой голос, напевая песенки или читая молитвы».

Сёити Ёкои, конечно, часто болел, но отчаянно старался не потерять волю к жизни. Однажды, в момент, когда ему сильно нездоровилось, он написал в своем импровизированном дневнике: «Нет! Я не могу умереть здесь. Я не могу выставить свой труп на обозрение врага. Я должен вернуться в свою нору, чтобы умереть. Мне до сих пор удавалось выжить, но теперь все сходит на нет». Несмотря ни на что, Сёити Ёкои все-таки продолжал жить, веря, что «души бесчисленных дружественных сил, спящих на острове, помогут мне».

Вечером 24 января 1972 г. Сёити Ёкои был обнаружен двумя местными ловцами креветок Хесусом Дуэньясом и Мануэлом де Гарсия, проверявшими ловушки вдоль небольшой речки в районе деревни Талофофо. Первоначально, они предположили, что Сёити Ёкои был жителем Талофофо, но Сёити Ёкои подумал, что его жизнь в опасности, и напал на них. В результате, им удалось усмирить его и вытащить из джунглей.

Позднее Сёити Ёкои заявил, что сначала он ожидал, что мужчины убьют его, но был удивлен, когда вместо этого они позволили ему съесть горячий суп у себя дома, прежде чем передать его местным властям. По словам врачей Мемориальной больницы Гуама, в которую вскоре был доставлен Сёити Ёкои, у него было относительно хорошее состояние здоровья, но у него была легкая анемия из-за недостатка соли в рационе питания. В его рацион входили дикие орехи, манго, папайя, креветки, улитки, лягушки и крысы.

Сёити Ёкои ничего не знал об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки, о капитуляции Японской империи и фактическом поражении его родины. Когда ему объяснили, что его отшельничество было лишено смысла, он упал на землю и зарыдал. Услышав, что он скоро полетит домой в Японию на реактивном самолете, Сёити Ёкои с удивлением спросил: «А что такое реактивный самолет?».

Японское правительство организовало возвращение 57-летнего Сёити Ёкои на родину, что случилось 2 февраля 1972 г. Оказавшись в Японии, Сёити Ёкои, как тогда отмечали средства массовой информации, сказал фразу, ставшую известной во всей стране: «Мне мучительно стыдно, что я вернулся живым». Этими словами Сёити Ёкои, возможно, выражал традиционный для эпохи имперской Японии воинский дух, в соответствии с которым лучше умереть, чем сдаться в плен врагу.

В 1945 г. Сёити Ёкои и другим его сослуживцам, с которыми он оказался на острове Гуам, не сообщили, что в связи с принятием Потсдамской декларации императором Хирохито было объявлено о безоговорочной капитуляции Императорской армии Японии. Однако, тогда, в августе 1945 г. на Гуаме через радиопродуктор прозвучал призыв к сдаче оставшихся японских военнослужащих. Впоследствии Сёити Ёкои говорил: «Даже когда мы услышали эту передачу, мы не могли поверить, что проиграли войну, и продолжали бродить по джунглям, все еще опасаясь вражеских нападений. Я твердо верил, что если бы мы подождали хотя бы десять лет, японская армия восстановила бы силы и вновь вернулась на Гуам.

С 1952 г. Сёити Ёкои знал, что Вторая мировая война закончилась, однако, боялся выйти из своего укрытия, объясняя это тем, что «нам, японским солдатам, сказали предпочесть смерть позору попадания в плен живыми».

Провозглашенный национальным героем на церемонии приветствия в аэропорту Танэда в Токио, которую миллионы японцев в прямом эфире

смотрели по телевизору, Сёити Ёкои, безусловно, был ошеломлен изменениями в стране, в которую он вернулся.

Возвращение Сёити Ёкои на малую родину, в деревню, в которой он родился, также транслировалось в прямом эфире по всей стране. Тысячи японцев тогда выстроились вдоль шоссе, размахивая бумажными японскими флагами.

Когда Сёити Ёкои оказался на деревенском кладбище, он зарыдал возле семейного надгробия, на котором было записано, что он умер на Гуаме в 1944 г.

После возвращения в Японию Сёити Ёкои женился и поселился в сельской местности в родной префектуре Айти, где получал небольшую военную пенсию от правительства Японии.

Будучи весьма популярным человеком в современной ему Японии, олицетворением беззаветного служения родине, Сёити Ёкои неоднократно приглашался на телевидение.

Кроме того, Сёити Ёкои стал автором нескольких книг: «Дорога в завтра: 28 лет одиночества на острове Гуам» (1974 г.), «Безопасность – это лучшее, что есть, я не боюсь рецессии» (1983 г.), «Секретная книга выживания Сёити Ёкои / Еще больше проблем!» (1984 г.).

В 1977 г. о жизни Сёити Ёкои на острове Гуам в течение 1944-1972 гг. был снят документальный фильм «Сёити Ёкои и его 28 лет тайной жизни на острове Гуам», за который бывший капрал Императорской армии Японии получил гонорар в размере около 300 долларов США.

В мирной жизни Сёити Ёкои пытался найти себя и это, как оказалось, не стало для него проблемой. После своего возвращения он преподавал навыки выживания и, будучи аскетом, часто читал лекции о том, как жить, проявляя бережливость. К примеру, в 1980 г. он утверждал: «Я не могу понять, почему города должны сжигать мусор». И далее: «Моя семья не производит мусор. Мы едим каждый последний кусочек пищи. Части пищи, которые несъедобны, используются в качестве удобрения в моем саду». Кроме того, Сёити Ёкои настаивал на том, чтобы существующие в Японии многочисленные поля для гольфа были вспаханы и засажены бобами.

Пытался Сёити Ёкои заняться политикой. В июле 1974 г. он участвовал в очередных выборах в верхнюю палату парламента Японии – Палату советников Японии, выдвинув свою кандидатуру в качестве беспартийного кандидата, однако, проиграл эти выборы.

Ранее, в марте 1974 г., в связи с возвращением в Японию еще одного «оставшегося» из числа военнослужащих Императорской армии Японии – Хироо Оноды, - интерес японской общественности к Сёити Ёкои значительно снизился. Постепенно к минимуму было сведено и внимание средств массовой информации к его личности.

Хотя Сёити Ёкои никогда не встречался с императором Хирохито, посещая территорию Императорского дворца, он заявил: «Ваше Величество, я вернулся домой... Я глубоко сожалею, что не смог служить Вам хорошо. Мир, безусловно, изменился, но моя решимость служить Вам никогда не изменится». В 1991 г. Сёити Ёкои был удостоен приёма у императора Японии Акихито.

Еще в 1965 г. Сёити Ёкои был «посмертно» награжден Орденом Восходящего солнца 7-й степени.

Сёити Ёкои скончался 22 сентября 1997 г. от инфаркта. Похоронен на кладбище в Нагое, рядом с могилой матери, умершей в отсутствие сына еще в 1955 г.

Сёити Ёкои является одним из трёх последних военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся», вернувшихся к мирной жизни в 1970-е годы, т.е. через 28-30 лет после окончания Второй мировой войны, в которой они принимали участие. Его сага побудила к поиску других японских солдат и офицеров из числа «оставшихся».

В 2006 г. в городе Нагоя был открыт Мемориальный зал Сёити Ёкои, в котором в настоящее время представлены различные экспонаты, имеющие отношение к личности Сёити Ёкои, в т.ч. вещи, которые были у него в момент, когда его нашли. Среди экспонатов – винтовка Арисаки, которая была у Сёити Ёкои в момент его обнаружения. Примечательно, что в отличие от огнестрельного оружия, которым пользовался на острове Лубанг Хироо Онода, винтовка Арисаки, принадлежащая Сёити Ёкои находилась в ужасном состоянии, была покрыта ржавчиной и фактически не могла быть использована по назначению.

Соответственно, на острове Гуам имеется туристический объект, также имеющий непосредственное отношение к Сёити Ёкои – «Пещера Ёкои», которая представляет собой пещеру, в которой в течение длительного периода времени прятался капрал Императорской армии Японии Сёити Ёкои, пока его не обнаружили в 1972 г. Считается, что Сёити Ёкои и несколько его товарищей скрывались в этом районе более 25 лет, с момента поражения Японии в битве за

Гуам в 1944 г. Сооружение является весьма оригинальным. Подземная конструкция изнутри поддерживалась крепкими бамбуковыми кольями. Стены обиты бамбуком. Из бамбука сделана кровать. Оригинальная пещера была разрушена тайфуном, поэтому рядом была создана ее копия. Реплика носит то же имя и является местной достопримечательностью в курортном парке Талофофо-Фолс. «Пещера Ёкои» - весьма популярное место на острове Гуам.

***

Последний подтвержденный случай, связанный с личностью «оставшегося» - это беспрецедентная во многих отношениях история Тэруо Накамуры.

Рядовой 1-го класса *Тэруо Накамура* – военнослужащий Императорской армии Японии, который отказался признать капитуляцию Японии в сентябре 1945 г., вследствие чего, находясь в Индонезии, он продолжал «свою войну» до конца 1974 г.

Тэруо Накамура родился 8 октября 1919 г. в деревне Дулуань, находящейся на острове Тайвань.

Тэруо Накамура принадлежал к тайваньским аборигенам народности амис. Его настоящее имя неизвестно, различные японские источники приписывали ему имя Аттун Парарин (англ. Attun Palalin) или Синиюву (англ. Shiniyuwu). По возвращении на Тайвань в 1975 г. Тэруо Накамура было присвоено китайское имя Ли Гуанхуэй, которое использовалось в местной прессе.

В апреле 1942 г., когда на Тайване была запущена специальная армейская система по подбору добровольцев, Тэруо Накамура изъявил желание вступить в ряды Императорской армии Японии, для чего, в частности, написал соответствующее заявление.

Тэруо Накамура был призван в Императорскую армию Японии в октябре 1943 г. и вскоре оказался в сформированном еще в 1941 г. Добровольческом отряде Такасаго. Добровольцы Такасаго были солдатами в Императорской армии Японии, состоящей из племён аборигенов Тайваня. Тэруо Накамура был приписан к 1-му тайваньскому пехотному полку, дислоцированному в Синьчжу.

Императорская армия Японии была заинтересованна в использовании тайваньцев в подразделениях специального назначения, поскольку аборигены были более физически приспособлены к войне в тропических и субтропических

регионах Юго-Восточной Азии, чем этнические японцы, и способны вести борьбу с минимальной поддержкой.

Общее количество тайваньских солдат было засекречено, предположительно, оно составляло до 5 000 человек. Тренировки проводились под руководством офицеров из Военной школы Накано, которые специализировались в повстанческой и партизанской войне.

Первоначально добровольцы Такасаго использовались в транспортных войсках и войсках снабжения, но с ухудшением обстановки на театрах военных действий, добровольцев стали отправлять на фронт как простых солдат. Подразделения, большей своей частью состоящие из добровольцев Такасаго, проходили военную службу на Филиппинах, в Индонезии, в Новой Гвинее и на Соломоновых островах, где они сражались против американцев и их союзников.

Оказавшись в составе Добровольческого отряда Такасаго, а также пройдя базовую боевую подготовку в составе своего воинского подразделения, 28 мая 1944 г. Тэруо Накамура был отправлен для прохождения военной службы на остров Моротай (Индонезия). После прибытия на остров Моротай 12 июля 1944 г., Тэруо Накамура был включен в состав специального подразделения Императорской армии Японии, которое предназначалось для ведения партизанской борьбы.

В течение 15 сентября – 4 октября 1944 г. на острове Моротай развернулись масштабные боевые действия, причем, бои с перерывами продолжались до августа 1945 г.

Битва за Моротай началась 15 сентября 1944 г., когда объединённые силы США и Австралии высадились на юго-западном побережье острова Моротай, который союзники планировали использовать в качестве опорной базы при освобождении Филиппинского архипелага. Силы вторжения значительно превосходили небольшой гарнизон защитников острова и в течение двух недель, к 4 октября 1944 г. смогли захватить ключевые объекты, расположенные на острове Моротай. Несмотря на то, что к японцам прибывало подкрепление, они были не в состоянии эффективно контратаковать союзников. Бои с перерывами продолжались до августа 1945 г., японские войска несли значительные потери из-за болезней и голода.

Превращение острова Моротай в базу союзников началось вскоре после высадки, он являлся важным транспортным узлом и командным центром.

Уже в октябре 1944 г. два крупных аэродрома были готовы к использованию. Эти и другие сооружения сыграли важную роль в освобождении Филиппинских островов в 1944-1945 гг. Наряду с авиацией, торпедные катера, базирующиеся на острове Моротай, также значительно изматывали японские силы в Нидерландской Ост-Индии. Позднее военные объекты острова Моротай были расширены для поддержки Борнейской операции 1945 г.

После окончательной победы войск США в Индонезии в 1945 г. радиосвязь между Токио и Моротаем была потеряна, что привело к тому, что информация о капитуляции Японии оказалась не доступна тем военнослужащим Императорской армии Японии, которые в этот момент находились на острове Моротай.

Тэруо Накамура, который проходил службу в одном из специальных подразделений Императорской армии Японии, был объявлен погибшим в ходе битвы за Моротай, предположительно, 13 ноября 1944 г., однако он выжил и, при этом, ему удалось избежать захвата в плен.

Тэруо Накамура ушел в джунгли, где, скрываясь от военных патрулей, поддерживал свою боеготовность, ожидая прибытия на остров Моротай частей Императорской армии Японии.

Выживая в джунглях, используя имеющиеся навыки выживания в дикой природе, Тэруо Накамура построил себе хижину из бамбука. Использовал зеркало, чтобы, отражая солнечный свет, развести огонь, используя также порох из патронов. Вырыл яму, чтобы складывать в нее сухие дрова, чтобы постоянно поддерживать огонь.

При этом, Тэруо Накамура был отшельником. В книге своих воспоминаний «Борьба в джунглях в течение 30 лет», опубликованной в 1965 г., он вспоминал, как считал дни, наблюдая за Луной, фиксировал каждый новый цикл, завязывая узел на веревке.

Тэруо Накамура подчеркивал, что его воспитание в горах, причем, в относительной бедности, сформировало у него способность выживать в джунглях в течение длительного периода времени. «Я сумел выжить в тех условиях, особо не беспокоясь», - подчеркивал он. «Хотя мне не с кем было поговорить, глубоко в моем сердце, казалось, был проблеск надежды и ожидания. Единственный след счастья в это время исходил от того, что я был еще жив и еще не потерял ощущение, что я все еще существую».

Большую часть своего времени Тэруо Накамура посвящал поиску пищи. Питался он в основном дикими фруктами и овощами, к примеру, ел бананы, собирая их с деревьев, иногда воровал урожай, выращенный на полях местными крестьянами. Позднее, чтобы не быть обнаруженным, начал выращивать свой собственный урожай (сладкий картофель, бобы, сахарный тростник), иногда охотился на диких животных (кабаны, фазаны и др. птицы), мастера для охоты приспособления из сетей и корзин. «Не потерять свою жизнь

стало моей единственной целью, и это занимало почти все мое время», - подчеркивал он.

Единственным развлечением, которое у него было, являлась рыбалка. Иногда он игрался с домашними счетами. Чтобы не думать о своей семье и доме, он был занят изучением окружающей местности и реализацией различных проектов по простейшему благоустройству своей хижины.

В своих воспоминаниях Тэруо Накамура утверждает, что он допустил серьезную ошибку, предположив, что война не закончилась, поскольку практически ежедневно наблюдал, как в небе пролетали военные самолеты. Однако, как он узнал впоследствии, это происходило потому, что джунгли, в которых он скрывался на острове Моротай, располагались рядом с базой индонезийских ВВС. По мере того, как с течением времени авиационные технологии совершенствовались, самолеты становились быстрее и изящнее, Тэруо Накамура думал, что это результат гонки вооружений между двумя воюющими сторонами. «Я сделал одно простое неправильное суждение, и это стоило мне 30 лет», - подчеркивал он.

По некоторым данным, Тэруо Накамура время от времени связывался с одним из местных жителей, неким Доядайдо, который иногда давал ему сахар, соль, рыбу и другую еду. После того, как они познакомились, это островитянин попытался сказать Тэруо Накамуре, что война уже закончилась, но он не поверил ему и попросил не сообщать другим жителям деревни о его существовании.

Тэруо Накамура являлся не единственным военнослужащим Императорской армии Японии, который скрывался на острове Моротай. Так, 9 других «оставшихся» (3 японца и 6 тайваньцев) были обнаружены на острове Моротай в марте 1956 г., после чего их убедили сдаться.

Информация о Тэруо Накамуре была очень отрывочной, к тому же, он вел скрытый от местных жителей образ жизни. В 1968 г., когда островитянин, с которым, как считается, иногда контактировал Тэруо Накамура, был тяжело болен, он сказал своему сыну, что Тэруо Накамура все еще жив и попросил держать это в секрете, хотя, информация о существовании скрывающегося в джунглях японского солдата распространилась по деревне.

Вскоре, слухи о Тэруо Накамуре дошли до индонезийских военнослужащих, проходивших службу на острове Моротай в одной из частей ВВС Индонезии.

Однако, потребовалось два месяца на дипломатические переговоры с посольством Японии в Джакарте, чтобы разработать план по спасению человека, который провёл почти 30 лет в полной изоляции, не зная, что Вторая мировая война уже давно закончилась и который был убеждён, что будет убит, если его обнаружат.

В ноябре 1974 г. посольство Японии в Джакарте запросило помощь у индонезийского правительства в организации поисковой операции, которая была проведена силами ВВС Индонезии на острове Моротай.

В ночь с 16 на 17 декабря 1974 г. члены поисковой группы случайно обнаружили укрытие Тэруо Накамуры, располагавшееся в глубине джунглей, на склоне горы, во внутренних районах острова Моротай.

Информация была передана командиру поисковой группы лейтенанту ВВС Индонезии Спарди, который принял решение пойти на контакт с Тэруо Накамурой в светлое время суток.

Когда Тэруо Накамура вышел из своей маленькой соломенной хижины ранним утром 18 декабря 1974 г. и начал с помощью мачете рубить бамбук, его окружили индонезийские солдаты. При этом, они выманили обнаженного Тэруо Накамуру из укрытия исполнением «Патриотического марша», известной, националистической по своему содержанию, военной песни 1937 г., в которой выражается гордость за Японию и её национальную идею, призыв к японскому народу установить господство над всей Азией и защищать свою страну в случае агрессии. В руках индонезийские солдаты держали национальные флаги Японии, Индонезии, а также белый флаг.

Проведя почти 30 лет в полной изоляции, не зная, что Вторая мировая война уже давно закончилась, Тэруо Накамура был убеждён, что будет убит, если его обнаружат, поэтому его первая реакция на происходящее оказалась вполне предсказуемой. Однако, индонезийские солдаты смогли успокоить Тэруо Накамуру.

Тэруо Накамура неоднократно спрашивал у лейтенанта ВВС Индонезии Спарди, есть ли еще американские войска на Моротае. В ответ на это индонезиец показал фотографию президента Сухарто, рассказал, что Индонезия уже несколько десятилетий является независимых государством и что Япония и Индонезия – это дружественные страны. Однако, Тэруо Накамура все еще был настроен скептически, но решил спуститься с горы, надел предоставленную

ему форму военнослужащего ВВС Индонезии и начал спуск с горы, на склоне которой располагалось его укрытие.

Сдавшись, Тэруо Накамура передал индонезийским солдатам ухоженную винтовку Арисаки тип 38 и последние пять патронов. «Мой командир приказал мне сражаться до самого конца», - заявил им Тэруо Накамура, объясняя причину своего многолетнего нахождения в джунглях острова Моротай.

Посольство Японии в Джакарте получило первое сообщение об обнаружении Тэруо Накамуры 25 декабря 1974 г., а 28 декабря 1974 г. японский атташе по вопросам обороны Масао Юно вылетел на остров Моротай, где вскоре встретился с Тэруо Накамурой.

Тэруо Накамура был совершенно здоров и отвечал на вопросы Масао Юно о своем имени, месте жительства, а также воинском подразделении, к которому он относился, причем рассказывал это на японском языке. В этот момент выяснилось, что Тэруо Накамура был родом с Тайваня, поэтому Масао Юно объяснил ему то, как после 1945 г. изменилась международная обстановка.

Когда Тэруо Накамура сообщили, что Тайвань уже не является ни японским, ни китайским, а существует как отдельное государственное образование, он ответил: «Я достаточно долго был японцем. Неважно, что Тайвань теперь – другое государство».

На следующий день, 29 декабря 1974 г., военно-транспортным самолетом С-130 ВВС Индонезии Тэруо Накамура был доставлен в Джакарту и помещен в городскую больницу для медицинского обследования. Тэруо Накамура было 55 лет, когда он прекратил «свою войну». При осмотре врачами в госпитале Джакарте, куда он был доставлен, не было обнаружено каких-либо серьёзных проблем со здоровьем, кроме заболевания малярией. Очевидно, что уроженец Тайваня Тэруо Накамура продемонстрировал выносливость и способность преодолевать трудности.

Вечером того же дня, 29 декабря 1974 г., в Джакарте состоялась пресс-конференция, на которой в качестве переводчика присутствовал индонезиец, говорящий на хоккиенском языке. Тэруо Накамура мог понимать хоккиен, но сказал: «Легче говорить по-японски». Поэтому, на все последующие вопросы он отвечал именно по-японски.

Одновременно с этим, происходил закулисный обмен мнениями между Тайванем и Японией по поводу дальнейшей судьбы Тэруо Накамуры.

Новости о том, что на острове Моротай был найден еще один военнотружущий Императорской армии Японии из числа «оставшихся», достигли Японии 27 декабря 1974 г.

Однако, Тэруо Накамура не намеревался отправляться в Японию, поскольку больше всего он хотел вернуться к своей семье на Тайвань. Правда, как выяснилось впоследствии, жена не дождалась его и, считая Тэруо Накамуру погибшим, повторно вышла замуж.

8 января 1975 г. Тэруо Накамура вернулся на Тайвань. В аэропорту Тайбэя, куда прибыл самолет с Тэруо Накамурой на борту, собралось большое количество репортеров, которые, однако, не смогли расспросить прибывшего, поскольку он не понимал по-китайски. По возвращении на родину тайваньская пресса называла его «Ли Гуан-хуэй» (кит. 李光輝) – именем, о котором Тэруо Накамура узнал только после своей репатриации.

В аэропорту Тайбэя Тэруо Накамура снова встретил свою жену Масако и сына Хироши, впервые с момента расставания в 1943 г., после чего был сопровожден в отель в Тайбэе. Благодаря доброте хозяина, семья Накамура остановилась в номере класса «Люкс», который был приготовлен для них в тот же день, а затем, на следующее утро вылетела в аэропорт Тайдун, где они пересели в микроавтобус и направились в деревню Тайгэн, где они жили до войны. В деревне Тайгэн местные жители организовали церемонию приветствия, а в начальной школе, которая служила местом проведения этой церемонии, был вывешен баннер с надписью «Танец в честь возвращения Ли Гуанхуэй домой».

Возвращаясь в деревню Тайгэн, Тэруо Накамура, как свидетельствовали очевидцы, был счастлив от того, что наконец-то он мог воссоединиться со своей семьей.

Примечательно, что первоначально китайское националистическое правительство на Тайване восприняло возвращение Тэруо Накамуры весьма настороженно, видя в нем сторонника Японии.

С другой стороны, восприятие Тэруо Накамуры японской общественностью значительно отличалось от восприятия других военнотружущих Императорской армии Японии из числа «оставшихся», вернувшихся в Японию ранее (Сёити Ёкои, Хироо Онода и др.). В особенности, этот контраст был виден на примере Хироо Оноды, этнического японца, офицера Императорской армии Японии, тогда как Тэруо Накамура, являлся

выходцем из Тайваня, который не считался частью Японской империи, а расценивался в качестве колонии. К тому же, Тэруо Накамура был простым солдатом, который во время своего нахождения на острове Моротай всего лишь выживал, а не воевал.

В связи с этим, а также вследствие изменений в Законе о пенсиях от 1953 года, Тэруо Накамура не имел права на пенсию. Поэтому он получал только минимальную сумму в размере 68 000 йен, что составляло 227,59 долларов США.

Тэруо Накамура проживал на Тайване в последующие несколько лет после своего возвращения. Как сообщали средства массовой информации, он не смог привыкнуть к мирной жизни, стал вести нездоровый образ жизни, пристрастился к табаку и алкоголю. Он скончался от рака лёгких спустя пять лет – 15 июня 1979 г. и был похоронен на кладбище в поселке Дунхэ на склоне холма с видом на Тихий океан.

Тэруо Накамура стал последним военнослужащим Императорской армии Японии из числа «оставшихся», которые были обнаружены в различных частях Азиатско-Тихоокеанского региона после окончания Второй мировой войны.

Возвращение Тэруо Накамуры на Тайвань привлекло внимание тайваньских историков к истории Добровольческого отряда Такасаго, благодаря чему последовательно были изучены действия многих тайваньских аборигенов, служивших в Императорской армии Японии во время Второй мировой войны. Он также вдохновил некоторые тайваньские общественные организации выступить в защиту бывших военнослужащих Императорской армии Японии, являвшихся по своему происхождению тайваньцами и, в результате, потребовать от японского правительства выплатить им соответствующую компенсацию.

Поскольку индонезийцы не испытывали сколько-нибудь существенного негатива к политике Японской империи в 1940-е годы, т.к. считали, что Япония помогла Индонезии создать собственное независимое государство, они демонстрировали в целом дружелюбное отношение к Тэруо Накамура, аргументируя это тем, что множество японских военнослужащих приняло участие в Войне за независимость Индонезии 1945-1949 гг., оказывая помощь индонезийскому народу.

Во многом именно этими обстоятельствами объясняется тот факт, что в 2012 г. на острове Моротай был сооружен памятник Тэруо Накамура. Надпись

на этом памятнике гласит: «Человек, который защищал индонезийский остров Моротай и сражался против колонизаторов. Неутомимый воин».

***

Представленные выше случаи, связанные с личностью других (за исключением Хироо Оноды и его товарищей) военнослужащих Императорской армии Японии, которые вели «свою войну» после 1945 г. и относились к категории «оставшихся», являются наиболее типичными.

В действительности, таких случаев было довольно значительное количество, исчисляемое сотнями. Правда, не всегда информация об этих случаях являлась достоверной.

К примеру, в 1960-е – 1970-е гг. ходили слухи о том, что на *острове Велья-Лавелья* – вулканическом острове в группе островов Нью-Джорджия в архипелаге *Соломоновы острова*, скрывается большая по численности группа бывших военнослужащих Императорской армии Японии.

Во время Второй мировой войны на острове Велья-Лавелья размещался японский гарнизон в составе двух пехотных полков, а также подразделений поддержки, вследствие чего он стал ареной ожесточенных боев в июле и августе 1943 г.

Сообщалось, что около 300 японцев, возможно, бежали вглубь острова Велья-Лавелья, а в 1959 г. несколько членов этой группы – «с длинными бородами и в набедренных повязках» - все еще оставались на острове. В 1965 г. в целях обеспечить их капитуляцию над островом были сброшены листовки с соответствующими призывами.

Также сообщалось, что один человек, якобы, был задержан и репатрирован, однако, реальность оказалась такова, что никто не вышел из джунглей ни тогда, ни позднее, по крайней мере, достоверных данных об этом нет. Отчет о репатриации, датированный 1978 годом и опубликованный в 6-м издании «Южнотихоокеанского справочника» Стэнли, по-видимому, является искаженным пересказом событий, которые имели место в 1965 г.

Спустя некоторое время, в 1981 г. один из комитетов парламента Японии упомянул газетные сообщения о том, что «оставшиеся», возможно, все еще живут в джунглях на острове Велья-Лавелья. Заявлялось, что поиски проводились несколько раз в течение десятилетий, но информация была слишком скудной, чтобы предпринять какие-либо дальнейшие действия.

В дальнейшем, в 1992 г. по информации, исходящей от путешественника по имени Роб Кроуфорд, на *острове Коломбангара (Соломоновы острова)*, где во время Второй мировой войны находился японский гарнизон общей численностью 10 000 человек, якобы, появлялись сообщения о 2-3 выживших японцах. В качестве аргументов Роб Кроуфорд приводил факты, что у нескольких местных жителей на этом острове регулярно крадут овощи, но они не возражают, поскольку знают, что «оставшиеся» просто пытаются выжить. При этом, их видели несколько раз, но они не шли на контакт. Японское правительство послало поисковую группу, чтобы найти их, но безрезультатно.

В 2001 г. Роб Кроуфорд утверждал, что похожая ситуация сложилась на *острове Гуадалканал (Соломоновы острова)*: «У меня также есть несколько друзей на Гуадалканале, которые дали мне приблизительные координаты нескольких японских "оставшихся", скрывающихся возле горы Макаракомбуру [самая высокая вершина на Соломоновых островах, 2447 м]. В последнее время я мало слышал об "оставшихся", в последний раз – в 2001 году. Мой друг, который является местным таможенником, утверждает, что некоторые жители деревни снабжали "оставшегося" лекарствами, одеждой, одеялами и т.д., но уважали его нежелание оставаться найденными. Особенно, японцами».

После 1974 г., периодически, в средствах массовой информации появлялись сведения о том, что в разных местах Азиатско-Тихоокеанского региона вновь обнаруживались военнослужащие Императорской армии Японии из числа «оставшихся».

Так, например, в январе 1980 г. «Асахи симбун» сообщила, что капитан *Фумио Накахара*, якобы, все еще проживает в горах *острова Миндоро (Филиппинские острова)*, примерно в 100 милях к югу от Манилы.

Сообщения о предполагаемом месте нахождения Фумио Накахары достигли Японии еще в 1957 г., и его бывший товарищ по оружию по имени Исао Маядзава предпринял несколько попыток найти его. Ему это почти удалось, говорилось в сообщении AFP, появившимся весной 1980 г., когда после недельного похода «через густые леса, через реки и глубокие овраги, чтобы найти и вернуть оставшегося», он обнаружил то, что он и его спутники решили, что должно быть хижинкой Фумио Накахары. Они ждали несколько дней на этом месте, но так никого не увидели, после чего оставили записки, с призывом сдаться.

Неясно, каким образом Исао Маядзава и его группа пришли к выводу о том, что они обнаружили место, где скрывался Фумио Накахара. Идентификация, возможно, была осуществлена местными гидами, а не в результате обнаружения каких-либо артефактов, имевших непосредственное отношение к Фумио Накахаре. И если это в действительности так, то к этому случаю следует относиться с большой долей скептицизма. Никаких убедительных доказательств того, что Фумио Накахара жил до 1980 г. и, тем более, после этой даты, не было задокументировано.

В декабре 1989 г. на юге *Таиланда*, в районе границы между Таиландом и Малайзией были обнаружены бывшие работники японской компании в Малайзии *Сигэюки Хасимото* и *Киёаки Танака*, после капитуляции Японии воевавшие с англичанами в составе вооружённых отрядов малайских коммунистов. По полученной от них информации, после окончания Второй мировой войны в отрядах малайских партизан продолжали «свою войну» не менее 200 японских военнослужащих и гражданских лиц, не сумевших вовремя покинуть Юго-Восточную Азию.

2 декабря 1989 г. Сигэюки Хасимото и Киёаки Танака сдались местным властям, сложив оружие на военной базе, расположенной в джунглях на малайзийско-тайской границе. С момента капитуляции японских войск на Малайском полуострове в августе 1945 г. они сражались сначала с англичанами, а затем с силами малайзийского правительства.

В январе 1990 г. Сигэюки Хасимото и Киёаки Танака вернулись в Японию. На тот момент обоим исполнилось далеко за 70 лет.

Вполне возможно, что именно Сигэюки Хасимото и Киёаки Танака были последними настоящими «оставшимися» после Второй мировой войны. Однако, есть несколько причин, по которым их имена оказались не так широко известны, как, например, имена Хироо Оноды, а также Сёити Ёкои и Тэруо Накамуры и, даже, более того, их очень редко ставят в ряд с указанными военнослужащими Императорской армии Японии.

Дело в том, что в отличие от них, Сигэюки Хасимото и Киёаки Танака были гражданскими лицами и во время Второй мировой являлись работниками в японской компании, действовавшей в Малайзии, причем эта компания принадлежала частному лицу. Оружие в свои руки они взяли только после 1945 г.

Другая причина заключается в том, что в 1945 г. они прекрасно осознавали, что Япония капитулировала. В результате, эти люди боролись не по незнанию, а исходя из идеологических причин. Это обстоятельство в значительной степени затрудняло, да и делало практически невозможным рассматривать их как несчастных жертв японского милитаризма, как это часто происходило в отношении других «оставшихся» из числа военнослужащих Императорской армии Японии.

Возможно, самое главное заключалось в том, что идеология, которой они посвятили почти полвека своей борьбы, была крайне непопулярной в послевоенной Японии.

Сигэюки Хасимото и Киёаки Танака объединили свои силы с действовавшими в Малайзии партизанами из числа малайских коммунистов, посвятившими себя делу свержения малайзийского правительства. Они, конечно, сражались долго и упорно – они были единственными выжившими из группы из 15 человек, которые отправились в джунгли, чтобы продолжить борьбу против европейского империализма в конце войны. Но, несмотря на значительные успехи в 1950-х годах, члены Коммунистической партии Малайзии не смогли достичь своих стратегических целей. Потерпев поражение в результате новаторской, хотя и жестокой, британской кампании по борьбе с повстанцами, дело, за которое они боролись, фактически сошло на нет в 1960-х годах.

В результате, возвращение Сигэюки Хасимото и Киёаки Танаки в Японию прошло в основном незамеченным. Их встретила лишь горстка репортеров и небольшая группа родственников и близких. «В случае с лейтенантом Онодой и сержантом Ёкои, - предположил тогда социолог Эйко Фукуда, - я думаю, что японцы в начале 1970-х годов все еще были тронуты тем, что люди могут пожертвовать своей жизнью ради Императора на войне, на которую он отправил их воевать... Сегодня Вторая мировая война является по сути своей уже древней историей для большинства японцев, и такая слепая лояльность считается глупой».

В 1997 г. было объявлено о том, что на *острове Миндоро (Филиппинские острова)* был найден некий *Ноубо Санграйбан*, обнаруженный группой западных исследователей, интересующихся жизнью местного коренного населения. Однако позже выяснилось, что 85-летний Ноубо Санграйбан даже

не был японцем, никогда не являлся военнослужащим Императорской армии Японии и, таким образом, заметка, опубликованная 14 января 1997 г. на страницах австралийского издания *The Canberra Times* содержала недостоверную информацию.

Информация о военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся» неоднократно появлялась в различных СМИ в 1990-х годах, однако, никаких доказательств их существования, ни живых, ни мертвых японских военнослужащих, тогда так и не было найдено. Специалисты полагают, что эти запоздалые сообщения могли являться ничем иным, как обычными выдумками местных жителей с целью привлечения внимания со стороны японских туристов.

Появляется информация о военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся» и в 2000-е годы.

В мае 2005 г. информационное агентство «Kyodo News» и некоторые другие средства массовой информации со ссылкой на источники в правительстве Японии сообщили, что в джунглях *острова Минданао (Филиппинские острова)*, в районе горы Халкон, самой высокой вершины на острове Миндоро, на высоте 2582 м, якобы, обнаружены двое бывших японских военнослужащих – 87-летний лейтенант *Иосио Ямакава* и 85-летний ефрейтор *Судзуки Накаутти*.

Оба японца в годы Второй мировой войны проходили военную службу в 30-й пехотной дивизии, части которой понесли большие потери в последние дни войны. Оба были объявлены погибшими, но после того, как в 2005 г. были опубликованы их фотографии, предполагалось, что они прожили 60 или более лет в отдаленных горных районах острова Минданао после того, как один из них женился на женщине из местного племени. Однако, возникший первоначально ажиотаж вскоре сменился скептицизмом, после того, как японцы не явились на встречу, организованную таинственным «посредником», и которая должна была состояться в отеле в портовом городе Генерал-Сантос.

Согласно материалам, которые тогда появлялись в СМИ (*The Daily Telegraph*), информация об этих двух японцах исходила от филиппинской женщины, работавшей на лесозаготовительную компанию, которая рассказала своему японскому знакомому, что видела двух пожилых японцев во внутренних районах острова Минданао. Версия этой же истории, опубликованная

несколько дней спустя CNN, добавляла интригующие подробности о том, что муж этой женщины был тем же человеком, что и посредник, который пытался организовать выход двух мужчин из джунглей. Отмечалось также, что впоследствии он рассказал журналистам из газеты *Yomiuri*, что, хотя он и выследил двух мужчин в горах, они не были японцами.

Несколько других версий этих событий, однако, предполагают, что сообщения об этих двух японцах, возможно, были распространены партизанами из Исламского фронта освобождения Моро – в надежде заманить журналистов во внутренние районы острова Минданао, чтобы захватить их в целях выкупа.

Между тем, посольство Японии в Маниле тогда выступило с заявлением: «Мы не исключаем того, что в филиппинских лесах всё ещё прячутся десятки (!) японских солдат, не знающих о том, что война давно закончена». На Минданао срочно выехали три сотрудника японского посольства, однако, встретиться с Иосио Ямакава и Судзуки Накаuti им так и не удалось.

В январе и октябре 2009 г. некоторые информационные ресурсы, действующие в глобальной сети Интернет, сообщили, что в *районе тайско-бирманской границы* скончались жившие в этом районе бывшие военнослужащие Императорской армии Японии – 90-летний *Фудзита Мацудзи* и 90-летний *Яитиро Накано*.

Наконец, 25 августа 2014 г., в *Индонезии*, по сообщениям «Асахи симбун», в возрасте 94 лет скончался японец – некий *Мори Оно*, который имел индонезийское имя Рахмат. По мнению некоторых, этот человек считается последним военнослужащим Императорской армии Японии из числа «оставшихся». В 1942 г. составе своего воинского подразделения он был отправлен для прохождения военной службы на остров Ява (Индонезия). После капитуляции Японии в 1945 г., находясь в Индонезии, он принял участие в Войне за независимость Индонезии на стороне индонезийского народа, а уже после ее окончания принял для себя решение не возвращаться на родину. В Индонезии он женился на местной женщине, одно время работал в сфере сельского хозяйства, а затем – в японской торговой компании.

***

Наряду с этим, упоминания заслуживают также несколько случаев, имеющих отношение к бывшим военнослужащим Императорской армии Японии, которые, не будучи «оставшимися», однако, не смогли по разным

причинам вернуться на родину. В данном случае имеются ввиду те японские военнослужащие, которые до и во время Второй мировой войны оказались в советском плену.

В отличие от случаев, связанных с личностью военнослужащих Императорской армии Японии, которые вели «свою войну» после 1945 г. и относились к категории «оставшихся», некоторые из них оказались в СССР и МНР еще до Второй мировой войны.

Часть этих японских военнослужащих попала в плен по итогам вооруженного конфликта в районе реки Халхин-Гол (1939 г.), другие – в результате советско-японской войны (1945 г.), а в дальнейшем, уже после освобождения из лагерей для японских военнопленных (1950-е годы) – были вынуждены остаться в Советском Союзе, в котором жили, работали, а некоторые и вовсе завели семьи и, в конечном счете, стали советскими гражданами. По приблизительным данным, численность таких японцев составляет около 800 (по другим данным – 400) человек.

Наибольшую известность, пожалуй, получил *Исиносукэ Увано (1922-2013)* – военнослужащий Императорской армии Японии, попавший в советский плен в 1945 г. и проживший в СССР и на Украине большую часть своей жизни.

Исиносукэ Увано родился в октябре 1922 г. в многодетной семье в городе Хироно, префектура Ивате.

Исиносукэ Увано принял участие во Второй мировой войне на ее завершающем этапе. Известно, что в 1943-1945 гг. он находился на юге Сахалина в составе местного японского гарнизона.

После капитуляции Японии Исиносукэ Увано попал в советский плен, а после освобождения остался жить в Советском Союзе, по японским данным – на острове Сахалин. В 1958 г. связь Исиносукэ Увано с его родственниками в Японии прервалась. В дальнейшем, в 1965 г. он осел в городе Житомир (Украинская ССР), где постоянно и проживал. Сам Исиносукэ Увано работал плотником и среди соседей был известен как трудолюбивый человек, однако о своих прошлых годах жизни он почти никому не рассказывал.

В 2000 г. японские власти официально признали Исиносукэ Увано умершим. Тогда семья Исиносукэ Увано зарегистрировала его исчезновение в соответствии с законом о регистрации погибших на войне японских военнослужащих, не вернувшихся после Второй мировой войны. Однако, в

2005 г. родственники Исиносукэ Увано получили от него неожиданное сообщение.

19 апреля 2006 г. 83-летний Исиносукэ Увано прибыл в Токио, впервые с 1943 г. встретившись со своими японскими родственниками, которые считали его погибшим. На момент встречи в 2006 г. у Исиносукэ Увано были брат Уситаро Садатэ (80 лет), а также две младшие сестры (на момент встречи им было 75 и 70 лет). Также у Исиносукэ Увано было четверо племянников, которым на момент встречи с дядей было от 52 до 62 лет.

К этому моменту Исиносукэ Увано был уже давно женат, у него был взрослый сын Анатолий и две дочери. За время пребывания в СССР он выучил русский и украинский языки, тогда как по-японски он говорил очень редко с того момента, как он оказался в СССР, сказав несколько слов журналистам во время визита в Токио в 2006 г.

Во время поездки в Японию Исиносукэ Увано как гражданин Украины посетил родной город Хироно в префектуре Ивате и её столицу Мориока, встретившись с заместителем губернатора префектуры. 28 апреля 2006 г. он вернулся в Житомир.

После этой поездки японское правительство пообещало восстановить паспорт Исиносукэ Увано в качестве подданного Японии, т.к. выяснилось, что, поскольку он был объявлен умершим в 2000 г., юридически он больше не считался гражданином Японии. В целом Исиносукэ Увано не возражал, но, как он сообщил японским журналистам, у него не было планов остаться жить в Японии. «Украина стала моей родиной», - сказал он.

Единственное, что он помнил наиболее ярко о своей давней жизни в Японии, и о чем он рассказывал японским репортерам, которые приехали взять у него интервью, было цветение японской сакуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен так называемых «оставшихся», т.е. военнослужащих Императорской армии Японии, которые продолжили вооруженное сопротивление после капитуляции Японской империи, во многом является уникальным.

Среди стран, сформировавших в конце 1930-х годов блок агрессивных государств, в который вошли нацистская Германия, фашистская Италия и милитаристская Япония, именно Японская империя после своей капитуляции в 1945 г. столкнулась с многочисленными фактами, свидетельствовавшими о решимости отдельных японских солдат и офицеров, находившихся на момент капитуляции Японской империи в разных районах Азиатско-Тихоокеанского регионе, несмотря ни на что, продолжать сопротивление.

Совершенно уникальный случай имел место за пределами Азиатско-Тихоокеанского региона, в Бразилии. В данном случае речь идет о деятельности террористической организации Синдо Рэнмэй / Shindo Renmei (яп. 臣道連盟), состоящей из японских иммигрантов. Синдо Рэнмэй действовала в штате Сан-Паулу, Бразилия, во второй половине 1940-х годов. Члены Синдо Рэнмэй отказывались верить новостям о капитуляции Японии, а некоторые из ее наиболее фанатичных членов применили насилие против тех, кто морально сдался и признал поражение Японской империи во Второй мировой войне. По имеющимся данным, члены Синдо Рэнмэй убили по меньшей мере 23 и ранили 147 человек, которые являлись представителями японской диаспоры в Бразилии.

Первые японцы эмигрировали в Бразилию еще в 1908 г., надеясь заработать состояние, а затем вернуться в Японию. Они оказались в чужой стране со своим климатом, языком, религией, обычаями. В результате они оказались в целом изолированы от окружающей их культуры, и лишь немногие выучили португальский язык. Бразильцы в основном относились к ним с подозрением.

К 1930-м годам в Бразилии была самая большая в мире община японских иммигрантов, а к концу 1940-х годов в Бразилии уже насчитывалось около 200 000 японских иммигрантов.

В 1930-е годы режим, установленный Жетулио Варгасом с целью продвижения бразильского национализма, подвергал репрессиям бразильцев японского, итальянского и германского происхождения. Указ № 383 от 18 апреля 1938 г. запрещал иностранцам

принимать участие в политической деятельности и публично говорить на иностранных языках. Кроме того, первым языком, которому обучали детей, должен был быть португальский. Также было запрещено радиовещание на иностранных языках. Публикация на иностранных языках разрешалась только в двуязычных изданиях.

В то время почти 90 % японских иммигрантов были подписчиками газет и журналов на японском языке, что указывает на гораздо более высокий уровень грамотности, чем у населения Бразилии в целом. Указ № 383 от 18 апреля 1938 г., который сделал двуязычные издания обязательными, фактически требовал, чтобы такие издания прекратили печатать из-за высоких затрат на их подготовку. Поскольку значительное число японских иммигрантов не понимало португальского, им стало чрезвычайно трудно получать какую-либо информацию извне.

Когда в 1942 г. Бразилия встала на сторону стран Антигитлеровской коалиции, были разорваны дипломатические отношения между Бразилией и Японией, всякое сообщение с Японией было прервано, а въезд новых японских иммигрантов был запрещен. Письма из Японии больше не доходили до адресатов. Японцы, проживавшие в Бразилии, не могли свободно путешествовать или жить в определенных регионах, таких как прибрежные районы, без разрешения властей. Также были конфискованы радиоприемники, из-за чего бразильцы японского происхождения практически не могли слушать коротковолновые передачи из Японии. В этот период были запрещены даже двуязычные издания.

Синдо Рэнмэй была не единственной и не первой политической организацией, основанной бразильцами японского происхождения. Большинство этих организаций оказывали взаимную поддержку японскому сообществу в Бразилии. Однако, ни одна из этих организаций, кроме Синдо Рэнмэй, никогда не была замешана в терроризме.

Японские католики Кейдзо Исихара, Маргарита Ватанабэ и Массару Такахаши основали Риа (т.е. «благочестивый»), благотворительную организацию, созданную с одобрения церкви и правительства Бразилии для помощи бедным членам японской диаспоры. Бывший полковник Императорской армии Японии Дзюндзи Кикава был активным участником Риа. В 1942 г. после ожесточенной ссоры между японцами и бразильцами в Марилии, Дзюндзи Кикава основал Синдо Рэнмэй и призвал представителей японского сообщества совершать акты саботажа. Он распространял брошюры, призывающие японо-бразильских фермеров прекратить производство шелка, использовавшегося в свое время для изготовления парашютов, а также перечной мяты, поскольку ментол использовался при производстве взрывчатых веществ. Поскольку руководители Риа выступили против этой кампании, Дзюндзи Кикава покинул Риа в 1944 г.

Штаб-квартира Синдо Рэнмэй находилась в Сан-Паулу. Кроме того, имелось 64 местных филиала в штатах Сан-Паулу и Парана. Организация финансировалась за счет пожертвований членов.

С окончанием Второй мировой войны члены Синдо Рэнмэй отказались верить официальным новостям о поражении Японской империи. Полагая, что это не что иное, как американская пропаганда, члены Синдо Рэнмэй поставили новые цели, которые должна преследовать организация: наказать пораженцев, объявить, что Япония выиграла или выигрывает войну, и защитить честь Императора.

В представлении членов Синдо Рэнмэй японо-бразильское сообщество разделилось на две группы:

«Качигуми», или «победители», которые считал, что война все еще продолжается или что Япония победила. Большинство из них были в основном из более бедных членов японского сообщества и тех, кто все еще намеревался вернуться в Японию.

«Макегуми», или «побежденные», уничижительно называемые «грязными сердцами», принявшие известие о поражении Японии. Обычно это были более богатые члены японского сообщества, которые были более информированы и лучше адаптированы к бразильскому обществу.

Усугубляя существующую тогда неразбериху, ряд мошенников из числа членов японской диаспоры в Бразилии выпустили поддельные японские газеты и журналы с новостями о «великой победе» и начали продавать землю на «завоеванных территориях». Другие же продавали иену, японскую валюту, почти обесценившуюся в то время, тем, кто намеревался вернуться в Японию. Это привело многих «качигуми» к банкротству, а в некоторых случаях даже к самоубийству.

Члены Синдо Рэнмэй полагали, что новости о поражении Японии были ложными, и создали систему связи, чтобы объявить, что Япония в действительности победила. Публиковались подпольные газеты и журналы на японском языке, а также были созданы секретные радиостанции для распространения этой точки зрения.

Группа также составила списки с именами «макегуми», которые должны умереть за измену Императору.

Камегоро Огасавара, владелец химчистки в Сан-Паулу, координировал карательные действия. Многие принадлежащие японцам пансионаты служили укрытиями для убийц после их действий.

Убийцами («токкотай»), всегда были молодые люди. Перед убийством они отправляли письма предполагаемым жертвам, призывая их совершить сэппуку – ритуальное самоубийство мечом – чтобы они могли «вернуть утраченную честь». Письма начинались со слов: «У тебя грязное сердце, поэтому тебе нужно промыть горло», т.е. принять удар катаны.

Ни один из тех, кто получил такое письмо, не выполнил просьбу. Таким образом, их убивали огнестрельным или холодным оружием, чаще всего, используя катану.

Первой жертвой стал Икута Мизобэ, управляющий директор сельскохозяйственного кооператива Бастос, расположенного к северо-западу от Сан-Паулу. 15 августа 1945 г., в тот же день, когда император Хирохито объявил о капитуляции Японской империи, Икута Мидзобэ опубликовал заявление для своих сотрудников, подтверждающее, что Япония потерпела поражение. Подписывая этот документ, Икута Мидзобэ понятия не имел, что он также подписывает себе смертный приговор. На рассвете 7 марта 1946 г. он был убит у себя дома выстрелом в спину, когда выходил из душа, расположенного за пределами дома.

В последующие дни в Сан-Паулу были совершены нападения на промышленника Номуру и дипломата Фуруя, причем, по одной и той же причине – из-за «измены Отечеству».

По официальным данным, с января 1946 г. по февраль 1947 г., члены Синдо Рэнмэй убили 23 и ранили 147 представителей японской диаспоры в Бразилии.

Убийцы часто сдавались полиции вскоре после своих преступлений, объясняя это тем, что они ничего не имеют против Бразилии или ее народа и, что они не были обычными преступниками, поскольку убивали только в рамках своего «долга».

Рассказы об убийствах, особенно, с использованием катаны, посеяли страх среди бразильцев японского происхождения. Население Бразилии в целом не пострадало напрямую, хотя у него сложилось впечатление, что все японцы были фанатиками с ярко выраженными националистическими взглядами.

Вспышки насилия в отношении японских иммигрантов, принадлежащих к Синдо Рэнмэй (но, не только), происходили в основном в городах в сельской местности, где у них были большие общины, например, в районе Тупа, Сан-Паулу. После двух нападений Синдо Рэнмэй и убийства японским водителем грузовика бразильского водителя грузовика, которое произошло 31 июля 1946 г., толпа народа в Освальдо Круз подняла беспорядки и была готова линчевать любого японца, которого они могли встретить на улице. Бунт был остановлен только с приходом армейских частей.

В этих условиях силовые структуры Бразилии приступили к расследованию в штатах Сан-Паулу и Парана. По данным полиции Сан-Паулу, 31 380 бразильцев японского происхождения подозревались в связях с Синдо Рэнмэй. В конце концов, лидеры Синдо Рэнмэй и большинство «токкотай» были арестованы. Около 400 человек были приговорены к

различным срокам тюремного заключения. 14 из них были осуждены за совершение убийства.

Примечательно, что лидеры и убийцы из Синдо Рэнмэй получили предписания о депортации, но они так и не были приведены в исполнение.

В 2011 г. на экраны вышел художественный фильм «Грязные сердца» (Япония, Бразилия, р. Висенте Аморим), сюжет которого основан на реальных событиях, связанных с деятельностью террористической организации Синдо Рэнмэй¹.

***

Согласно статистическим данным, представленным японскими учеными Осацкого университета экономики и права, общее количество военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся» в разных районах Азиатско-Тихоокеанского региона составляет около 10 000 человек.

Данное, уникальное по своему характеру явление, имеющее отношение к истории Второй мировой войны 1939-1945 гг., безусловно, нуждается в объяснении.

После капитуляции Японии в сентябре 1945 г. десятки тысяч японских солдат и офицеров были рассеяны по Китаю, Юго-Восточной Азии и западной части Тихого океана. Многие из них были схвачены или вернулись в Японию, а тысячи скрылись, но не сдались и не покончили жизнь самоубийством. Многие умерли от голода или болезней. Оставшиеся в живых отказались верить сброшенным листовкам и объявлениям по радио о том, что война проиграна и, в результате, приняли для себя решение начать «свою войну».

Уже указывалось, что эти, ушедшие вооружённые группы и одиночки руководствовались различными побудительными мотивами для продолжения «своей войны».

Одни из них были воспитаны в фанатичной преданности долгу, Родине и Императору. Для них окончание войны – в случае поражения Японии – могло означать только доблестную смерть в бою с врагом.

Другие не признавали легитимность подписанного 2 сентября 1945 г. Акта о капитуляции Японии.

Третьи же продолжали воевать, вообще не зная о самом факте капитуляции Японской империи, поскольку были изолированы от Токио, вследствие чего достоверная информация о том, что в реальности происходит, до них не доходила.

Были и такие, кто боялся сдаваться в плен, будучи убежденными, что в этом случае их ждет расстрел.

Наконец, некоторые признали сам факт капитуляции Японии и окончания Второй мировой войны, но желали продолжить вооруженную борьбу по идеологическим причинам. В результате, многие из них участвовали в гражданской войне в Китае, войне в Корее, а также в местных движениях за независимость, таких как Первая Индокитайская война и Война за независимость в Индонезии. Этих японских военнослужащих можно назвать «оставшимися» с определенными оговорками.

***

Пример младшего лейтенанта Императорской армии Японии Хироо Оноды, который с 1945 г. не имел связи со своим командованием и так же, как и многие другие «оставшиеся», не получал уведомление об окончании войны и о том, что он должен был сдаться силам союзников, пожалуй, ярче всего демонстрирует то, насколько японский офицер мог сохранять верность своему воинскому долгу, безусловно, с учетом воздействия на его сознание японской военной пропаганды 1930-х – 1940-х гг. в русле национализма и милитаризма.

Данное обстоятельство вряд ли следует рассматривать исключительно в положительной коннотации, тем более, учитывая тот факт, что в результате действий группы Хироо Оноды на острове Лубанг имели место жертвы среди мирного населения. Однако, нельзя не отметить верность Хироо Оноды присяге, следствием чего полученный еще в 1944 г. приказ выполнялся им в течение следующих трех десятилетий, вплоть до 1974 г. Хироо Онода – это фактически единственный «оставшийся», который продолжал вести боевые действия на протяжении столь длительного периода времени, тогда как многие другие «оставшиеся» просто выживали.

Во многом именно поэтому в Японии Хироо Оноду считали, чуть ли не последним хранителем самурайского духа – «последним самураем», который не только выжил, но и до конца оставался верен присяге, т.е. уничтожал врагов Японской империи до тех пор, пока ему не приказали остановиться.

В данном случае большую роль сыграла соответствующая подготовка, которую прошел младший лейтенант Императорской армии Японии Хироо Онода перед отправкой на остров Лубанг, но также и его воспитание в соответствии с кодексом бусидо².

Главным здесь являлся сформированный посредством внушения со стороны командиров военный дух, в соответствии с которым необходимо было сохранять верность клятве, данной Императору³, сражаться насмерть и избегать капитуляции, с учетом того, что последняя расценивалась как проявление бесчестия и позора. В соответствии с этими установками, сдаться на милость победителя было немыслимым, а плен считался позором и унижением, которое навсегда заклеямило бы сдавшегося в глазах тех, кого он уважал, - друзей, семьи, воинов⁴.

Исходя из вышеуказанного, в «Наставлениях на поле боя» от 8 января 1941 г. («Сэндзикун»), составление которых происходило при непосредственном участии генерала Хидэки Годзио, занимавшего пост премьер-министра Японии в 1941-1944 гг., содержалось следующее положение: «Живя – не допусти позора стать пленником, умирая – не оставляй после себя имя, запятнанное виной».

«Сэндзикун», помимо того, что провозглашал, что главная обязанность солдата – сражаться и при необходимости умереть за Императора, также указывал: «Запомни, что защита государства и возрастание его мощи зависят от силы армии... Помни, что долг тяжелее горы, а смерть легче пуха...». Последнее положение чаще всего приписывается к предшествующему «Наставлениям на поле боя» (1941 г.) «Императорскому рескрипту военным» (1882 г).

Из этого следовало, что приказы, предписывающие сдаться, в представлении военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся» не могли исходить от военного и политического руководства страны, а были вражеской уловкой или военной хитростью противника. Подавляющее большинство «оставшихся» не верило в правдивость этих приказов.

Представляется, что следование кодексу бусидо являлось основополагающим фактором, повлиявшим на поведение Хироо Оноды и многих других военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся», продолжавших вооруженное сопротивление после капитуляции Японской империи в разных районах Азиатско-Тихоокеанского региона. Этим, кстати, во многом объясняется и феномен камикадзе, также имеющий отношение к военнослужащим Императорской армии Японии.

Наряду с кодексом бусидо, значительное воздействие на характер поведения военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся» оказывали также такие установки, присущие японскому национальному характеру, как гиму, гири и гамбару.

Гиму (яп. 義務, «гиму», «обязанность») – элемент японской культуры, представляющий собой долг или обязательство самого высокого порядка.

Гири (яп. 義理, «гири», «чувство долга») – элемент японской культуры Японии, представляющий собой долг чести, определяемый традицией поведения.

В отличие от гири, гиму не имеет ограничений в виде объема или времени, т.е. такое обязательство фактически не может быть выполнено, но человек несет это обязательство всю свою жизнь.

Примером гиму могут служить преданность императору, государству и нации, обязательства по отношению к своей работе, долг перед родителями и предками.

Гири – это «некая моральная необходимость, заставляющая человека порой делать что-то против собственного желания или вопреки собственной выгоде». Гири может осуществляться как поддержка (в т.ч. моральная), помощь, услуга или подарок.

Гамбару (яп. 頑張る, «гамбару», «Вперёд! Сделай всё, что можешь! Никогда не сдавайся!») – еще один элемент японской культуры.

Выражение «гамбару» означает «делать всё от тебя зависящее», «упорствовать в достижении цели», «проявлять максимум энергии и настойчивости». Соответственно, принцип «гамбару» - это принцип, согласно которому человек в случае наступления каких бы то ни было трудностей отказывается принимать поражение и борется, невзирая на то, какую бы цену ему ни придётся заплатить ради достижения результата.

В современной Японии в повседневной жизни то и дело упоминают выражение «гамбари», пожалуй, иногда даже чрезмерно часто, что является следствием японского менталитета. Спортсмены, студенты, служащие – все они «гамбару» – усиленно трудятся, тренируются и учатся, чтобы достичь поставленной цели. Сегодня японцев часто называют старательными, упорными, усердными, иногда даже трудоголиками. Подобную характеристику

лучше всего передает выражение «гамбари» – существительное от глагола «гамбару».

Между тем, в ряде случаев, имевших отношение к военнослужащим Императорской армии Японии из числа «оставшихся», очевидно, присутствовал момент иррациональности. Некоторые срывались, в психологическом плане страдая от того, что в современном мире может быть диагностировано как посттравматического стрессовое расстройство (ПТСР), и поэтому действовали иррационально из-за возникшей на уровне психики нестабильности.

Некоторые же и вовсе действовали не просто иррационально, а принимали неадекватные в сложившейся ситуации решения. Они не могли подавить свое непомерно раздутое чувство гордости и признать, что все страдания и жертвы военного времени были напрасными и, в итоге, смириться с тем, что им нанесли поражение.

Так или иначе, какими бы ни были мотивы военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся», факт остается фактом: тысячи японских солдат и офицеров не сдались после официального окончания Второй мировой войны и продолжали вести «свою войну».

***

Большинство военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся» долго не продержались. В течение всего нескольких месяцев после капитуляции Японской империи их значительная часть убедилась, что война закончилась. Поэтому они сложили оружие и сдались ближайшим силам союзников или же, если не смогли вынести унижения капитуляции, покончили жизнь самоубийством. Другие, будучи отрезанными от поставок продовольствия и лекарств, умерли от голода или болезней. Третьих выследили союзные или местные силы и в ходе вооруженных столкновений они были убиты.

Оставшееся меньшинство продержалось гораздо дольше, продолжая «свою войну» и избегая захвата или гибели годами, а в некоторых случаях – десятилетиями.

***

Примечательно, что после 1945 г. японское правительство периодически активизировало работу по поиску в различных районах Азиатско-

Тихоокеанского региона военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся».

Один из таких «всплесков» пришелся на 1972-1974 гг. и был вызван событиями, которые произошли в начале 1972 г. Обнаружение на острове Гуам Сёити Ёкои и его возвращение в Японию вызвало рост общественного и государственного интереса к судьбе «оставшихся». Этот интерес стал еще более значительным, после того, как в конце 1972 г. в Японию пришли новости с острова Лубанг, где имел место инцидент с участием Кинсити Кодзуки и Хироо Оноды.

В течение нескольких последующих лет формировались поисковые группы, главным образом, из числа бывших военнослужащих Императорской армии Японии, которые направлялись в различные районы Азиатско-Тихоокеанского региона.

Японские чиновники из Министерства здравоохранения и социального обеспечения в 1972 г. заявляли, что они ожидают восьмикратного увеличения ассигнований государственных средств на такие поиски в предстоящем финансовом году. В результате, бюджет на эти цели, который тогда составил 152 000 долларов, в следующем году оценивался уже в 1 260 000 долларов. При этом, выделенные средства использовались не только для поиска выживших, но и для сбора останков людей, убитых в боях на островах Тихого океана и в Юго-Восточной Азии. Небольшая часть бюджета также финансировала создание памятников тем военнослужащим Императорской армии Японии, которые числились пропавшими без вести и погибшими.

И эти усилия представляли собой нечто большее, чем отчаянную попытку поиска. В японском национальном характере, а также в соответствии с установками синтоизма, являющимся национальной религией Японии, глубоко укоренилась вера в то, что душа человека, ушедшего из жизни, обречена скитаться в другом мире, пока его прах не будет возвращен на родину. Следовательно, душа человека, ушедшего из жизни, может упокоиться только тогда, когда его прах вернется в Японию. Более того, фундаментальный принцип буддизма, который управляет большей частью японских мыслей о смерти и загробной жизни, заключается в том, что прах умершего человека должен быть помещен в семейный склеп на кладбище в Японии. Там его дух остается частью семьи, утешенным и почитаемым.

Эти обстоятельства вынуждали действовать и, начиная с конца 1940-х – начала 1950-х гг., отправлять в различные районы Азиатско-Тихоокеанского региона так называемые «миссии по сбору костей»⁵. Участники этих миссии в ходе своих поисков иногда выходили на небольшие группы «оставшихся», однако, очевидно, что найти всех военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставшихся» им не удалось.

***

Всего, согласно имеющимся данным, в течение 1945-1974 гг. в разных районах Азиатско-Тихоокеанского регионе было обнаружено 127 военнослужащих Императорской армии Японии из числа «оставших». В отличие от сотен других солдат и офицеров, им в какой-то степени даже повезло, поскольку они смогли вернуться на родину. Остальные же, имена которых остаются неизвестными, так и остались в глубине джунглей до самой своей смерти, в местах, где когда-то, во время Второй мировой войны 1939-1945 гг., шли боевые действия с участием Императорской армии Японии. Истории этих безымянных японских военнослужащих вряд ли когда-либо будут известны широкой общественности, как в Японии, так и за ее пределами.

***

---

1. Подробнее: Dezem, Rogério. Shindô Renmei: terrorismo e repressão. São Paulo: AESP, 2000.

2. Подробнее: Нитобэ, Инадзо. Бусидо – душа Японии. М.: София, 2004.

3. Как подчеркивал в свое время руководитель Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН Валерий Кистанов, «смерть за императора, которого считали прямым потомком богини солнца Амаэрасу, была чрезвычайно почётна».

С другой стороны, по его словам, нельзя сбрасывать со счетов и технический фактор, повлиявший на действия «оставшихся».

«Многие военнослужащие были банально лишены связи со своим командованием и физически не могли получить приказ о капитуляции. Поэтому и продолжали сражаться, как того требовал их долг. Попадая годы спустя домой, они очень удивлялись тому, как изменилась их страна», - подчеркивал он.

В свою очередь, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Виктор Кузьминков заявлял, что на поведение японских военнослужащих в известной мере повлиял характерный для их народа дух коллективизма. «Из-за ответственности перед обществом многие японцы отличаются серьёзной настойчивостью и упорством», - подчеркивал он.

Еще один специалист, доцент Восточного факультета СПбГУ Евгений Османов заявлял: «В основе фанатичной храбрости японского воина лежит кодекс чести – бусидо, в основе которого синтоизм. Человек, воспитанный в рамках этого вероучения, не боится смерти. К тому же адепты синто считают, что если воин погиб в бою, его душа становится божеством. А так как философия синтоизма во многом построена вокруг императора, который является первосвященником синто, то отдать за него жизнь – одна из самых больших добродетелей для любого японца (необязательно воина)».

И далее: «Почему эти солдаты столько лет проводили в джунглях и их было очень сложно уговорить сдаться? Потому что каждый из них получил приказ своего командира – продолжать борьбу. А в японской армии тогда существовала очень жесткая иерархия, на вершине которой стоял император как верховный главнокомандующий. Соответственно, нарушить приказ любого вышестоящего командира означало нарушить приказ самого императора. А это уже означало пойти против всей своей родины, своих божеств и т. д. Об этом японцы даже помыслить не могли.

Как, кстати, и о том, что их страна способна проиграть войну. Эта убежденность во многом основана еще на событиях XIII века. Захватив Китай, монголы хотели поработить и Японию. Дважды к берегам Японии подплывали мощнейшие армады, и оба раза корабли тонули из-за бурь. С тех пор японцы стали свято верить в то, что их страна непобедима, ее защищают синтоистские боги. Солдаты, затерянные в джунглях, десятилетиями не могли поверить не в то, что война закончилась, а в то, что Япония проиграла эту войну».

4. Подробнее:

Пронин А.О., Москвитин И.А. Особенности идеологического воспитания в вооруженных силах Императорской Японии 1868-1945 гг. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010.

Евдокимов А.Д. Система идеологической подготовки японских солдат в 30-40-е гг. XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2011. № 3. С. 81-89.

5. В результате, по имеющимся данным, к началу 1970-х годов из 2,4 миллионов японских военных и гражданских лиц, погибших за рубежом во время Второй мировой войны, останки 926 000 были возвращены в Японию. Тогда же, в 1972 г. выражалась надежда, что в связи с нормализацией японо-китайских отношений, в Японию из Китая будут возвращены останки большинства из около 200 000 японских военных и гражданских лиц, погибших во время японо-китайской войны 1937-1945 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА И ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч. М.: АСТ: Наука, 2016.
2. Вечный партизан Онода: как японский офицер 30 лет воевал в джунглях Филиппин после капитуляции империи // RT на русском. 2019. 10 марта. URL: <https://russian.rt.com/science/article/609642-yaпoniya-filippiny-razvedchik>.
3. Волк-одиночка: воевал в джунглях тридцать лет, не зная, что война давно закончена // Аргументы и факты. 2007. № 6. URL: <https://archive.aif.ru/archive/1662227>.
4. Евдокимов А.Д. Система идеологической подготовки японских солдат в 30-40-е гг. XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2011. № 3. С. 81-89.
5. Ермакова Е.М., Комаровский Г.Е., Мещеряков А.Н. Синто – путь японских богов . СПб.: Гипперрион, 2002.
6. Ермолаева Н. В Японии скончался легендарный ветеран войны Хироо Онода // Российская газета. 2014. 17 января. URL: <https://rg.ru/2014/01/17/onoda-site-anons.html>.
7. Залесский К.А. Кто был кто во второй мировой войне. Союзники Германии. М., 2003.
8. Зорин А. Японский солдат вернулся домой через 60 лет после войны // Российская газета. 2006. 21 апреля. URL: <https://rg.ru/2006/04/21/yarones.html>.
9. История войны на Тихом океане: в 5 томах. М.: Издательство Иностранной литературы, 1957, 1958.

10. История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 томах. М.: Воениздат, 1973-1982.
11. История Японии (1945-1975) / Отв. ред. В.А. Попов. М.: Наука, 1978.
12. История Японии / Под ред. А.Е. Жукова. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.
13. История Японии / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2018.
14. Калистратов А. Последний солдат империи 29 лет воевал в одиночку // Независимое военное обозрение. 2018. 28 декабря. URL: https://nvo.ng.ru/history/2018-12-28/13_1028_samuray.html.
15. Клавинг В.В. Япония в войне. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004.
16. Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии. М.: Высшая школа, 1988.
17. Мазуров И.В. Японский фашизм. Теоретический анализ политической жизни в Японии накануне Тихоокеанской войны. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1996.
18. Мещеряков А.Н. Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия синто. М.: РГГУ, 2010.
19. Мещеряков А.Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2009.
20. Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии. Идеология и политика. М.: Восточная литература, 1999.
21. Молодяков В.Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М.: ВОСТОКОВЕД, 2011.
22. Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. История Японии: XX век / Отв. ред. В.М. Алпатов. М.: Крафт+, 2007.
23. Молодякова Э.В. Национальная религия японцев. Синто. М.: Крафт+, 2008.
24. Молодякова Э.В. Синто: память культуры и живая вера. М.: АИРО-XXI, 2012.
25. Накорчевский А.А. Синто. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.
26. Нитобэ, Инадзо. Бусидо – душа Японии. М.: София, 2004.
27. Оно, Сокё, Вудард У. Синтоизм: Древняя религия Японии. М.: София, 2007.

28. Партизанивший 30 лет после окончания Второй мировой войны японец скончался // Взгляд. 2014. 17 января. URL: <https://vz.ru/news/2014/1/17/668298.html>.
29. Последний самурай // Аргументы и факты. 2004. № 33. URL: <http://www.aif.ru/archive/1633176>.
30. Последний самурай Второй мировой // WWW.KP.RU. 2014. 23 января. URL: <https://www.kp.ru/daily/26185.3/3073308/>.
31. Последний самурай империи // Lenta.ru. 2014. 18 января. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/01/18/stragglers/>.
32. Пронин А.О., Москвитин И.А. Особенности идеологического воспитания в вооруженных силах Императорской Японии 1868-1945 гг. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010.
33. Иванов Ю.Г. Камикадзе: пилоты-смертники. Японское самопожертвование во время войны на Тихом океане. Смоленск: Русич, 2001. 528 с
34. Светлов Г.Е. Путь богов: (синто в истории Японии). М.: Мысль, 1985.
35. Сидорчик А. Долг самурая. Последний диверсант Второй мировой сдался только в 1974 году // АиФ. 17.01.2014. URL: https://aif.ru/society/history/dolg_samuraya_posledniy_diversant_vtoroy_mirov_ou_sdalsya_tolko_v_1974_godu.
36. Славинский Б.Н. СССР и Япония – на пути к войне. Дипломатическая история, 1937-1945 гг. М.: ЗАО «Япония сегодня», 1999.
37. Спеваковский А. Б. Религия синто и войны. Л.: Лениздат, 1987.
38. Туганов В.Б. Затянувшаяся Тихоокеанская война: случай Хироо Оноды // 70 лет Ялтинской конференции стран антигитлеровской коалиции: материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 24 декабря 2015 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 228-230.
39. Хаттори, Такусиро. Япония в войне 1941-1945 гг. СПб: ООО «Издательство Полигон», 2000.
40. Хаяси, Сабуро. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М.: Воениздат, 1964.
41. Шимов Я. Тридцатилетняя война лейтенанта Оноды // Радио Свобода. 2014. 17 января. URL: <https://www.svoboda.org/a/25233284.html>.

42. Япония. Как её понять: очерки современной японской культуры» / Ред. Роджер Дж. Дэвис, Осаму Икэно. М.: АСТ: Астрель, 2006.
43. Япония в эпоху великих трансформаций / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2020.
44. Японские солдаты во второй мировой войне. Пехота Японской Императорской Армии. «Мне стыдно, что я вернулся живым» // Algorim-centr. Русская историческая библиотека – Портал знаний. URL: <https://algorim-centr.ru/the-toland-john/yaponskie-soldaty-vo-vtoroi-mirovoi-voine-pehota-yaponskoi-imperatorskoi-armii.html>.
45. 2 Japanese Holdouts Shot in Philippines // The New York Times. October 21, 1972. URL: <https://www.nytimes.com/1972/10/21/archives/2-japanese-holdouts-shot-in-philippines.html?searchResultPosition=11>.
46. 28 Years in the Guam Jungle: Sergeant Yokoi Home from World War II. Tokyo: Japan Publications, 1972.
47. Alter A. Werner Herzog's Fever Dreams // The New York Times. June 8, 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/06/08/movies/werner-herzog-twilight-world.html>.
48. Asahi Shimbun. January 18, 1980.
49. Barker A.J. Japanese Army Handbook, 1939-1945. London: Ian Allan Publishing, 1979.
50. Beasley W.G. Japanese Imperialism 1894-1945. Oxford: Clarendon Press, 1991.
51. Bernstein A. Hiroo Onoda, Japanese soldier who hid in Philippine jungle for 29 years, dies at 91 // The Washington Post. January 17, 2014. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/hiroo-onoda-japanese-soldier-who-hid-in-philippine-jungle-for-29-years-dies-at-91/2014/01/17/7016d806-7f8b-11e3-93c1-0e888170b723_story.html.
52. Boniol L. History, Biodiversity on Onoda Trail // Philippine Daily Inquirer. April 10, 2014. URL: <https://newsinfo.inquirer.net/593224/history-biodiversity-on-onoda-trail>.
53. Books: Straggler's Ordeal // Time. Vol. 90. № 2. July 14, 1967.
54. Brown P. Hiroo Onoda's Twenty Nine Year Private War // Pattaya Daily News. June 15, 2010. URL: <http://www.pattayadailynews.com/en/2010/06/15/hiroo-onoda%E2%80%99s-twenty-nine-year-private-war/>.

55. Calunsod, Ronron. Philippine island preserves history of Japanese WWII soldier Hiroo Onoda, who hid in jungles for decades // The Japan Times. 2019. May 29. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/05/29/national/philippine-island-preserves-history-japanese-wwii-soldier-hiroo-onoda-hid-jungles-decades/>.
56. Cendron B., Chenu G. Onoda: 30 ans seul en guerre. Paris: Arthaud, 1974.
57. Cendron B., Chenu G. Onoda – Seul en guerre dans la jungle 1944-1974. Paris: Arthaud, 2020.
58. Clements J. Japan at War in the Pacific: The Rise and Fall of the Japanese Empire in Asia: 1868-1945. Tokyo; Rutland: Tuttle Publishing, 2022.
59. Cook, Haruko Taya, Cook, Theodore F. Japan at War: an Oral History. New York: W.W. Norton & Company, 1992.
60. Craig W. The Fall of Japan: The Final Weeks of World War II in the Pacific. New York: Open Road Media, 2015.
61. Dixon B., Gilda L., Bulgrin L. The Archaeology of World War II Japanese Stragglers on the Island of Guam and the Bushido Code // Asian Perspectives. Vol. 51. 2012. № 1. P. 110-27.
62. Dower, John W. Embracing Defeat Japan in the Wake of World War II. New York: W. W. Norton & Company, 1999.
63. Dower, John W. War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War. New York: Pantheon, 1987.
64. Drea, Edward J. Japan's Imperial Army: Its Rise and Fall, 1853–1945. Lawrence: University Press of Kansas, 2009.
65. Drea, Edward J. The Imperial Japanese Army (1868–1945): Origins, Evolution, Legacy. New York: Routledge, 2003.
66. Elhassan K. Historic Groups that Started Innocent then Took an Evil Turn // The History Collection. November 8, 2020. URL: <https://historycollection.com/historic-groups-that-started-innocent-then-took-an-evil-turn/36/>.
67. Elhassan K. True Believers: 10 Japanese Holdouts Who Did Not Surrender After WWII Ended // The History Collection. July 25, 2017. URL: <https://historycollection.com/true-believers-10-japanese-holdouts-not-surrender-wwii-ended/8/>.

68. Ex-Japanese Soldier Unhappy After Years in Philippine Jungle // The New York Times. November 29, 1974. URL: <https://www.nytimes.com/1974/11/29/archives/exjapanese-soldier-unhappy-after-years-in-philippine-jungle.html?searchResultPosition=5>.
69. Final straggler: the Japanese soldier who outlasted Hiroo Onoda // A BLAST FROM THE PAST by Mike Dash. September 15, 2015. URL: <https://mikedashhistory.com/2015/09/15/final-straggler-the-japanese-soldier-who-outlasted-hiroo-onoda/>.
70. Fleury, Jean Sénat. Japan's Empire Disaster. Westwood Books Publishing, 2021.
71. Former Foe To Aid U.S. In Peleliu / Former Enemy Aids Peleliu Marine Mop-up // The Honolulu Advertiser. March 31, 1947. P. 1, 7.
72. Frank, Richard B. Downfall: The End of the Imperial Japanese Empire. New York: Penguin Books, 2001.
73. Fuller R. Shōkan, Hirohito's Samurai: Leaders of the Japanese Armed Forces, 1926-1945. London: Arms and Armour Press, 1992.
74. Further Holdouts and Surrenders // Pacific Paratrooper. April 20, 2013. URL: <https://pacificparatrooper.wordpress.com/2013/04/20/further-holdouts-and-surrenders/>.
75. Galloway P. "If we'd found him, we would have killed him" // Chicago Tribune. September 15, 1986. URL: <https://www.chicagotribune.com/news/ct-xpm-1986-09-15-8603080984-story.html>.
76. Halloran R. 30 Years of Hiding in Jungle Were Foolish, Japanese Says // The New York Times. June 19, 1974. URL: <https://www.nytimes.com/1974/06/19/archives/30-years-of-hiding-in-jungle-were-foolish-japanese-says.html?searchResultPosition=8>.
77. Halloran R. Japan's Soldiers Sought in Burma // The New York Times. November 13, 1972. URL: <https://www.nytimes.com/1972/11/13/archives/japans-soldiers-sought-in-burma-group-flies-from-tokyo-to-hunt-for.html>.
78. Halloran R. Japanese, Long in Jungle, in Fine Health // The New York Times. April 24, 1974. URL: <https://www.nytimes.com/1974/04/24/archives/japanese-long-in-jungle-in-fine-health-japanese-officer-model-of.html?searchResultPosition=16>.

79. Halloran R. Soldier's Return From 30 Years In Jungle Stirs Japanese Deeply // The New York Times. March 13, 1974. URL: <https://www.nytimes.com/1974/03/13/archives/soldiers-return-from-30-years-in-jungle-stirs-japanese-deeply.html>.
80. Han Cheung. The last holdout of Morotai // Taipei Times. January 2, 2016. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/feat/archives/2016/01/03/2003636296>.
81. Han Cheung. Taiwan in Time: Abandoned by the rising sun // Taipei Times. September 16, 2018. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/feat/archives/2018/09/16/2003700512>.
82. Harries M. Harries S. Soldiers of the Sun: The Rise and Fall of the Imperial Japanese Army. New York: Random House, 1994.
83. Hata, Ikuhiko. Hirohito: The Showa Emperor in War and Peace. New York: BRILL/Global Oriental, 2007.
84. Hatashin, Omi. Private Yokoi's War and Life on Guam, 1944–1972: The Story of the Japanese Imperial Army's Longest WWII Survivor in the Field and Later Life. Osaka: Osaka Jogakuin University, 2009.
85. Hidden Japanese surrender after Pacific War has ended // HISTORY.com. THIS DAY IN HISTORY. JANUARY 01. Jan 01, 1946. URL: <http://www.history.com/this-day-in-history/hidden-japanese-surrender-after-pacific-war-has-ended>.
86. Archived from the original on March 4, 2016. Retrieved December 14, 2015.
87. Hirohito Photo with MP's Induces Japs to Give Up // Albuquerque Journal. May 12, 1948. P. 6.
88. Hiroo Onoda: Last man fighting // The Economist. January 25, 2014. URL: <https://www.economist.com/obituary/2014/01/25/last-man-fighting>.
89. Hiroo Onoda – obituary // The Daily Telegraph. 2014. January 19. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/10579800/Hiroo-Onoda-obituary.html>.
90. Hiroo Worship // Time. March 25, 1974. P.42-43.
91. Hornyak T. A homage to the 'Queen of Anatahan' // The Japan Times. May 3, 2014. URL: <https://www.japantimes.co.jp/culture/2014/05/03/books/book-reviews/homage-queen-anatahan/>.

92. Hoyt, Edwin P. *Japan's War: The Great Pacific Conflict, 1853–1952*. New York: McGraw-Hill, 1986.
93. *Imperial Japanese Army and Navy Uniforms and Equipment* / Eds. by Tadao Nakata, Thomas B. Nelson. London: Lionel Leventhal Limited, 1975.
94. Ineaga S. *The Pacific War 1931–1945: A Critical Perspective on Japan's Role in World War II by a Leading Japanese Scholar*. New York: Pantheon Books, 1978.
95. JAPAN: The Last Last Soldier? // *Time*. January 13, 1975.
96. *Japan at War*. New York: Time Life Education, 1981.
97. *Japan at War: An Oral History* / Eds. by H/ Cook and Theodore F. Cook. New York: New Press, 1992.
98. 'Japan Soldiers' Found in Jungle // *BBC News online*. May 27, 2005. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/4585287.stm>.
99. Japan Would Save 2 Killers on Isle // *The New York Times*. February 22, 1959. URL: <https://www.nytimes.com/1959/02/22/archives/japan-would-save-2-killers-on-isle.html?searchResultPosition=27>.
100. Japan WW2 soldier who refused to surrender Hiroo Onoda dies // *BBC News*. January 17, 2014. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/world-asia-25772192>.
101. Japanese Officer Found in Philippines After 29 Years // *The New York Times*. March 11, 1974. URL: <https://www.nytimes.com/1974/03/11/archives/japanese-officer-found-in-philippines-after-29-years.html>.
102. Japanese Soldier Finds War's Over// *Oakland Tribune*. May 21, 1960. P. 1.
103. Japanese Surrender After Four Year Hiding // *Pacific Stars and Stripes*. January 10, 1949. P. 5.
104. Jones D. Oba, *The Last Samurai: Saipan 1944-1945*. Novato: Presidio Press, 1986.
105. Jowett Ph., Andrew St. *The Japanese Army 1931-45 (1) 1931-42*. London: Osprey, 2002.
106. Jowett Ph., Andrew St. *The Japanese Army 1931-45 (2) 1942-45*. London: Osprey, 2002.
107. Kahn, E. J., Jr. *The Stragglers*. New York: Random House, 1962.
108. Kahn, E. J., Jr. *The Stragglers*. New York: Ace Books, 1972.
109. Kahn, E. J., Jr. II-*The Stragglers: Oh What a Miserable Life This Is!* // *The New Yorker*. March 24, 1962. P. 47.

110. Katsuo Higuchi. Shindo Renmei, a Dark Chapter in the History of Japanese Immigration in Brazil // Discover Nikkei. November 17, 2018. URL: <http://www.discovernikkei.org/en/journal/2018/11/7/shindo-renmei/>.
111. Kawaguchi J. Words to Live by: Hiroo Onoda // The Japan Times. January 16, 2007. URL: <https://www.japantimes.co.jp/life/2007/01/16/people/hiroo-onoda/>.
112. Kawamura, Noriko. Emperor Hirohito and the Pacific War. Seattle: University of Washington Press, 2015.
113. Kenigsberg B. Cannes 2021: Onoda, Everything Went Fine, Between Two Worlds, The Velvet Underground | Festivals & Awards // RogerEbert.com. July 7, 2021. URL: <https://www.rogerebert.com/festivals/cannes-2021-onoda-everything-went-fine-between-two-worlds-the-velvet-underground>.
114. Kosmidis P. Japanese Surrender in 1951 at Island of Anatahan // Argunners Magazine. 7 July 2016. URL: <https://www.argunners.com/japanese-surrender-1951-island-anatahan/>.
115. Kristof, Nicholas D. Shoichi Yokoi, 82, Is Dead; Japan Soldier Hid 27 Years // The New York Times. September 26, 1997. URL: <https://www.nytimes.com/1997/09/26/world/shoichi-yokoi-82-is-dead-japan-soldier-hid-27-years.html?searchResultPosition=43>.
116. Kuipers R. Oba, the Last Samurai // Variety. February 27, 2011. URL: <https://variety.com/2011/film/reviews/oba-the-last-samurai-1117944723/>.
117. Lanchin M. Three decades hiding in the Guam jungle // BBC World Service. January 24, 2012. URL: <https://www.bbc.com/news/magazine-16681636>.
118. Last Marines Withdrawn From Peleliu // Honolulu Star Bulletin. July 17, 1947. P. 7.
119. Lattimer J. Onoda, 10,000 Nights in the Jungle gets lost in the Filipino wilds // Sight and Sound. BFI. July 9, 2021. URL: <https://www.bfi.org.uk/sight-and-sound/reviews/onoda-10000-nights-jungle-lost-filipino-wilds>.
120. Lemercier F. Onoda wins the Louis-Delluc Award // Cineuropa. January 13, 2022. URL: <https://cineuropa.org/en/newsdetail/420275>.
121. Leti Boniol. History, biodiversity on Onoda Trail // Philippine Daily Inquirer. 2014 April 10. URL: <https://newsinfo.inquirer.net/593224/history-biodiversity-on-onoda-trail>.

122. Levine, Alan J. *The Pacific War: Japan versus the allies*. New York: Greenwood Publishing Group, 1995.
123. Lewis J. Japan's WWII 'no surrender' soldier dies // CNN. September 23, 1997. URL: <http://edition.cnn.com/WORLD/9709/23/japan.straggler/index.html>.
124. Lucken M. *The Japanese and the War: Expectation, Perception, and the Shaping of Memory*. New York: Columbia University Press, 2017.
125. Madej, W. Victor. *Japanese Armed Forces Order of Battle, 1937–1945*. Allentown: Game Marketing Co., 1981.
126. Marcos Extols Japanese Straggler, Returns Sword // *The New York Times*. March 12, 1974. URL: <https://www.nytimes.com/1974/03/12/archives/marcos-extols-japanese-straggler-returns-sword.html>.
127. Marines Ordered to Dig Out Renegade Peleliu Japanese // *Honolulu Star-Bulletin*. March 19, 1947. P. 1.
128. Marston D. *The Pacific War Companion – From Pearl Harbor to Hiroshima*. London: Osprey Publishing, 2005.
129. Masashi, Ito. *The Emperor's Last Soldiers*. New York: Coward, 1967.
130. Mendoza, Patrick M. *(Extraordinary People in Extraordinary Times: Heroes, Sheroes, and Villains)*. Englewood: Libraries Unlimited, 1999.
131. McCurry J. Hiroo Onoda: Japanese soldier who took three decades to surrender, dies // *The Guardian*. January 17, 2014. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jan/17/hiroo-onoda-japanese-soldier-dies>.
132. McFadden, Robert D. Hiroo Onoda, Soldier Who Hid in Jungle for Decades, Dies at 91 // *The New York Times*. January 17, 2014. URL: <https://www.nytimes.com/2014/01/18/world/asia/hiroo-onoda-imperial-japanese-army-officer-dies-at-91.html>.
133. Mercado, Stephen C. *The Shadow Warriors of Nakano: A History of the Imperial Japanese Army's Elite Intelligence School*. Washington: Potomac Books, 2020.
134. Morton L. *The War in the Pacific: the Fall of the Philippines*. United States Army in World War II Series. Washington: Office of the Chief of Military History, 1969.
135. Mullen, Jethro. Former WWII soldier visits his Philippine hideout // CNN. May 26, 1996. URL: <http://edition.cnn.com/WORLD/9605/26/philippines.straggler/>.

136. Mullen, Jethro and Yoko Wakatsuk. Hiroo Onoda, Japanese soldier who long refused to surrender, dies at 91 // CNN. January 17, 2014. URL: <http://edition.cnn.com/2014/01/17/world/asia/japan-philippines-ww2-soldier-dies/>.
137. Myers, Ramon Hawley, Peattie, Mark R. The Japanese Colonial Empire, 1895-1945. Princeton: Princeton University Press, 1984.
138. No Surrender Japanese Holdouts After WWII. URL: <https://wanpela.com/holdouts/index.html>.
139. Nyerges Ch. Thirty Years in the Jungle! Could you do it? // Wilderness Way. 2003. Vol. 4. № 3. URL: https://www.primitiveways.com/jungle_30_years.html.
140. Old Soldiers Never Die // Newsweek. March 25, 1974. P. 51-52.
141. 'Onoda: 10,000 Nights in the Jungle' Review: Following Orders, for Decades // The New York Times. October 6, 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/10/06/movies/onoda-10000-nights-in-the-jungle-review.html?searchResultPosition=3>.
142. Onoda, Hiroo. No Surrender: My Thirty-year War. Tokyo; New York; San Francisco: Kodansha International; Harper & Row, 1974.
143. Onoda, Hiroo. No Surrender: My Thirty-year War. Annapolis: Naval Institute Press, 1999.
144. Onoda Home; 'It Was 30 Years on Duty' // Pacific Stars and Stripes. March 14, 1974. P. 7.
145. Orr J. The Victim as Hero: Ideologies of Peace and National Identity in Postwar Japan. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2001.
146. Pacific War Finally Ends for 19 Die-Hard Japanese // Pacific Stars and Stripes. Jun 27, 1951. P. 1.
147. Paine S.C.M. The Japanese Empire: Grand Strategy from the Meiji Restoration to the Pacific War. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
148. Peace Mission Fails; 2 Japanese in Philippines Do Not Heed Plea to Yield // The New York Times. November 30, 1959. URL: <https://www.nytimes.com/1959/11/30/archives/peace-mission-fails-2-japanese-in-philippines-do-not-heed-plea-to.html?searchResultPosition=26>.

149. Peattie, Mark R. *The Japanese Colonial Empire, 1895-1945* // *The Cambridge History of Japan: the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
150. Pike F. *Hirohito's War: The Pacific War, 1941-1945*. London: Bloomsbury Publishing, 2016.
151. Powers D. *Japan: No Surrender in World War Two* // *BBC History*. February 17, 2011. URL: https://www.bbc.co.uk/history/worldwars/wwtwo/japan_no_surrender_01.shtml.
152. Ramachandran N. *Cannes: 'Onoda – 10 000 Nights In The Jungle' to Open Un Certain Regard Section* // *Variety*. June 14, 2021. URL: <https://variety.com/2021/film/news/cannes-onoda-10-000-nights-in-the-jungle-un-certain-regard-1234995948/>.
153. *Rikugun: Guide to Japanese Ground Forces, 1937–1945, Volume 1: Tactical Organization of Imperial Japanese Army & Navy Ground Forces* / Ed. by Leland S. Ness. New York: Helion & Company, 2014.
154. *Rikugun: Guide to Japanese Ground Forces, 1937–1945, Volume 2: Weapons of the Imperial Japanese Army & Navy Ground Forces* / Ed. by Leland S. Ness. New York: Helion & Company, 2014.
155. *Rising Sun at War: Japanese Army 1931-1945, Rare Photographs from Wartime*. Annapolis: Naval Institute Press, 2017.
156. Rosenberg J. *World War II Japanese Soldier Lt. Hiroo Onoda* // *ThoughtCo*. October 29, 2020. URL: [thoughtco.com/war-is-over-please-come-out-1779995](https://www.thoughtco.com/war-is-over-please-come-out-1779995).
157. Rottman G, Palmer I. *Japanese Pacific Island Defenses 1941-45*. Oxford: Osprey Publishing, 2003.
158. Schilling M. *'Taiheiyo no Kiseki – Fokkusu to Yobareta Otoko (Oba: The Last Samurai)'*. A balanced, moving elegy to Japan's last action hero // *The Japan Times*. February 25, 2011. URL: <https://www.japantimes.co.jp/culture/2011/02/25/films/film-reviews/taiheiyo-no-kiseki-fokkusu-to-yobareta-otoko-oba-the-last-samurai/>.
159. Schillinger L. *Two Men of the Jungle Meet in Herzog's First Novel* // *The New York Times*. June 10, 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/06/10/books/review/twilight-world-werner-herzog-hiroo-onoda.html?searchResultPosition=1>.

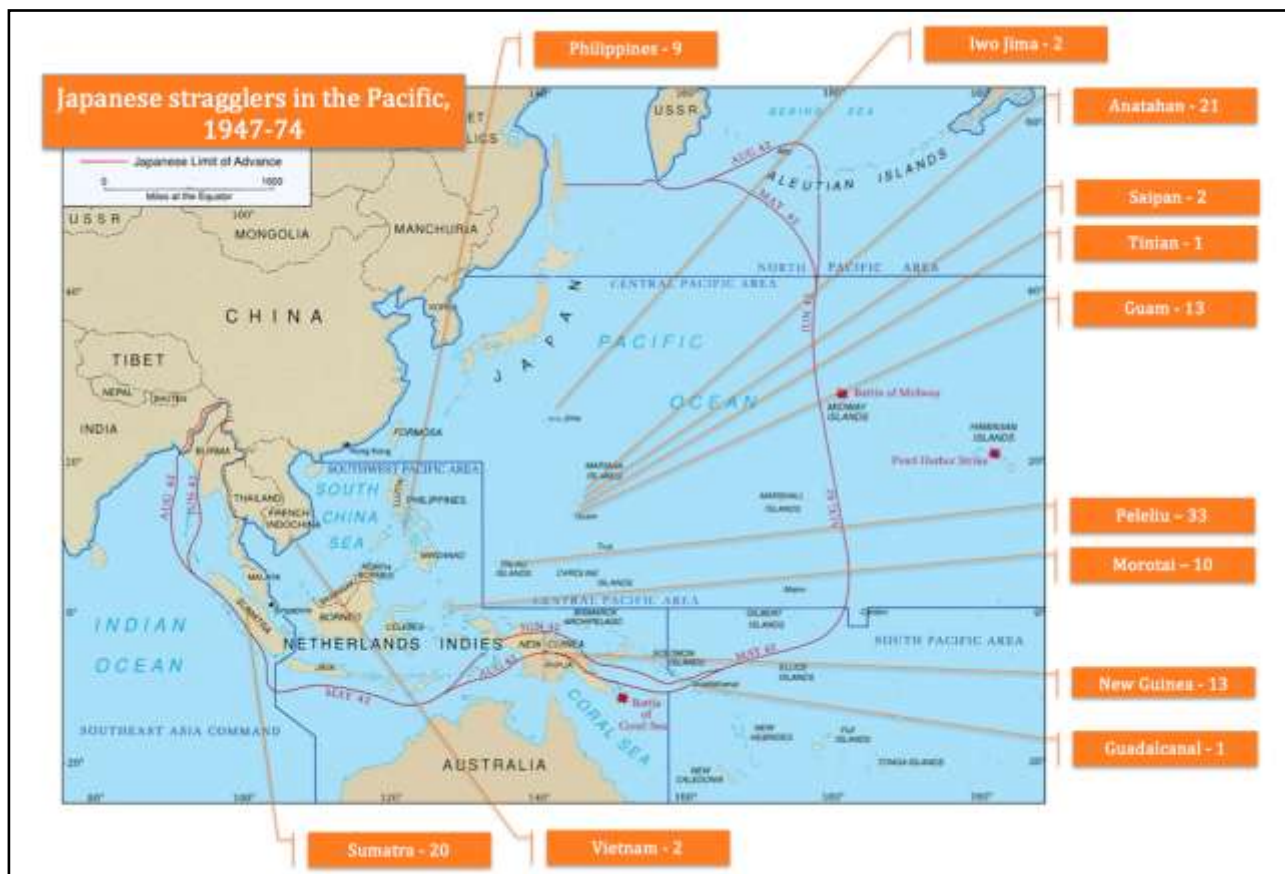
160. Shillony, Ben-Ami. *Politics and Culture in Wartime Japan*. Oxford: Clarendon Press, 1981.
161. Shoichi, Yokoi. *The Last Japanese Soldier: Corporal Yokoi's 28 Incredible Years in the Guam Jungle*. London: Tom Stacey Limited, 1972.
162. Smith, Craig B. *Counting the Days: POWs, Internees, and Stragglers of World War II in the Pacific*. Washington: Smithsonian Books, 2012.
163. Smith R. *The War in the Pacific – The Approach to the Philippines*. Washington: U.S. Army Center of Military History, 1953.
164. Smith R. *The War in the Pacific – The Triumph in the Philippines*. Washington: U.S. Army Center of Military History, 1963.
165. Soldier's hut found in Philippines // *Milwaukee Sentinel*. April 5, 1980. P. 3.
166. Solly M. *The Japanese WWII Soldier Who Refused to Surrender for 27 Years. Unable to bear the shame of being captured as a prisoner of war, Shoichi Yokoi hid in the jungles of Guam until January 1972* // *Smithsonian Magazine*. January 21, 2022. URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/the-japanese-wwii-soldier-who-refused-to-surrender-for-27-years-180979431/>.
167. Spector, Ronald H., *Eagle Against the Sun: the American War with Japan*. London: Penguin Books, 1984.
168. Still fighting, 35 years after V-J day // *Finger Lakes Times, Fulton History*. April 10, 1980. P. 1.
169. Straggler Reports to Emperor// *Pacific Stars and Stripes*. June 8, 1960. P. 1.
170. Straggler Suicides // *Gettysburg Times*. November 14, 1955. P. 19.
171. *The Last Japanese Soldier: Corporal Yokoi's 28 Incredible Years in the Guam Jungle*. London: Tom Stacey, 1972.
172. *The Last Last Soldier?* // *Time*. January 13, 1975.
173. *The Last PCS for Lieutenant Onoda* // *Pacific Stars and Stripes*. March 13, 1974. P. 6.
174. *The Surrender Of Captain Oba's Company on Saipan, Dec. 1, 1945* // *World War II Virtual Museum, American Memorial Park, Saipan*. URL: http://www.nps.gov/archive/amme/wwii_museum/end_of_battle/captain_obas_company.html.

175. Thurber D. Town Seeks Compensation from Japanese WWII Straggler // AP NEWS. May 21, 1996. URL: <https://apnews.com/article/87375ec40dd5d947ce77203750a6da4c>.
176. Three Jap Stragglers Hold Out on Tiny Isle // The Lima (O.) News. April 8, 1952. P. 5.
177. Toland J. The Rising Sun: The Decline and Fall of the Japanese Empire 1936–1945. New York: Random House, 1970.
178. Toll, Ian W. Pacific Crucible: War at Sea in the Pacific, 1941-1942. New York: W. W. Norton & Company, 2011.
179. Toll, Ian W. The Conquering Tide: War in the Pacific Islands 1942-1944. New York: W. W. Norton & Company, 2015.
180. Toll, Ian W. Twilight of the Gods: War in the Western Pacific, 1944-1945. New York: W. W. Norton & Company, 2020.
181. Two More Japanese Holdouts in the Philippines? // Far Outliers. May 27, 2005. URL: <https://faroutliers.wordpress.com/2005/05/27/two-more-japanese-holdouts-in-the-philippines/>.
182. Trefalt B. Japanese Army Stragglers and Memories of the War in Japan, 1950-1975. New York: Routledge, 2003.
183. Visit Cave of Shoichi Yokoi, Last Japanese Soldier on Guam // The Guam Guide. URL: <http://theguamguide.com/visit-cave-of-shoichi-yokoi-last-japanese-soldier-on-guam/>.
184. Waddington R. 'Too Much Concrete and Cleanliness Makes for Weak Children'; Last Japanese to Surrender Offers Lessons of 29 Years in Jungle // Los Angeles Times. December, 29. 1985.
185. War and Militarism in Modern Japan / Ed. by G. Podoler. Haifa: University of Haifa, 2009.
186. Webb W. No Surrender! Seven Japanese WWII Soldiers Who Refused to Surrender After the War. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014.
187. Wetzler P. Hirohito and War: Imperial Tradition and Military Decision Making in Prewar Japan. Hawaii: University of Hawaii Press, 1988.
188. Where It Is Still 1945 // Newsweek. November 6, 1972. P. 58.
189. Willacy M. Japanese holdouts fought for decades after WWII // ABC Lateline. November 12, 2010. URL: <https://www.abc.net.au/lateline/japanese-holdouts-fought-for-decades-after-wwii>.

-
190. World War II in the Pacific: An Encyclopedia / Ed. by S. Sandler. New York: Routledge, 2000.
  191. Yellen, Jeremy A. The Greater East Asia Co-Prosperity Sphere: When Total Empire Met Total War. Ithaca: Cornell University Press, 2019.
  192. Yenne B. The Imperial Japanese Army. The Invincible Years 1941-1942. London: Osprey Publishing, 2014.
  193. Yoshikuni, Igarashi. Yokoi Shoichi: When a Soldier finally returns Home // The Human Tradition in Modern Japan, Wilmington, Del.: Scholarly Resources, 2002. P. 197-212.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**РАЙОНЫ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА,
ГДЕ БЫЛИ НАЙДЕНЫ «ОСТАВШИЕСЯ», 1947-74 ГГ.**

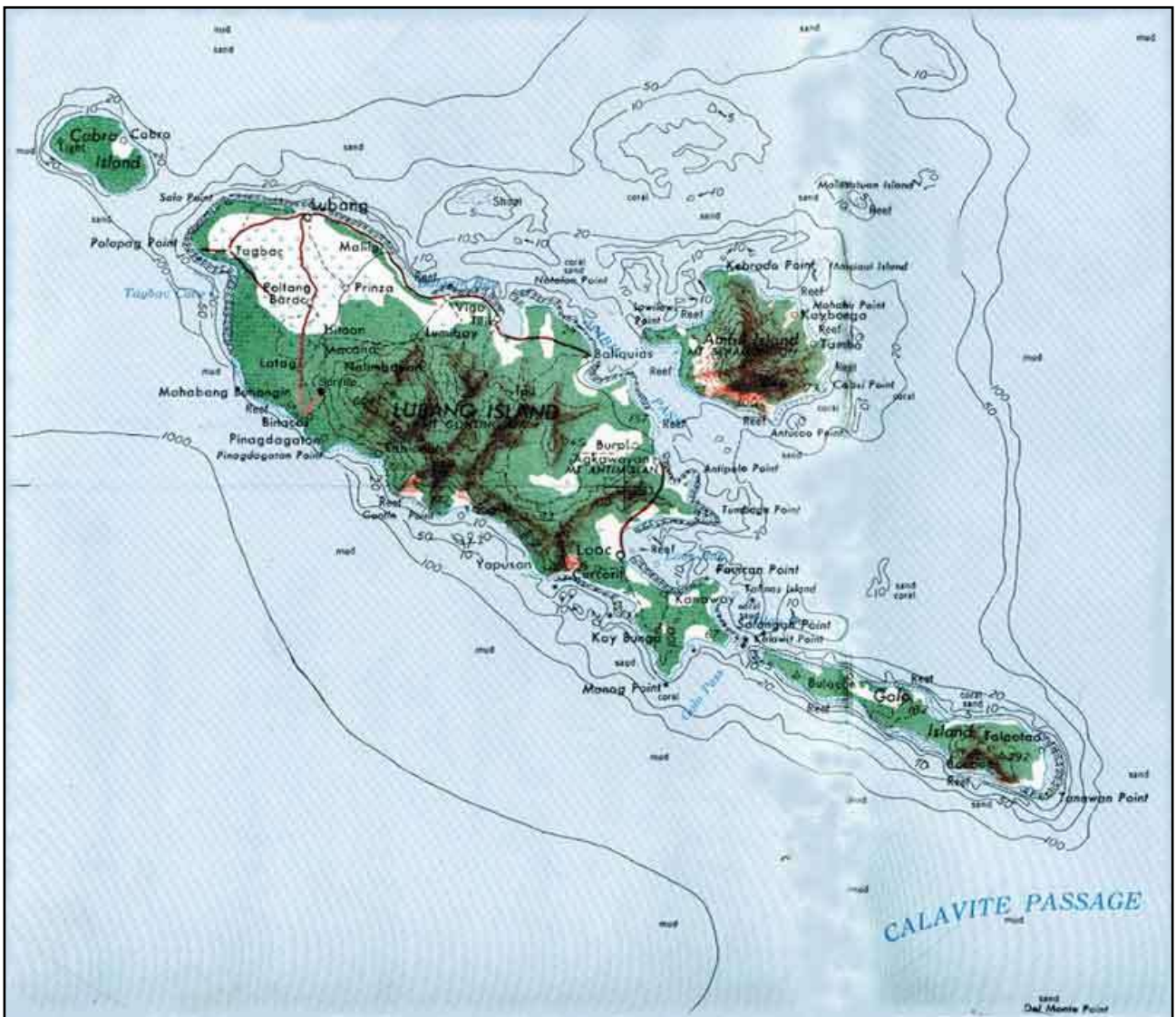

**JAPANESE STRAGGLERS IN THE PACIFIC
& SOUTH CHINA SEA, 1947-74**

<u>Location</u>	<u>Number</u>	<u>Date</u>
Peleliu	33	1947
Guadalcanal	1	1947
Guam	2	1948
Iwo Jima	2	1949
Vietnam	1†	1950
New Guinea	8	1950
Anatahan	21	1951
Guam	8	1951
Lubang, Philippines	1	1951
Saipan	2	1952
Vietnam	1	1952
Sumatra	20	1952
Tinian	1	1953
Lubang	1†	1954
New Guinea	5	1955
Luzon, Philippines	1	1955
Morotai	9	1956
Mindoro, Philippines	4	1956
Guam	2	1960
Guam	1	1972
Lubang	1†	1972
Lubang	1	1974
Morotai	1	1974
TOTAL	127	

This total includes those repatriated or killed in action [†] but not those who died in their hiding places of malnutrition or disease. Sources: compiled from details in Trefalt and (where I was able to corroborate the claims) from the patchily-accurate Japanese Holdouts Registry, <http://www.wanpela.com/holdouts/registry.htm>, accessed 24 May 2015. There were probably others.

**СТАТИСТИКА ПО ОБНАРУЖЕННЫМ
В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ
«ОСТАВШИМСЯ», 1947-74 ГГ.**

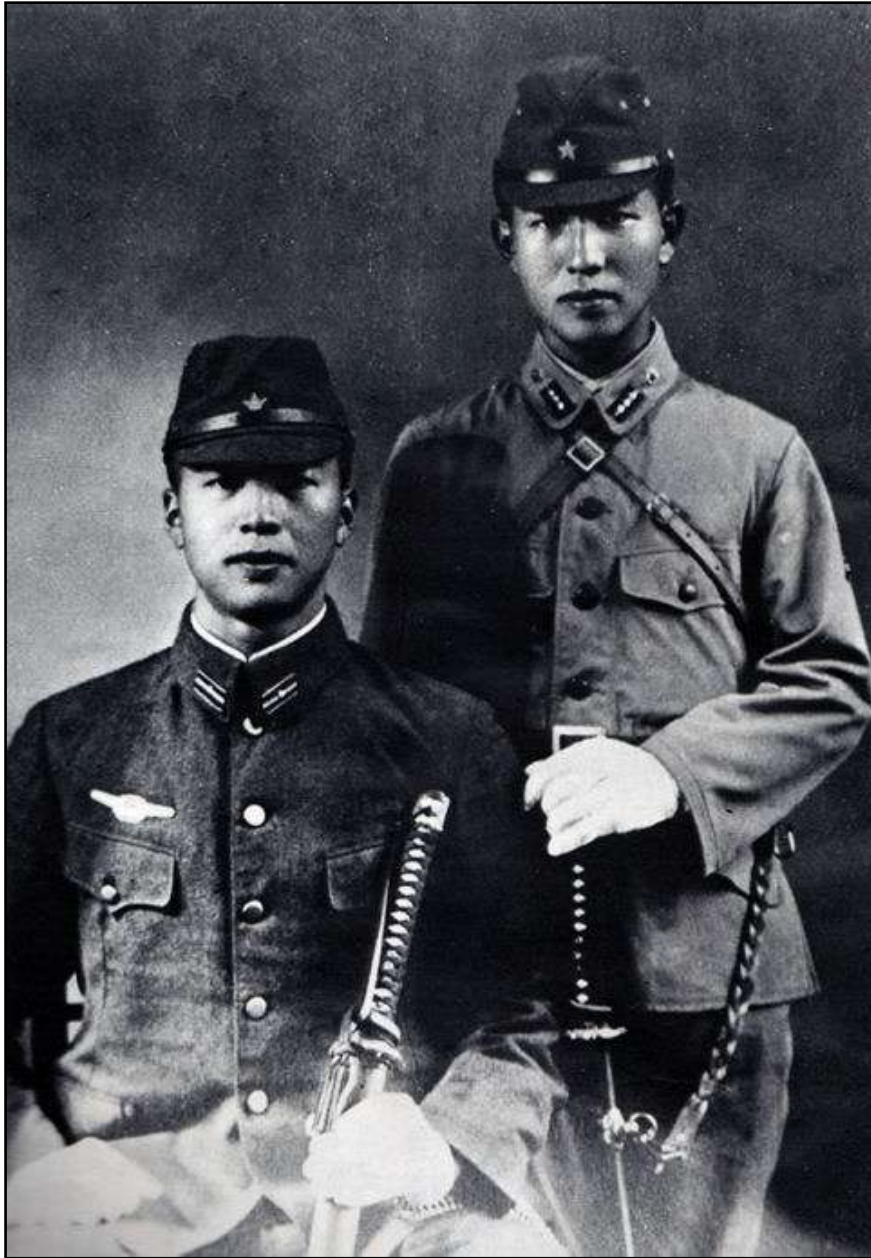
ОСТРОВ ЛУБАНГ И ОКРУЖАЮЩИЕ ЕГО ОСТРОВА

АРХИПЕЛАГ ЛУБАНОГ

**МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ХИРОО ЭНОДА,
ОКОЛО 1944 Г.**

ХИРОО ЭНОДА И СИГЕО ЭНОДА, 1944 Г.

**РЯДОВОЙ 1-ГО КЛАССА ЮИТИ АКАЦУ –
ОДИН ИЗ ТОВАРИЩЕЙ ХИРОО ЭНОДЫ**

**КАПРАЛ СЁИТИ СИМАДА –
ОДИН ИЗ ТОВАРИЩЕЙ ХИРОО ЭНОДЫ**

**РЯДОВОЙ 1-ГО КЛАССА КИНСИТИ КОДЗУКА –
ОДИН ИЗ ТОВАРИЩЕЙ ХИРОО ЭНОДЫ**

**ГРУППА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ЯПОНИИ, СДАВШИХСЯ В ПЛЕН
НА ОСТРОВЕ ЛУБАНГ В АПРЕЛЕ 1946 Г.**

ХИРОО ЭНОДА НА ОСТРОВЕ ЛУБАНГ, 1974 Г.

**НОРИО СУДЗУКИ И ХИРОО ОНОДА,
ОСТРОВ ЛУБАНГ, ФЕВРАЛЬ 1974 Г.**

**ПОИСКИ ХИРОО ЭНОДЫ НА ОСТРОВЕ ЛУБАНГ,
НАЧАЛО МАРТА 1974 Г.**

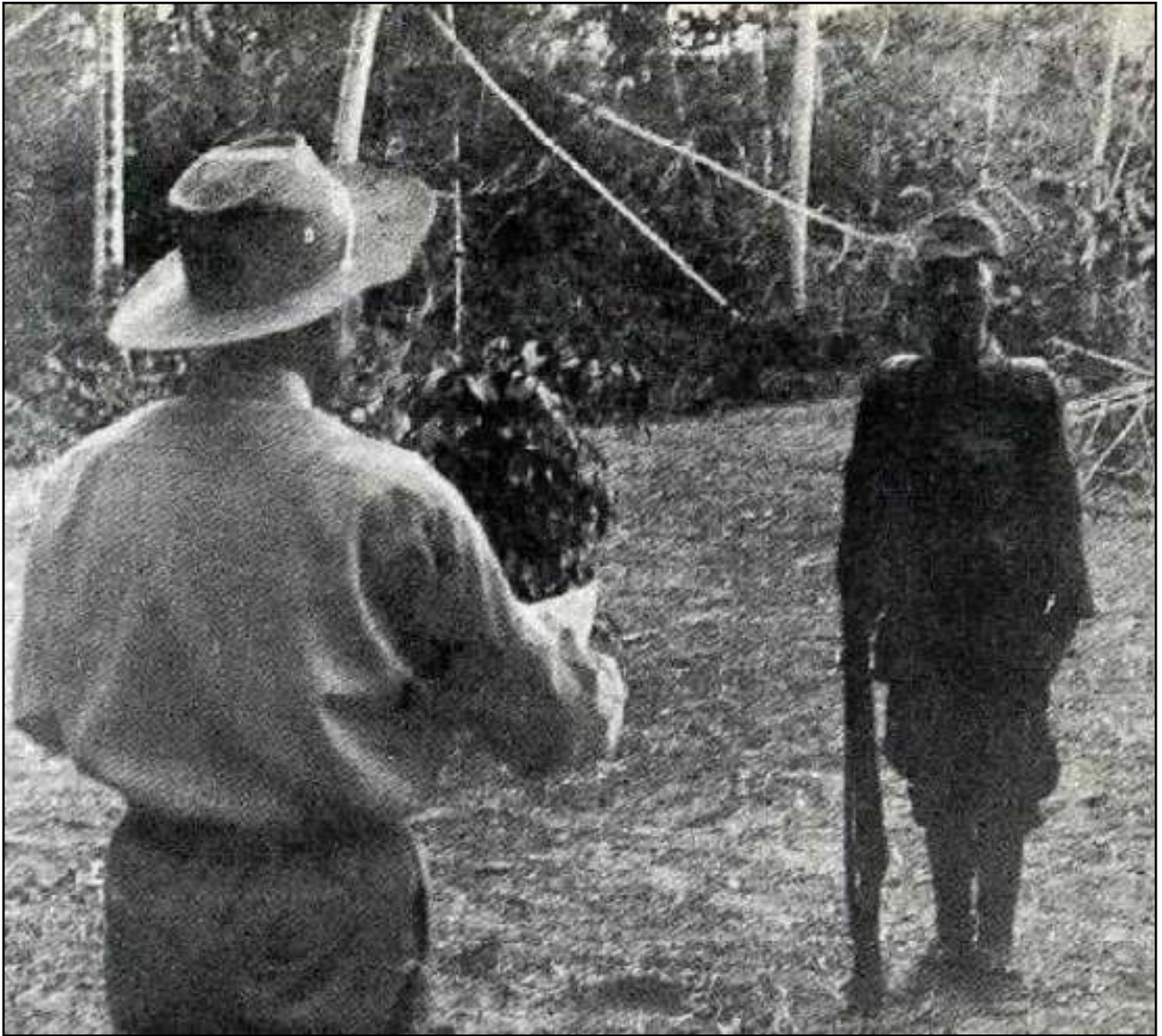
**ПОИСКИ ЖИРОО ЭНВДЫ НА ОСТРОВЕ ЛУБАНГ,
НАЧАЛО МАРТА 1974 Г.**

**ПОИСКИ ХИРОО ЭНОДЫ НА ОСТРОВЕ ЛУБАНГ,
НАЧАЛО МАРТА 1974 Г.**

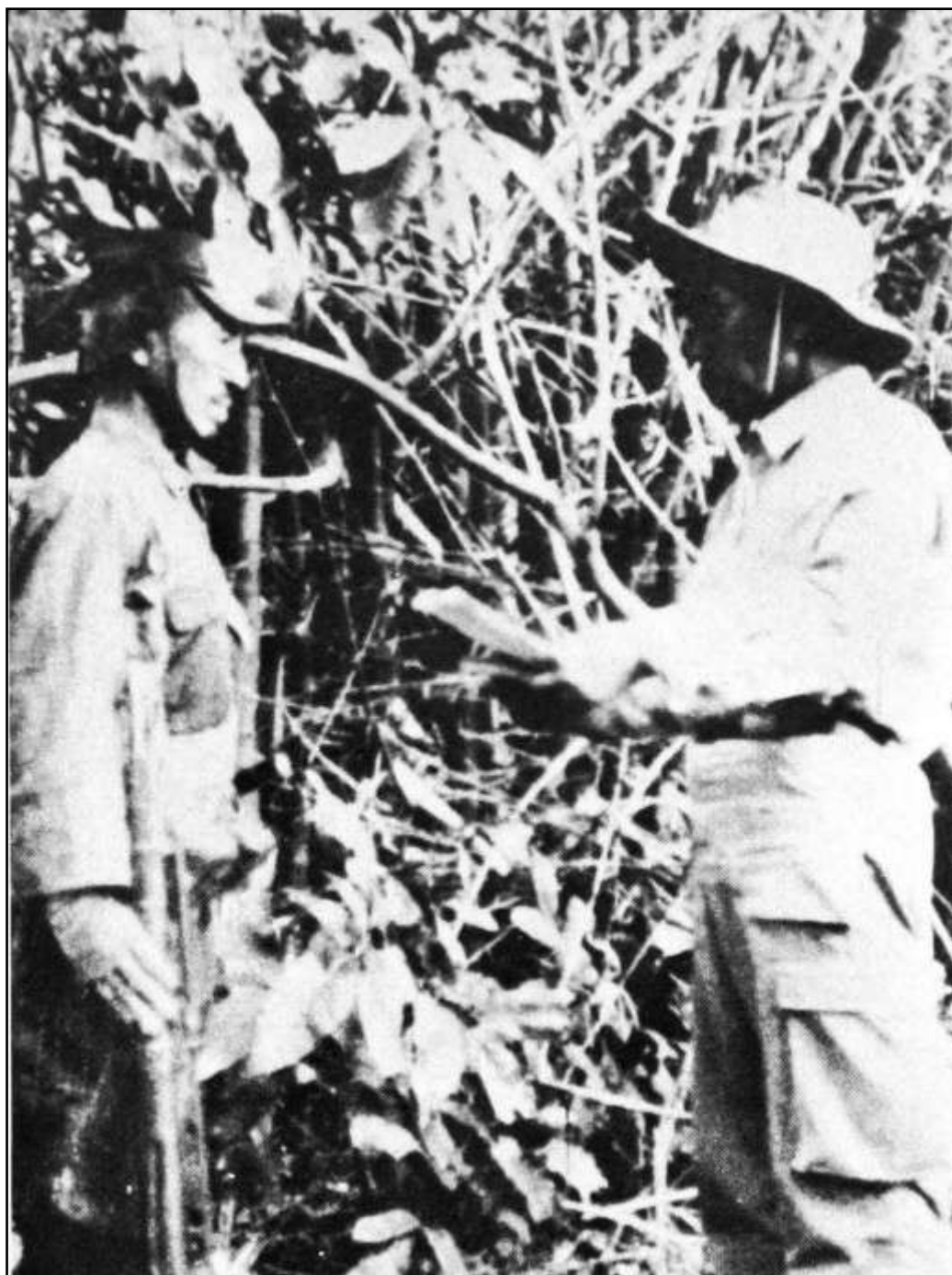

ПОИСКИ ХИРОО ЭНОДЫ НА ОСТРОВЕ ЛУБАНГ,
НАЧАЛО МАРТА 1974 Г.

**ХИРОО ОНОДА И ЁСИМИ ТАНИГЪТИ,
9 МАРТА 1974 Г.**

**ХИРОО ОНОДА И ЁСИМИ ТАНИГЪТИ,
9 МАРТА 1974 Г.**

**ХИРОО ОНОДА И ТСУНЕХИКО ТАНИУЧИ,
10 МАРТА 1974 Г.**

**ХИРОО ОНОДА И ХАРУО СУДЗУКИ,
10 МАРТА 1974 Г.**

**ХИРОО ЭНОДА В ОКРУЖЕНИИ ФИЛИППИНЦЕВ,
10 МАРТА 1974 Г.**

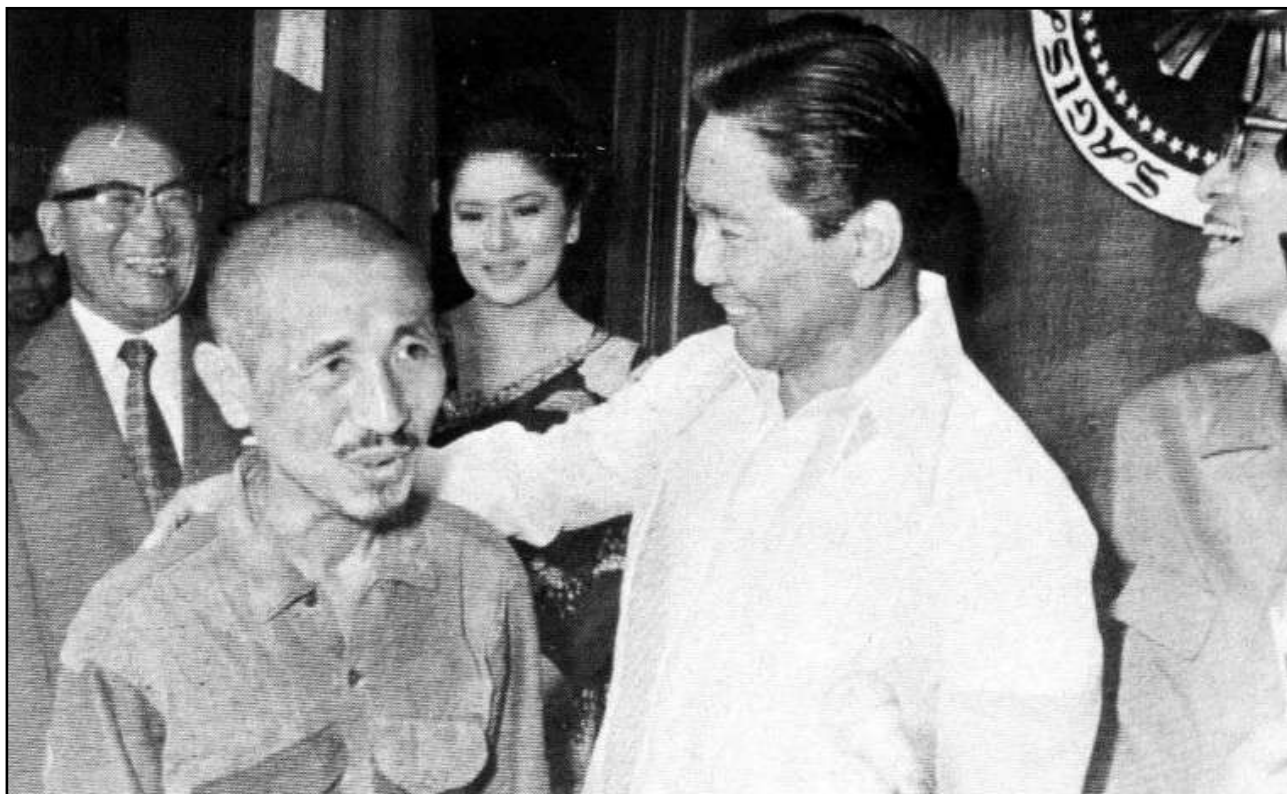
**ХИРОО ЭНОДА ОТДАЕТ ПРИВЕТСТВИЕ
В МОМЕНТ СВОЕЙ КАПИТУЛЯЦИИ,
ЛУБАНГ, 11 МАРТА 1974 Г.**

**ХИРОО ОНОДА ПОКИАДЕТ ОСТРОВ ЛУБАНГ,
11 МАРТА 1974 Г.**

**ХИРОО ОНОДА ПЕРЕДАЕТ ФЕРДИНАНДУ МАРКОСУ
СВОЙ БОЕВОЙ МЕЧ В МОМЕНТ СВОЕЙ КАПИТУЛЯЦИИ,
МАНИЛА, 11 МАРТА 1974 Г.**

**ХИРОО ОНОДА И ФЕРДИНАНД МАРКОС,
МАНИЛА, 11 МАРТА 1974 Г.**

ВЕЩИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ У ХИРОО ОНОДЫ

ВЕЩИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ У ХИРОО ДНОДЫ

ВЕЩИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ У ХИРОО ОНОДЫ

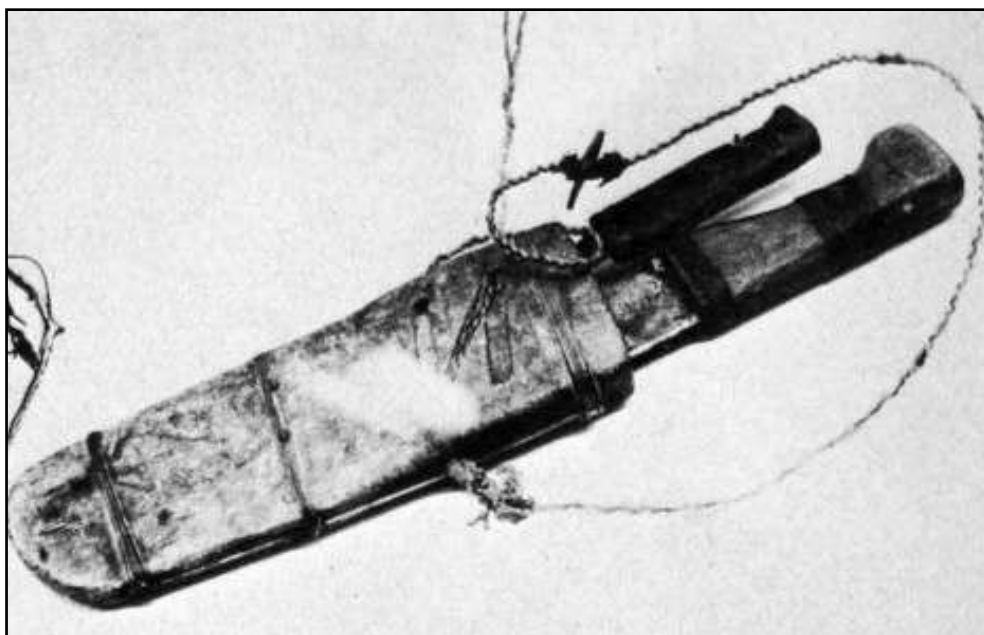
ВЕЩИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ У ХИРОО СНОДЫ

ВЕЩИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ У ХИРОО ЭНДЫ

ВЕЩИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ В ХИРОМ ОХОДЫ

ВЕЩИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ У ХИРОО ОНОДЫ

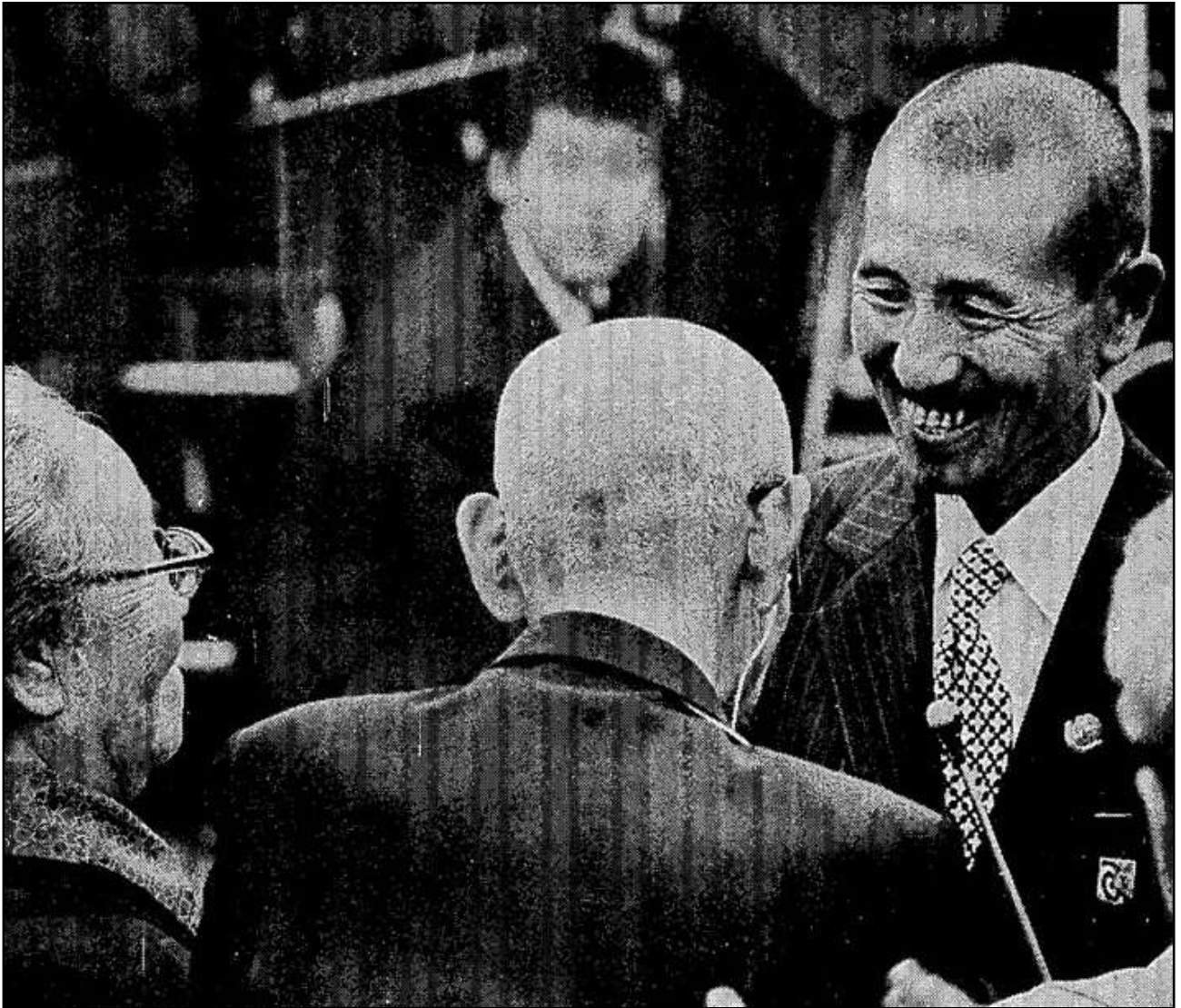

ОРУЖИЕ, ОБНАРУЖЕННОЕ У ХИРОО ЭНОДЫ

**ХИРОО ОНОДА ПРИВЕТСТВУЕТ ВСТРЕЧАЮЩИХ
ПО ПРИБЫТИИ В АЭРОПОРТ ХАНЭДА В ТОКИО,
12 МАРТА 1974 Г.**

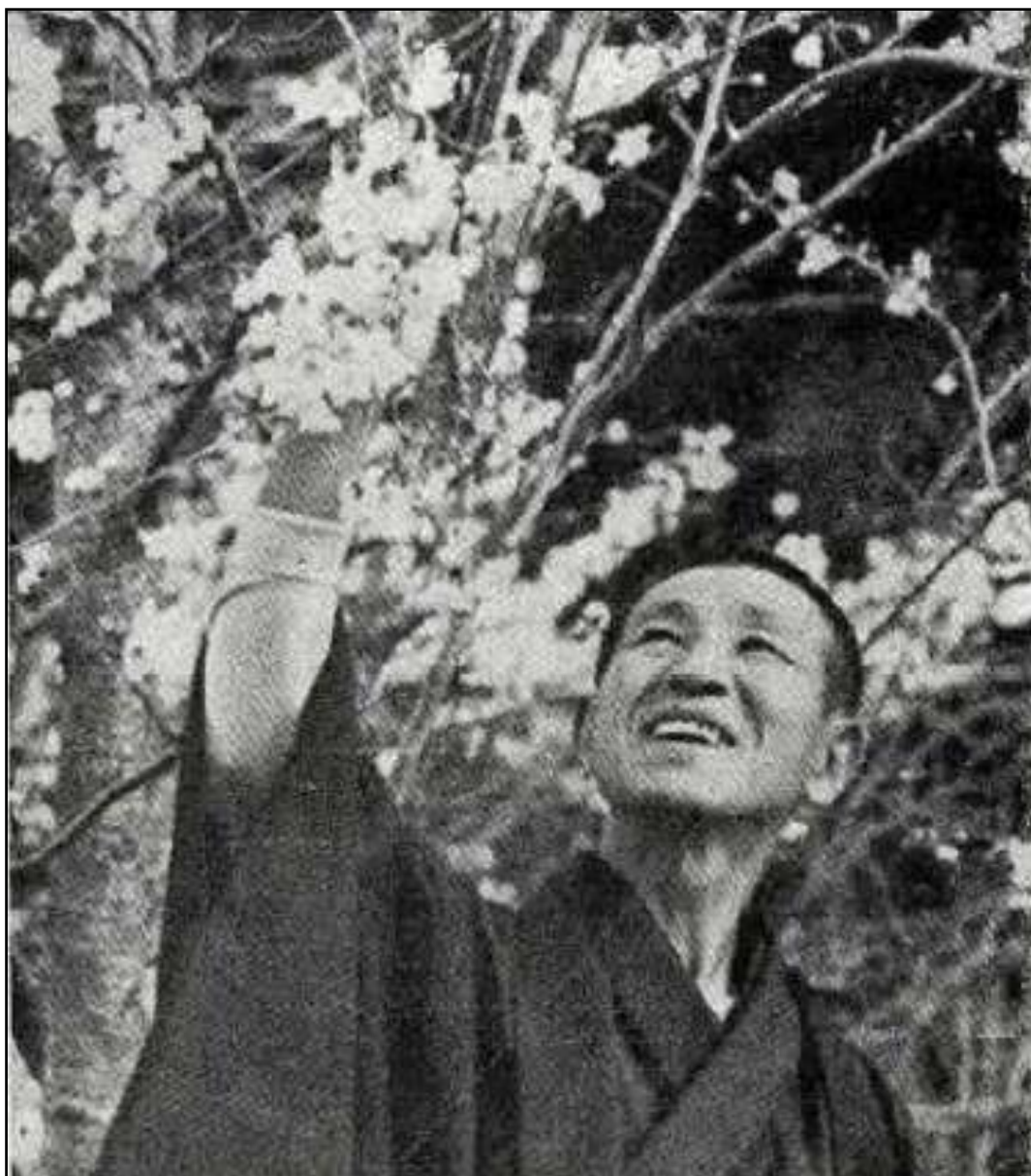
**ХИРОО ОНОДА ПРИВЕТСТВУЕТ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ
ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ЯПОНИЮ, 12 МАРТА 1974 Г.**

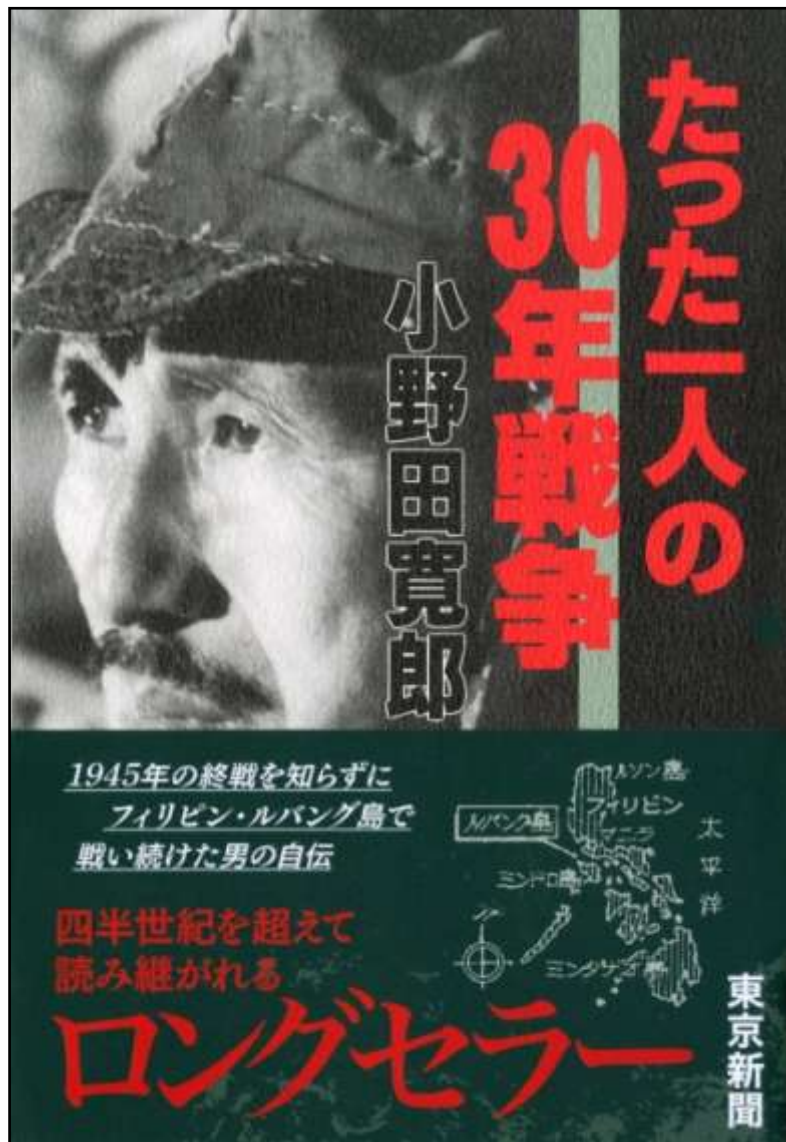
**ХИРОО ЭНОДА ВЫСТУПАЕТ НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ
ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ЯПОНИЮ, 12 МАРТА 1974 Г.**

**ХИРОО ОНОДА СПУСТЯ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ПОСЛЕ
ВОЗВРАЩЕНИЯ В ЯПОНИЮ, МАРТ 1974 Г.**

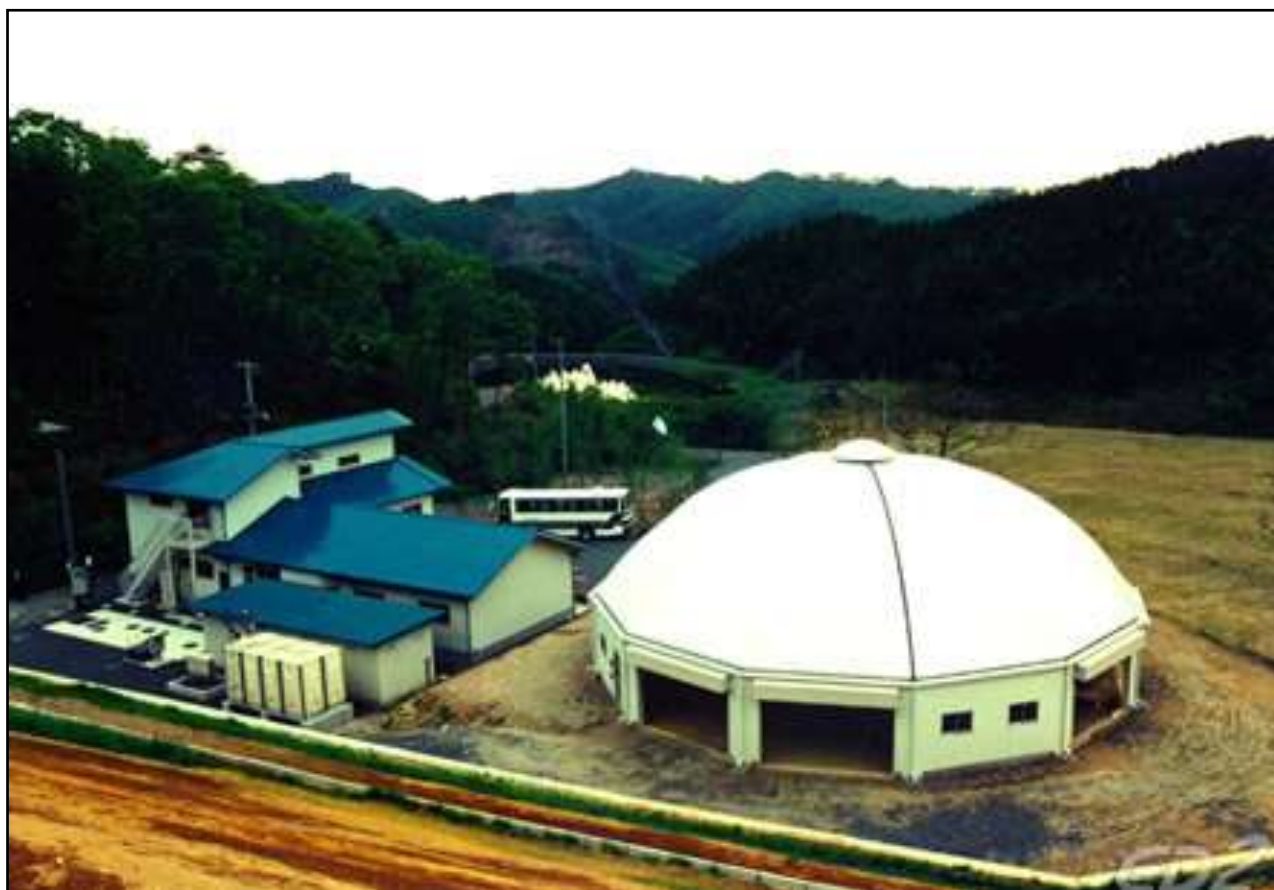
**ХИРОО ОНОДА СПУСТЯ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ПОСЛЕ
ВОЗВРАЩЕНИЯ В ЯПОНИЮ, МАРТ 1974 Г.**

ОБЛОЖКА ЯПОНСКОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ ХИРОО ОНОДЫ «НЕ СДАВАТЬСЯ. МОЯ ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА» (1974 Г.)

ХИРОО ДНОДА ВО ВРЕМЯ ЧТЕНИЯ ЛЕКЦИИ

ШТАБ-КВАРТИРА «ШКОЛЫ ПРИРОДЫ ЭНОДЫ»

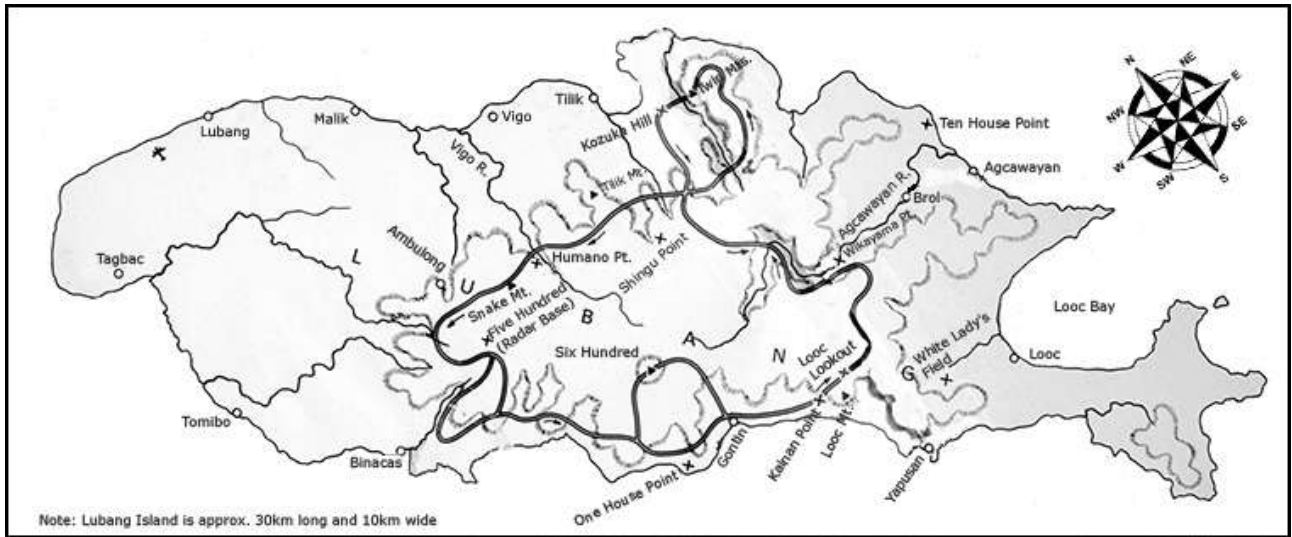

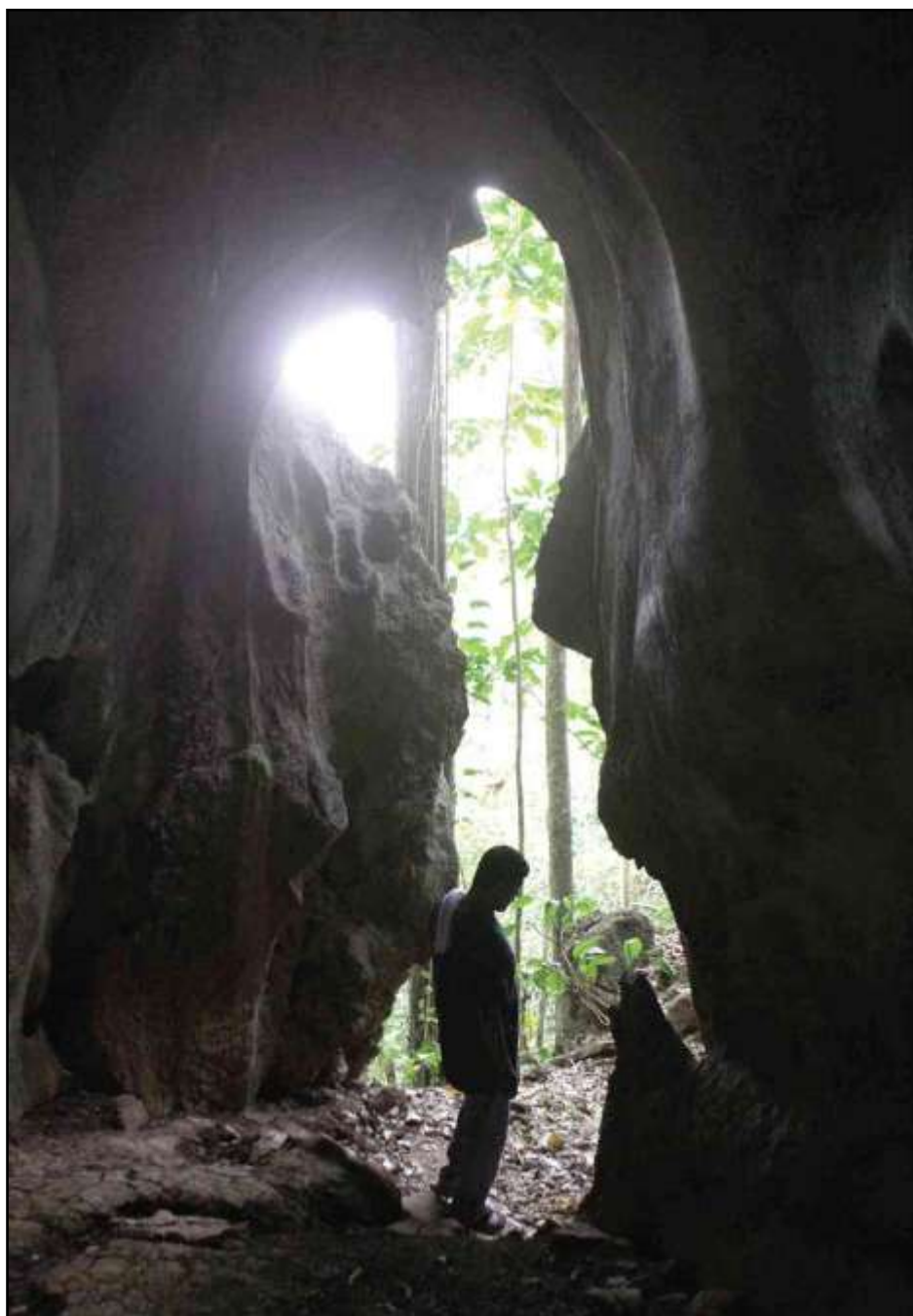
**ХИРОО ОНОДА В ОКРУЖЕНИИ СЛУШАТЕЛЕЙ
«ШКОЛЫ ПРИРОДЫ ОНОДА»**

ХИРОО ЭНОДА В СТАРОСТИ

«ТРОПА ОНОДА» НА ОСТРОВЕ ЛУБАНГ

**ОДИН ИЗ ОБЪЕКТОВ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ТРОПЫ ЗНОДЫ»,
НАХОДЯЩИЙСЯ НА ОСТРОВЕ ЛУБАНГ**

**ОДИН ИЗ ОБЪЕКТОВ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ТРОПЫ ЗНОДЫ»,
НАХОДЯЩИЙСЯ НА ОСТРОВЕ ЛУБАНГ**

ОСТРОВ САЙПАН

САКАЭ ДБА

САКАЭ ЦБА, 1 ДЕКАБРЯ 1945 Г.

**ОТРЯД ПОД КОМАНДОВАНИЕМ САКАЭ ОБА
В МОМЕНТ СДАЧИ, 1 ДЕКАБРЯ 1945 Г.**

САКАЭ ДВА В МОМЕНТ СВОЕЙ СДАЧИ, 1 ДЕКАБРЯ 1945 Г.

**ОТРЯД ПОД КОМАНДОВАНИЕМ САКАЭ ОБА ПЕРЕД
ОТПРАВКОЙ В ЛАГЕРЬ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ,
1 ДЕКАБРЯ 1945 Г.**

ПОСТЕР ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА
«ОБА: ПОСЛЕДНИЙ САМУРАЙ» (2011)

**СЭЙ ИГАВА – ОДИН ИЗ «ОСТАВШИХСЯ»
В ИНДОКИТАЕ**

**ТАКУИ ИСИИ – ОДИН ИЗ «ОСТАВШИХСЯ»
В ИНДОКИТАЕ**

**КИКУО ТАНИМОТО – ОДИН ИЗ «ОСТАВШИХСЯ»
В ИНДОКИТАЕ**

**ТАК ЭТОМО АРАКИ И ХИСАТОСИ МАЦУИ –
ОДНИ ИЗ «ОСТАВШИХСЯ» В ИНДОНЕЗИИ**

**САКАЭ КУДО – ОДИН ИЗ «ОСТАВШИХСЯ»
В ИНДОНЕЗИИ**

**ТОШИРО ИСИДА – ОДИН ИЗ «ОСТАВШИХСЯ»,
ПРОЖИВАВШИЙ В КИТАЕ В 1945-1993 ГГ.**

ОСТРОВ ПЕЛЕЛИ

**ЭЙ ЯМАГУТИ, ВЕРНУВШИЙСЯ
НА ОСТРОВ ПЕЛЕЛИУ, 1994 Г.**

ОСТРОВ ИВОДЗИМА

**ЯМАКАГЕ КЮФУКУ И МАЦУДО РИКИО, СКРЫВАВШИЕСЯ
НА ОСТРОВЕ ИВОДЗИМА В 1945-1949 ГГ.**

ОСТРОВ АНАТАХАН

**ЯПОНСКИЕ ВОЕННЫЕ И ГРАЖДАНСКИЕ ЛИЦА,
ВЕРНУВШИЕСЯ С ОСТРОВА АНАТАХАН, 1951 Г.**

**КАДЗУКО ХИГА, НАХОДИВШАЯСЯ
НА ОСТРОВЕ АНАТАХАН В 1944-1950 ГГ.**

ОСТРОВ ГУАМ

**БУНДЗО МИНАГАВА И МАСАСИ ИТО, СКРЫВАВШИЕСЯ
НА ОСТРОВЕ ГУАМ В 1944-1960 ГГ.**

**БУНДЗО МИНАГАВА И МАСАСИ ИТО
НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПОСЛЕ СВОЕГО
ВОЗВРАЩЕНИЯ В ЯПОНИЮ, 1960 Г.**

СЁИТИ ЁКОИ

СЭИТИ ЁКОИ, КОНЕЦ ЯНВАРЯ 1972 Г.

СЭИТИ ЭКОИ, КОНЕЦ ЯНВАРЯ 1972 Г.

**ВЕЩИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ У СЁИТИ ЁКОИ,
КОНЕЦ ЯНВАРЯ 1972 Г.**

**ВОЗВРАЩЕНИЕ СЕПТИ ЭКОИ В ЯПОНИЮ,
ФЕВРАЛЬ 1972 Г.**

**ВОЗВРАЩЕНИЕ СЁИТИ ЁКОИ В ЯПОНИЮ,
ФЕВРАЛЬ 1972 Г.**

**ВОЗВРАЩЕНИЕ СЭЙТИ ЭКОИ В ЯПОНИЮ,
ФЕВРАЛЬ 1972 Г.**

**СЁИТИ ЁКОИ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ЯПОНИЮ,
ФЕВРАЛЬ 1972 Г.**

**СЁИТИ ЁКОИ СПУСТЯ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ
ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ЯПОНИЮ**

ВСТРЕЧА СЁИТИ ЁКОИ С ИМПЕРАТОРОМ АКИХИТО, 1991 Г.

СѢИТИ ЁКОИ В СТАРОСТИ

**ЭКСПОЗИЦИЯ В ГОРОДСКОМ МУЗЕЕ НАГОЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ СЭЙТИ ЁКОИ**

ОДЕЖДА, КОТОРУЮ НОСИЛ СЁИТИ ЁКОИ

ВЕЩИ, НАЙДЕННЫЕ У СЁИТИ ЁКОИ

ВЕЩИ, НАЙДЕННЫЕ У СЁИТИ ЁКОИ

ВЕЩИ, НАЙДЕННЫЕ У СЁИТИ ЁКОИ

ВЕЩИ, НАЙДЕННЫЕ У СЁИТИ ЁКОИ

ВЕЩИ, НАЙДЕННЫЕ У СЁИТИ ЁКОИ

ВЕЩИ, НАЙДЕННЫЕ У СЁИТИ ЭКОИ

ВЕЩИ, НАЙДЕННЫЕ У СЁИТИ ЁКОИ

ВЕЩИ, НАЙДЕННЫЕ У СЁИТИ ЁКОИ

ВЕЩИ, НАЙДЕННЫЕ У СЁИТИ ЁКОИ

ВЕЩИ, НАЙДЕННЫЕ У СЁИТИ ЁКОИ

ВЕЩИ, НАЙДЕННЫЕ У СЁИТИ ЁКОИ

ВЕЩИ, НАЙДЕННЫЕ У СЁИТИ ЁКОИ

ВЕЩИ, НАЙДЕННЫЕ У СЁИТИ ЁКОИ

ВИНТОВКА, ПРИНАДЛЕЖАВШАЯ СЕИТИ ЁКОИ

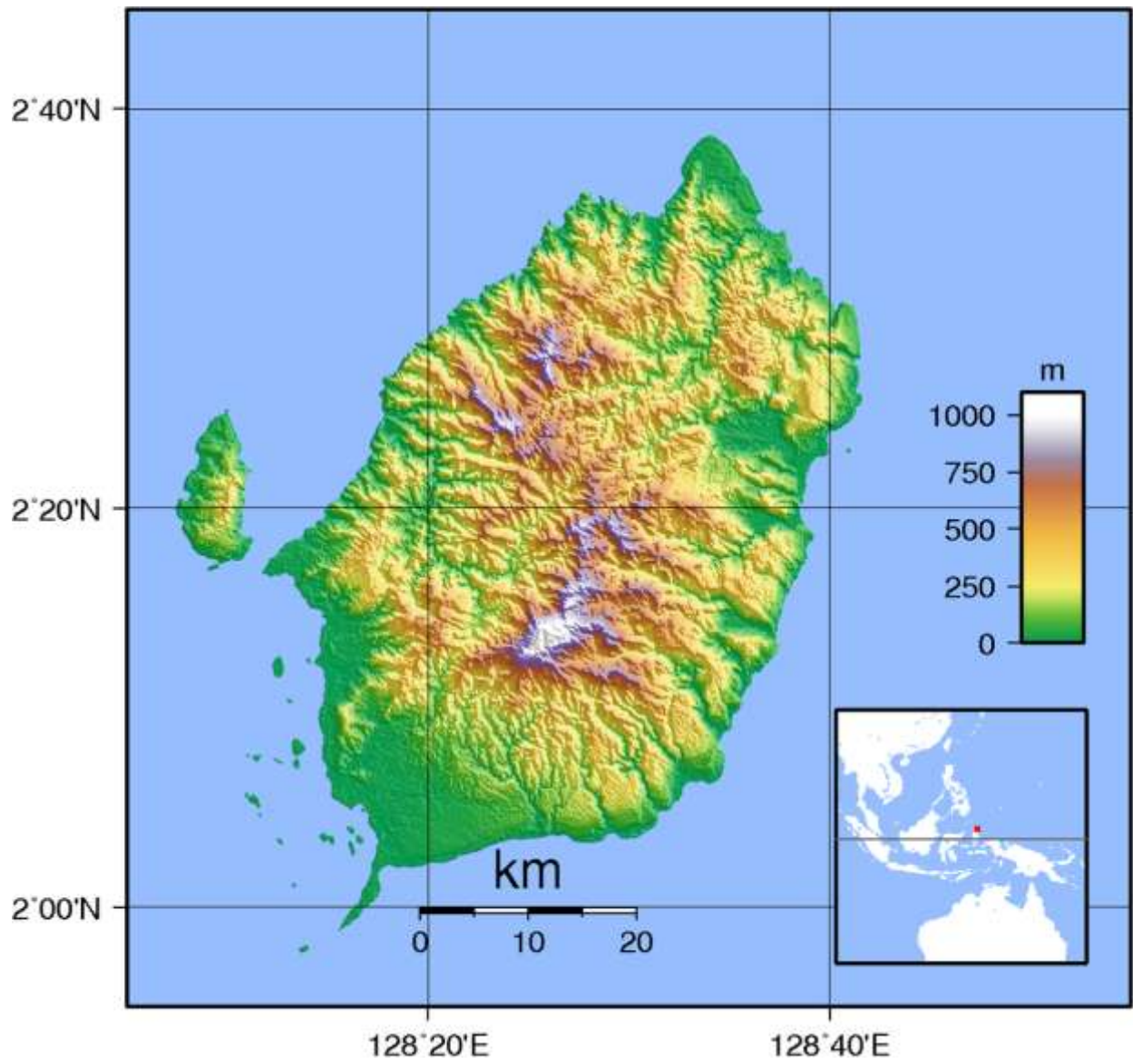
МЕСТО, ГДЕ РАСПОЛАГАЛОСЬ ЖИЛИЩЕ СЁИТИ ЁКОИ

ВХОД В ЖИЛИЩЕ СЁИТИ ЁКОИ

ЖИЛИЩЕ, В КОТОРОМ ЖИЛ СЁИТИ ЁКОИ

ОСТРОВ МОРОТАЙ

ТЭРУО НАКАМУРА (СЛЕВА)

**ТЭЦУО НАКАМУРА В ПЕРВЫЕ ДНИ ПОСЛЕ
СВОЕГО ВЫХОДА ИЗ ДЖУНГЛЕЙ, 1974 Г**

ТАРОО НАКАМУРА ПО ВОЗВРАЩЕНИИ НА ТАЙВАНЬ, 1974 Г.

ВСТРЕЧА ТЭРУО НАКАМУРЫ НА ТАЙВАНЕ, 1974 Г.

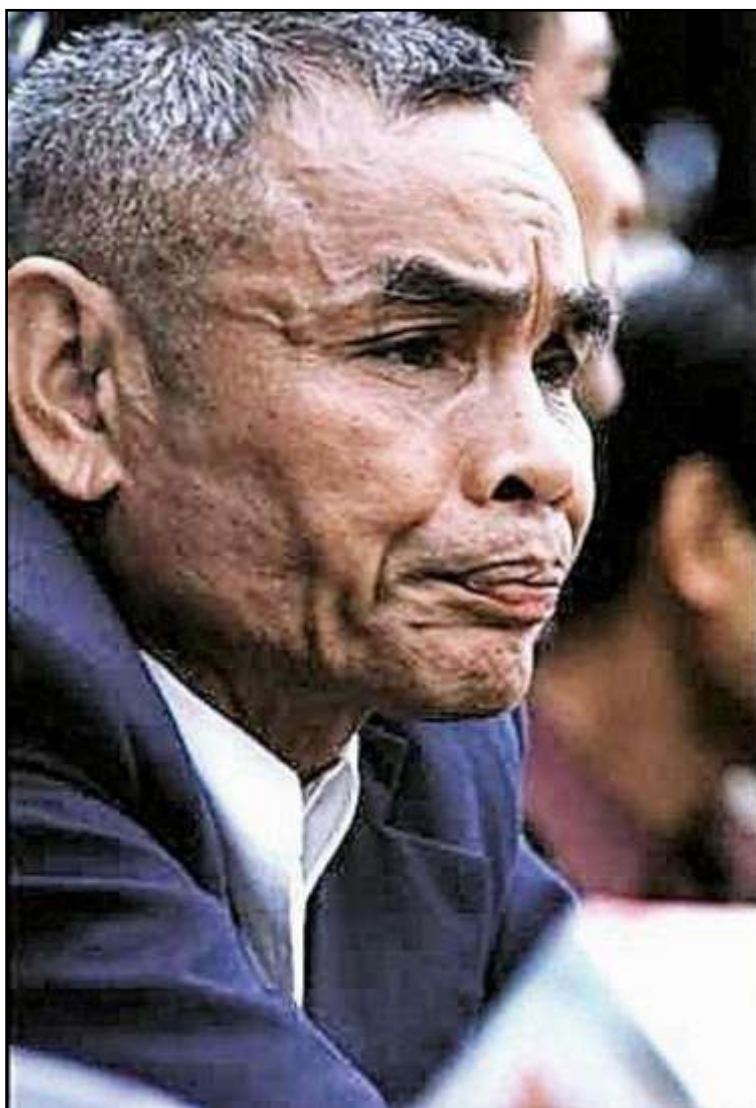
ВСТРЕЧА ТЭРУО НАКАМУРЫ НА ТАЙВАНЕ, 1974 Г.

ВСТРЕЧА ТЭРУО НАКАМУРЫ НА ТАЙВАНЕ, 1974 Г.

**ТЭРУО НАКАМУРА ВО ВРЕМЯ
ВСТРЕЧИ НА ТАЙВАНЕ, 1974 Г.**

**ТЭРУО НАКАМУРА
В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ**

**ПАМЯТНИК ТЕРУО НАКАМУРЕ
НА ОСТРОВЕ МОРОТАЙ**

**ИСИНОСЮКЭ УВАНО, ПОПАВШИЙ В СОВЕТСКИЙ ПЛЕН
В 1945 Г. И ПРОЖИВШИЙ В СССР И НА УКРАИНЕ
БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ СВОЕЙ ЖИЗНИ**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ХИРОО ЭНОДА	11
ДРУГИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ЯПОНИИ	87
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
БИБЛИОГРАФИЯ	159
ПРИЛОЖЕНИЕ	179

«ОСТАВШИЕСЯ»

**СОПРОТИВЛЕНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ЯПОНИИ
ПОСЛЕ КАПИТУЛЯЦИИ,
1945-1974 ГГ.**

**В КНИГЕ ПРЕДПРИНЯТА ПОПЫТКА
СОСТАВИТЬ ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
О ТАКОМ УНИКАЛЬНОМ ЯВЛЕНИИ,
КОТОРОЕ ИМЕЕТ ОТНОШЕНИЕ К ИСТОРИИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939-1945 ГГ.
И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯМ,
КАК СОПРОТИВЛЕНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ЯПОНИИ
(ХИРОСА ОНОДА И ДР.)
ПОСЛЕ КАПИТУЛЯЦИИ ЯПОНСКОЙ ИМПЕРИИ
2 СЕНТЯБРЯ 1945 Г.**

**НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО
ДЛЯ СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ, АСПИРАНТОВ,
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, СПЕЦИАЛИСТОВ,
В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, ИСТОРИКОВ, ДЛЯ ВСЕХ,
ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ ИСТОРИЕЙ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939-1945 ГГ.
И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЙ.**

